

В. В. Ткачев, А. И. Хаванский

КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. В. Ткачев
А. И. Хаванский

КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ПОВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ СТЕПИ

ОРСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В. В. Ткачев
А. И. Хаванский

КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рекомендовано к изданию Комиссией Поволжского филиала Института
русской истории РАН 24 февраля 2006 г., протокол № 1

Орск – Самара 2006

УДК 930.26

ББК 63.4(2)

Т48

Ткачев В. В., Хаванский А. И.

Т48   **Керамика синташтинской культуры : монография.** – Орск – Самара :
Издательство ОГТИ, 2006. – 180 с., ил.

Монография посвящена анализу одной из наиболее информативных категорий археологических источников, составляющих важную фракцию материальной культуры населения Южного Урала на рубеже эпох средней и поздней бронзы, – керамике. Рассматриваются теоретические вопросы методологии, дается обзор существующих методических подходов к изучению керамических коллекций. На основе оригинальной методики разработана морфологическая типология, подробно проанализирована система орнаментации керамики синташтинской культуры. Рассматриваются проблемы соотношения керамических комплексов начала позднего бронзового века в Волго-Уралье, генезиса керамических традиций синташтинской культуры.

Книга предназначена для специалистов-археологов, студентов вузов и колледжей, а также широкого круга читателей, интересующихся древней историей.

Научный редактор

доктор исторических наук, академик РАН, профессор **В. С. Горбунов**

Рецензенты

кандидат исторических наук, доцент **Н. Б. Виноградов**

кандидат исторических наук, доцент **О. Д. Мочалов**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Керамика синташтинской культуры» № 05-01-01299а.

На обложке – керамика из могильника Танаберген II в степном Приуралье на фоне отпечатка текстиля с внутренней поверхности сосуда из Новокумакского могильника в черте г. Орска. На обороте обложки – глиняный сосуд из Новокумакского могильника.

ISBN 5-8424-0254-8

© В. В. Ткачев, 2006

© А. И. Хаванский, 2006

© Поволжский филиал Института
русской истории РАН, 2006

© Институт степи УрО РАН, 2006

© ОГТИ (филиал) ГОУ ВПО ОГУ, 2006

Имя В. В. Ткачева, одного из авторов предлагаемой читателю книги, хорошо известно специалистам по его полевым исследованиям, на основе которых были подготовлены обстоятельные публикации и аналитические статьи. Обращение к комплексному анализу синташтинской керамики можно рассматривать как качественно новый этап в его научном творчестве. Хорошо известно, что работа с коллекциями керамики требует больших затрат времени и труда, но результаты этой работы, как правило, подвергаются критике по различным аспектам теории и практики, на которых построены типология или классификация. Объективные трудности создания безупречной во всех отношениях типологии состоят, по нашему мнению, в том, что, во-первых, керамика евразийских археологических культур создавалась в процессе специализированного вида домашнего производства с учетом многообразных и трудно улавливаемых этнографических и историко-культурных традиций. Во-вторых, те или иные внешние изменения в технологии, формах и орнаментации глиняной посуды не всегда следует воспринимать как влияние извне или смену населения. Поэтому керамика как самая многочисленная категория находок с того или иного памятника в основе своей может рассматриваться в качестве хотя и массовых, но по существу эксклюзивных артефактов. Серийность производства сосудов носила, по всей видимости, стихийный и весьма редко регламентированный характер. Все это существенно осложняет анализ керамики и создание классификационных и типологических схем.

Предлагаемая книга рассчитана на профессионально подготовленного читателя и состоит из четырех логически взаимосвязанных глав. В первой главе приводится обоснование теоретических положений и основанной на них методики анализа глиняной посуды. Далее авторы переходят к собственно типологии самой керамики синташтинской культуры в рамках ее морфологической характеристики и системы орнаментации. Следующим шагом является анализ соотношения керамических комплексов рубежа эпох средней и поздней бронзы в Волго-Уралье. Завершающей является глава, посвященная проблемам генезиса синташтинских керамических традиций.

Интерес к синташтинским древностям усилился в последнее десятилетие в связи с раскопками и публикацией материалов поселений (Синташта, Аркаим, Устье и др.), могильников (Большекараганский, Кривое Озеро, Танаберген, Каменный Амбар и др.) степного Зауралья. Выявленные на них следы деревянных повозок, изделий из металла, кости и камня резко выделяют их среди других древностей эпохи палеометалла степи и лесостепи Северной Евразии. К числу важных особенностей погребального обряда захоронений синташтинского типа относятся: многочисленные следы нарушенных костяков погребенных; наличие коллективных захоронений; большой удельный вес социально значимых погребений; помещение в могилу сосудов нескольких типов, носящих следы синкретичности. Круговые конструкции поселков, содержащих находки керамики синташтинского типа, наличие большого числа «богатых» погребений с весьма своеобразной керамикой, естественно, вызывают повышенный научный интерес к памятникам степной полосы Южного Урала. Не случайно существуют несколько оригинальных гипотез о происхождении па-

мятников синташтинского типа. Кроме того, необходимо отметить важность и своевременность исследований, проведенных В. В. Ткачевым и А. И. Хаванским. Действительно, проблемы, связанные с выявлением на территории Южного Зауралья древностей синташтинского типа, требуют глубокого и всестороннего изучения, анализа и интерпретации, поскольку выходят далеко за рамки региональной проблематики.

Несомненной заслугой данной работы является, в первую очередь, тщательный и скрупулезный подбор, прорисовка сосудов и компоновка таблиц. На основе собственной типологической схемы авторы пытаются обосновать культурную принадлежность керамики, отнеся ее к синташтинскому типу. В исследовании четко просматривается схема формирования особого синташтинского типа керамики, а через нее и более общие процессы культурогенеза населения бронзового века Южного Зауралья.

Однако основным предметом монографии В. В. Ткачева и А. И. Хаванского является разработка и апробация типологии большой коллекции керамики, которую они идентифицируют с памятниками синташтинского типа. Вполне обоснованным можно считать включение в компаративистский анализ синташтинской керамики коллекции керамики потаповского типа. Предложенную типологию естественно нельзя рассматривать как универсальную, которую можно приспособить для анализа керамических серий других культур, но многие положения и доводы исследователей заслуживают внимания и при необходимости модификации и внедрения. В то же время следует учесть целый ряд обстоятельств, которые вытекают из возможностей данной типологической схемы.

Дробное деление на типологические группы лишний раз подчеркивает, что индивидуальное кустарное производство вносит широкое многообразие в технологию и орнаментику погребальной посуды синташтинского типа. Есть основание надеяться, что типология, предложенная авторами книги, будет востребована. Однако необходимо иметь в виду, что предлагаемая работа представляет собой лишь первый этап, вслед за которым выделенные авторами типы синташтинской керамики будут скоррелированы с погребальными комплексами, в составе которых они были зафиксированы и в целом с теми или иными деталями и особенностями погребального обряда могильников рассматриваемой культурной принадлежности.

Монография В. В. Ткачева и А. И. Хаванского может вызвать разные ассоциации и оценки обоснованности выделения тех или иных типов и элементов орнамента. Однако, без сомнения, может возникнуть потребность создать нечто подобное исходя из других принципов и посылок. Очень важно, что идут поиски путей оптимизации, и, главное, создание на их основе сопоставимых характеристик оценки керамического материала, столь необходимых для решения разнообразных задач историко-культурного поиска.

Хорошо известно, что критерием истины является практика. Поэтому, представляя книгу В. В. Ткачева и А. И. Хаванского читателю, мы намеренно не ставили задачу полемизировать с авторами. После выхода в свет у нее, безусловно, найдутся последователи и критики. Бесспорно лишь одно, издание данной работы внесет свой вклад в решение многих дискуссионных проблем формирования ранних комплексных обществ в степной и лесостепной зонах Северной Евразии.

В. С. Горбунов

ВВЕДЕНИЕ

К числу наиболее выдающихся открытий в археологии бронзового века Северной Евразии можно отнести исследование на Южном Урале в начале 70-х годов прошлого столетия Новокумакского могильника и Синташтинского комплекса памятников рубежа эпох средней и поздней бронзы. Результаты этих раскопок коренным образом изменили наши представления о культурогенезе позднего бронзового века (ПБВ). Уже первые публикации определили на десятилетия вперед основную парадигму научного поиска с точки зрения выяснения генетических истоков, содержания, хронологии, ареала распространения этого круга памятников. С самого начала большое внимание уделялось вопросам этнолингвистических и социокультурных реконструкций (Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977; Генинг В. Ф., 1975; 1977).

С того времени была накоплена солидная источниковедческая база, которая, несомненно, способна стать надежным фундаментом для дальнейшей разработки синташтинской проблематики. И действительно, синташтинская проблема уже имеет собственную историографическую традицию, оформились разнообразные концепции, объясняющие генезис, эволюцию и исторические судьбы этого яркого культурного явления. Однако приходится констатировать, что вплоть до настоящего времени многие теоретические построения демонстрируют оторванность от конкретного материала. Следует согласиться с мнением исследователей, что «все меньше выходит работ, где есть использование традиционных методов археологии и выдержана процедурная последовательность операций, в которых главное – возможность проверки суждений и окончательных выводов» (Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., 2001, с. 266).

Это замечание носит отнюдь не праздный характер, поскольку на самом деле авторы большинства концептуальных работ старательно обходят рутинные и трудоемкие исследовательские процедуры. Наметился их перенос в естественнонаучную плоскость в рамках процессуального подхода. Безусловно, последнее направление является весьма перспективным, но оно должно не подменять, а дополнять традиционные для археологической науки методы анализа источников, которые всегда будут оставаться базовыми при изучении культурных образований прайсторического и протоисторического периодов.

В результате до сих пор у исследователей нет единства даже в вопросе о таксономическом ранге синташтинских древностей. Крайне запутанной остается проблема их происхождения, которая решается в русле восточноевропейской концепции и даже передневносточной и среднеазиатской миграционных моделей. Отсутствует понимание направленности эволюции синташтинского

культурного комплекса. Решение этих принципиальных вопросов может способствовать преодолению кризисных явлений в синташтинской проблематике, что актуализирует необходимость их разработки на основе нереализованного потенциала традиционных археологических методов исследования.

Именно осознание приоритетности очерченного круга дискуссионных вопросов подвигло авторов предлагаемой работы обратиться к одной из наиболее важных фракций синташтинского культурного комплекса – керамике. Однако, предвзяв дальнейшее повествование, следует сделать ряд оговорок. Дело в том, что информационный потенциал данной категории материальной культуры отнюдь не исчерпывается типологической классификацией. Чрезвычайно полезным для разработки целого спектра вопросов, связанных с изучением гончарного производства, является технико-технологический анализ керамики. Массу интереснейшей информации для реконструкции идеологических представлений, календарных систем, эстетического мировосприятия носителей гончарных традиций можно получить в ходе изучения семантики орнамента. Наконец, достаточно разнообразными могут быть даже сами принципы классификации гончарных изделий, например, по функциональному назначению (кухонная, столовая, культовая, технологическая посуда и т. д.). Однако мы осознанно остановились на традиционном типологическом методе, руководствуясь отнюдь не стремлением создания абстрактной типологии. Напротив, систематизация источников в данном случае преследовала цель выработки действенного механизма для выхода на уровень историко-культурных реконструкций, точнее создания предварительных условий для корректных и непротиворечивых обобщений. Традиционная типология в этом смысле более приемлема и с точки зрения возможности использования статистико-комбинаторных методов исследования для сопоставления больших массивов формализованных данных.

С учетом указанных обстоятельств, совершенно нецелесообразно и даже некорректно было бы привлекать данные по технологии, семантике и пр., так как их практически невозможно формализовать и включить в общую матрицу для статистической обработки, различен и сам характер содержащейся в них информации. Поэтому мы рассматриваем свою работу в качестве необходимого первичного уровня анализа синташтинской керамики как исторического источника, основы для будущих изысканий в этой области.

Отдельно следует сказать о критериях отбора источников. В работе использовались коллекции керамики только из погребальных памятников. Это обусловлено соображениями «чистоты» выборки, количественные характеристики которой будут приведены в соответствующих главах. Синташтинские памятники локализуются двумя достаточно компактными группами в подзоне северной степи к западу и востоку от Уральского хребта (рис.1), однако поселенческие структуры присутствуют пока только в зауральской региональной группе. Кроме того, анализу подвергались и керамические серии из близких

синташтинским памятников потаповского типа Среднего Поволжья, где поселения тоже не выявлены. Различия между поселенческой и погребальной посудой, несомненно, могли бы наложить отпечаток на результаты исследования, хотя для синташтинских древностей это не столь актуально, поскольку типологическая номенклатура и характер орнаментации гончарных изделий из различных категорий памятников в целом характеризуются относительной стандартностью. И, тем не менее, мы сознательно не привлекали поселенческие материалы. Тем более что это никак не сказалось на репрезентативности выборки.

В приуральской группе синташтинских памятников привлекались коллекции из могильников Танаберген II, Жаман-Каргала I, Герасимовский II, Ишкиновка I-II, Новокумакский.¹ Основная масса погребений сосредоточена в бассейне реки Илек, то есть в степном Приуралье. Последние три из перечисленных некрополей расположены уже на восточной кромке Уральской горной страны, но также в пределах степной ландшафтной зоны. Синташтинские могильники Южного Зауралья локализуются на платформе так называемого Зауральского пенеплена и, как правило, приурочены к укрепленным поселениям. Это могильники Большекараганский (Боталов С. Г. и др., 1996; Зданович Д. Г. и др., 2003), Кривое Озеро (Виноградов Н. Б., 2003), Каменный Амбар V (Костюков В. И. и др., 1996), Солнце II (Епимахов А. В., 1996), СМ, С I, С II, С III (Генинг В. Ф. и др., 1992). К этой же группе тяготеет могильник Ново-Петровка (Сунгатов Ф. А., Сафин Ф. Ф., 1995). Однако сразу отметим, что в отличие от авторов публикации основной массы погребальных комплексов могильника Большекараганский (Боталов С. Г. и др., 1996), мы относим к числу синташтинских лишь погребения курганов 24, 25 и 26 данного некрополя. Столь же избирательно мы подходили к отбору керамических коллекций из могильника Кривое Озеро, но в данном случае не возникает никаких разногласий с интерпретацией автора раскопок (Виноградов Н. Б., 2003).

Кроме того, учитывая необходимость определения соотношения керамических комплексов рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья, в работе также использовались материалы Потаповского и Утевского VI могильников в Среднем Поволжье (Васильев И. Б. и др., 1992; 1994; 1995). Что касается памятников потаповского типа, то вслед за В. В. Отрошенко (1998), мы рассматриваем курганы эпонимного памятника как стратифицированные, поэтому из выборки были исключены сосуды, происходящие из погребений эпох ранней и средней бронзы.

---

¹ Хотим обратить внимание, что сосуды из Новокумакского могильника, коллекция которых хранится в настоящее время в фондах Орского историко-краеведческого музея, были прорисованы заново, поскольку при первой публикации этих материалов (Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. 1977) были допущены досадные неточности.

Рис. 1. Карта расположения памятников рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья

1-27 - памятники синташтинской культуры; 28-29 - памятники потаповского культурного типа. 1 - Танаберген II, 2 - Жаман-Каргала I, 3 - Новокумакский, 4 - Ишкиновка I, 5 - Ишкиновка II, 6 - Герасимовка II, 7 - Ново-Петровка, 8 - Аландское, 9 - Селенташ (Синташта II), 10 - Кривой Дол (Андреевское), 11, 12 - Синташта, 13 - Аркаим, 14 - Большешкараганский, 15 - Ольгино, 16 - Каменный Амбар V, 17 - Журумбай, 18 - Сухой Дол, 19 - Устье, 20 - Солнце II, 21 - Родники, 22 - Сакрын-Сагла, 23 - Чернореченское III, 24 - Кривое Озеро, 25 - Троицк, 26 - Степное I, 27 - Шибаво I, 28 - Потаповка, 29 - Утевка VI

В результате источниковую базу составили 618 сосудов из синташтинских могильников Южного Урала, а также памятников потаповского типа Среднего Поволжья. Но в ряде случаев отдельные из них подвергались только качественному анализу по той причине, что коллекции из некоторых некрополей не составляли репрезентативной выборки (Ново-Петровка, Солнце II). Из этих же соображений для достижения необходимого количественного минимума при осуществлении статистических процедур объединялись керамические серии из памятников поздней группы Приуралья и могильников С II-С III Синташтинского комплекса в Зауралье.

Авторы считают своим долгом выразить глубокую признательность коллегам за ценные консультации в ходе работы над книгой, а также любезно предоставленные неопубликованные материалы раскопок отдельных памятников. В этой связи особо хотелось бы отметить Е. Е. Кузьмину, В. С. Бочкарева, Э. С. Шарафутдинову, О. В. Кузьмину, П. Ф. Кузнецова, А. П. Семенову, О. Д. Мочалова, Н. Б. Виноградова, Г. Б. Здановича, Д. Г. Здановича, А. В. Епимахова, В. Ю. Лунькова, С. Ю. Гуцалова, С. В. Богданова, Н. Л. Моргунову, М. В. Халяпина, а также всех авторов и участников раскопок памятников конца эпохи средней – начала поздней бронзы Волго-Уралья. Неоценимую помощь в подготовке публикации данной книги оказали сотрудники археологической научно-производственной лаборатории Орского гуманитарно-технологического института Е. А. Камышев, С. В. Горбачев, С. М. Умрихин, английский перевод выполнила Е. Э. Воеводина, за что авторы выражают им отдельную благодарность.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И МЕТОДИКА

Каждая работа, посвященная керамике бронзового века, начинается словами о важности данной категории артефактов как наиболее информативной и массовой. Однако отнюдь не каждая работа нацелена на реализацию информационного потенциала данного вида источников. Как представляется авторам, это нередко является следствием пренебрежительного отношения к теоретическим вопросам. Если в сфере технико-технологического анализа керамики методологическая и методическая стороны обоснованы А. А. Бобринским (1978), то в области типологической методики в настоящее время наметились кризисные явления.

Это обстоятельство подвигло авторов предлагаемого исследования включить теоретическую главу, в которой будут сформулированы методологические основы, терминологический аппарат, сделан обзор существующих на данный момент типологических методик и предложена собственная, на базе которой и строилась типология синташтинской керамики в данной работе.

В качестве наиболее существенных методологических посылов выступают отдельные теоретические разработки Л. С. Клейна (1991). Так, важной представляется «идея нисхождения», которая может быть выражена в виде следующей цепочки: культура – типы – признаки – типы – культура. Сущность данного положения состоит в том, что культура первична, а типы вторичны (имеется в виду исследовательский уровень). То есть невозможно выделение типов в массе разновременного материала. Сначала необходимо идентифицировать культурную отнесенность артефактов на самом общем уровне, и только потом может разрабатываться типология. Определенное сочетание признаков дает культуру, причем понимание сущности культуры выходит на качественно более высокий уровень по сравнению с первоначальным, интуитивным, этапом исследования (там же, с. 230-231).

Типология, по Л. С. Клейну, составляет оппозицию классификации, так как последняя предполагает группировку артефактов на основе единства критериев, жесткого разграничения и взаимоисключения групп, единую иерархию. Типология же предполагает «мягкую» группировку артефактов, отсутствие жестко заданных параметров. В этом смысле наша работа была ориентирована именно на типологию.

Кроме того, во избежание терминологической путаницы мы разграничиваем такие термины, как «типология» и «типологическая методика». В термине «типология» по существу заключены два значения. Поэтому в дальнейшем

под «**типологией**» мы будем понимать «систему типологических групп и ассоциаций, выделенных в некотором материале», а под термином «**типологическая методика**» – «совокупность операций, методов по выделению ассоциаций и типологических групп» (там же, с. 366). То есть типология соотносится с типологической методикой так, как результат со способом, которым тот был достигнут.

С помощью типологической методики выявляются типы и строится типология конкретных групп археологических источников в рамках отдельных культурных образований. В целом же процедуру «установления эволюционно-генетических связей между типами артефактов, построение типологических рядов, установление их параллельности, направленности» мы, вслед за Л. С. Клейном (1991, с. 366), обозначаем термином «**эволюционно-типологический метод**». Между тем, для установления соотношения совокупностей однородных категорий артефактов, выяснения генетической или контактной природы новаций на первый план выходит «**сравнительно-типологический метод**», позволяющий за счет использования конкретных методик статистико-комбинаторного характера выявить сходства и различия коллекций, в данном случае керамических.

Наконец, термин «тип», по Л. С. Клейну, мы определяем как «результат идеализации (абстрагирования, суммирования, усреднения) целых артефактов предположительно одного назначения, объединяемых по их сходствам между собой и отличиям от других артефактов того же или иного назначения» (Клейн Л. С., 1991, с. 379). То есть тип – это единица абстрактная, она противопоставляется артефакту как единице конкретной. Артефакт же является реализацией данного типа в конкретном материале. Для выделения типа мы должны отвлекаться от некоторых несущественных его признаков (абстрагирование), но абстрагирование не должно быть априорным, основанным только на субъективном мнении исследователя и ничем не аргументированным. Суммирование и усреднение предполагает, прежде всего, вычисление некоторых средних величин. Такая трактовка типа обуславливает отсутствие у него жестких границ. Однако вполне допустимо трактовать тип и как устойчивое сочетание признаков, так как эти два определения отражают разные стороны типа. Первое определяет процессуальную сторону (как мы, анализируя наличный материал, выделяем в нем типы), а второе определение – результативную сторону (что мы получаем в результате определенных операций).

Наша типологическая методика строится на основе анализа формы сосуда и орнаментации, поэтому вид типов, которые мы выделяем, – морфологический (Клейн Л. С., 1991, с. 382).

В настоящее время с точки зрения построения типологии керамики бронзового века следует отметить два обстоятельства. Во-первых, не существует

единой четкой системы наименований частей сосуда. Во-вторых, некоторые исследователи, справедливо указывая на определенные недостатки существующих типологий и типологических методик, делают пессимистические выводы о неэффективности типологии как таковой. Ее предлагается заменить изучением стилевых вариаций керамики, исследовать семантику орнамента, привлекать данные естественных наук. Однако до сих пор весь комплекс этих методов не смог четко описать динамику культурных образований в рассматриваемое нами время. Поэтому реальной альтернативы возвращения к типологии на данный момент, видимо, не существует.

Сначала во избежание путаницы необходимо четко определить части сосудов и обозначить их непротиворечивыми терминами. Как было установлено В. Н. Горбовым, «...названия частей сосудов, восходящие к работе В. А. Городцова, представляются более приемлемыми, т. к. отражают этнографически и археологически зафиксированные реалии мировосприятия традиционных обществ» (Горбов В. Н., 2000, с.135). Другими словами, подобный подход отражает определенные параллели, проводимые между человеком и сосудом и, соответственно, между частями тела человека и частями сосуда, то есть носят антропоморфный характер. Интересно, что в славянских памятниках письменности такое восприятие зафиксировано, по крайней мере, с XI-XII вв. (Петрухин В. Я., 1995, с. 199-200). Развернутая и убедительная аргументация В. Н. Горбова заставляет согласиться с тем, что наименование частей сосуда по В. Ф. Генингу (1973) является не очень удачным изменением городцовой схемы, так как нет особых причин для замены терминов в обозначении частей сосудов. Деление А. А. Бобринским (1988) венчика (по В. А. Городцову) на губу и щеку, а плеча – на плечо и предплечье проблематично в плане выделения их на практике. Позитивным представляется функциональный подход к определению каждой части сосуда. Поэтому в данной работе терминология частей сосудов была построена на основе схемы В. А. Городцова, с привлечением, однако, некоторых элементов системы А. А. Бобринского.

Выделяются следующие части сосуда (рис. 2).

1. Дно – часть сосуда, служащая опорой на плоскости.
2. Тулово – часть сосуда выше дна, как правило, расширяющаяся снизу вверх, оканчивающаяся в ближайшей точке наибольшей локальной кривизны и служащая основным наполнителем сосуда.
3. Плечо – часть сосуда, находящаяся выше тулова и служащая добавочным наполнителем.
4. Шейка – суженная часть сосуда, опирающаяся на плечо и служащая для дозирования слива. Шейка может не иметь высоты в случае, если фактически она является местом стыковки плеча и венчика. В этом случае наблюдается резкий переход от плеча к венчику, а шейка является своеобразным маркером минимального диаметра плеча. Все остальные признаки шейки при этом сохраняются.

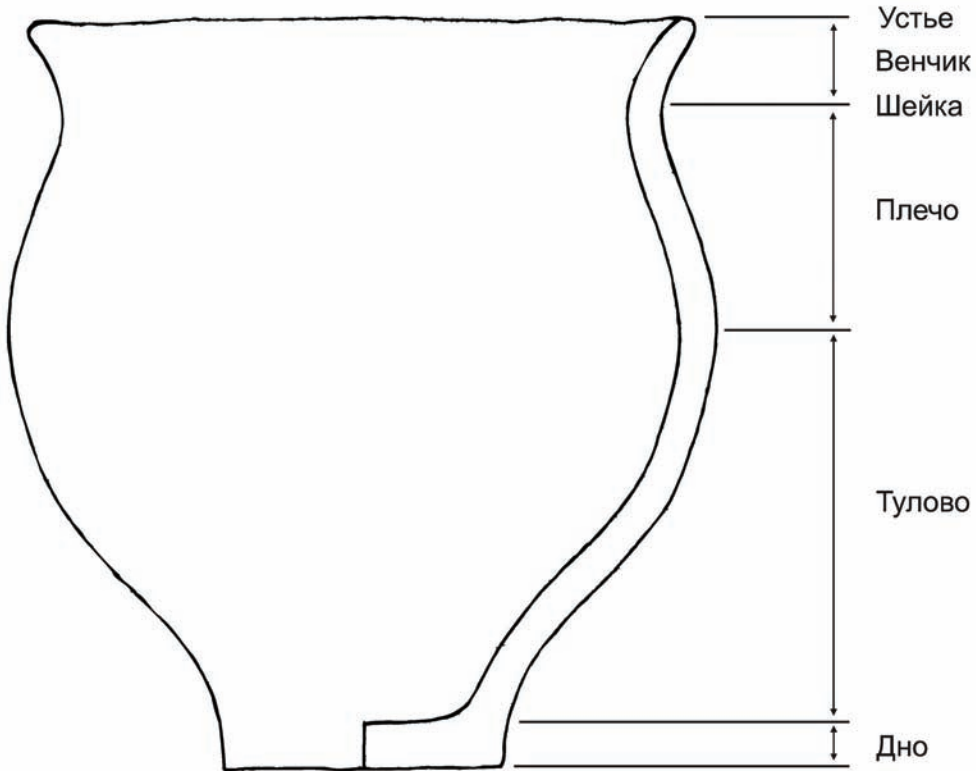

5. Венчик – часть сосуда, опирающаяся на тулово, плечо или шейку и служащая для устройства слива.

6. Устье – верхнее окончание сосуда.

7. Ребро – резкий переход от одной части сосуда к другой, стык плоскостей двух частей сосуда. Чаще всего ребро находится между туловом и плечом, что выражается как в наклоне стенок этих частей сосуда, так и в технологическом оформлении перехода от одной части сосуда к другой. Встречается так называемое «внутреннее ребро» – на отгибе венчика.

8. Поддон – выступ дна у сосуда. Он может быть в виде небольшой закраины, примерно равным дну или превышать его по ширине. В любом слу-

Рис.2. Схема локализации частей сосуда

чае дно, оформленное в виде поддона, резко отделяется от остальной части тулова, и этот переход локализуется у самого дна.

В каждом сосуде обязательно присутствует дно, тулово и устье. Остальные части являются факультативными. Такая часть сосуда, как предплечье (по А. А. Бобринскому), нами не характеризуется по причине ее отсутствия в строении синташтинской керамики, хотя на сосудах более позднего времени ее выделить можно.

Подробный аналитический обзор достаточно обширного перечня разнообразных подходов к созданию типологии археологической керамики и использования статистико-комбинаторных методов для обработки репрезентативных выборок формализованных данных осуществлен в последней монографии В. С. Мосина (2003, с. 11-22). Это избавляет нас от необходимости разработки историографического аспекта данной проблемы. Тем не менее, необходимо обратиться к двум методикам, имеющим непосредственное отношение к теме нашего исследования. Речь идет о системах В. Ф. Генинга (1973) и А. А. Бобринского (1986; 1988).

Типологическая методика В. Ф. Генинга (1973) явилась одной из детально проработанных отечественных типологических методик по керамике. В ней широко используются математические и статистические вычисления, и по своей структуре она достаточно ясна и логична. Однако у современных исследователей данная типологическая методика популярностью не пользуется и вообще считается неэффективной. Так, например, публикация Синташтинского комплекса сопровождается таблицами абсолютных размеров сосудов (Генинг В. Ф. и др., 1992, с. 403-406). Казалось бы, это создает необходимые условия для использования данной методики, но более чем за 10 лет (!), несмотря на развитие компьютерной техники, сделать это никто не решился.

Следует согласиться, что методика В. Ф. Генинга недостаточно совершенна, особенно в части, где приводятся указатели форм сосудов и формулы для их вычисления. У исследователей вызывает настороженность очень большая трудоемкость работы, такое большое число указателей формы и их значений просто невозможно удержать в памяти. Представляется неэффективным: вычислять высоту шейки (по В. Ф. Генингу, в нашей работе это венчик) через ее отношение к собственному диаметру (высотно-горловинный указатель ФБ); вычислять высоту плеча АЕ по его отношению к придонной части (в нашей работе – тулово); вычислять относительную величину тулова (высотный указатель тулова АД) с помощью сложной алгебраической формулы. Причем под туловом понимаются все части сосуда от дна до суженной части. Все эти громоздкие формулы и сложные вычисления можно просто заменить процентным выражением частей сосуда от его общей высоты. Это весьма наглядно и, главное, позволяет проследить эволюцию типа, кроме того, процентное выражение отражает взаимозависимость высот каждой части. По методике В. Ф. Генинга это сделать сложно, если не невозможно (например: трудно без постоянного обращения к таблице определить, что отражает изменение высотного указателя тулова с 0,89 до 1,3), а в процентах это весьма просто и понятно, например: увеличение высоты тулова с 64% до 70%.

Крайне трудоемким представляется вычисление указателя профилировки шейки ФГ (угол ее отгиба), «указателя выпуклости плеча» АЖ (его наклона) и указателя ширины днища ФИ по сложной формуле. Это дает очень тонкие

результаты, тогда как создатели керамики при формировании наклона стенок соответствующих частей сосуда руководствовались визуальными данными (если, конечно, посуда не лепилась на каких-либо основах). Но тогда это стандартная величина. Образно говоря, это напоминает измерение земельного участка сантиметровой линейкой.

Для степени отклонения венчика (шейки по В. Ф. Генингу) достаточно словесных определений. А определять наклон стенок тулова и плеча вряд ли целесообразно, так как косвенно они уже были определены через относительную высоту каждой части и высотный указатель ФА. Существует следующая взаимосвязь: «... чем выше плечики (наибольший диаметр тулова), тем менее раздуто тулово; чем уже дно, тем сосуд развалистее и одновременно тем меньше дно по сравнению с горлом...» (Клейн Л. С., 1991, С. 26).

Типологическая методика В. Ф. Генинга похожа на феномен «черного ящика», когда исследователь имеет только начало и итог работы, а механизм остается для него непонятным. По всем вышеназванным причинам типологическая методика В. Ф. Генинга в ее чистом виде нами не использовалась.

Автором другой методики является А. А. Бобринский (1986; 1988). Данная методика направлена на исследование гончарной технологии на основе выделения функциональных частей сосудов. Она нацелена на реконструкцию естественной структуры емкостей и основывается на вычислении высоты каждой части в процентах и наклона стенок каждой части в градусах (а не через тангенс и котангенс как у В. Ф. Генинга). В этом смысле обсуждаемая методика нагляднее. Однако для собственно типологического анализа у нее, на наш взгляд, существует ряд недостатков. Во-первых, автор не использует общую пропорцию сосудов. В результате и вытянутый, и приземистый сосуды при одинаковых относительных величинах частей могут попасть в один тип, хотя, конечно, наклон стенок частей сосуда косвенно указывает на его пропорции. Во-вторых, А. А. Бобринский не рассматривает внешнюю форму сосуда, а оперирует «костяками», т. е. фигурами, образованными путем соединения прямыми линиями точек наибольшей локальной кривизны. Хотя, как известно, сосуды могут быть и плавнопрофилированными, и с ребристым профилем, важность внешней формы сосуда оспаривать не будет никто. Автор через высоту каждой части и угол наклона ее стенок определяет 3 состояния, в котором каждая часть может находиться: сформированное, частично сформированное и несформированное. В целом, методика А. А. Бобринского позволяет получить информацию о структуре керамических емкостей, но не направлена на создание типологии, поэтому не может быть использована применительно к целям данной работы, поскольку почти не учитывает морфологические особенности структурных элементов.

Существует еще одна типологическая методика, о которой необходимо упомянуть. Ее можно назвать традиционной. Ее использует абсолютное боль-

шинство археологов. Эта методика не авторская и сложилась исторически. Она оперирует словесными дефинициями, типа «горшок», «чаша», «банка», «уступчик» и т. д. Основу этой методики составляют визуальные наблюдения и интуиция исследователя. Главное требование этой методики – немногочисленность типов, и чем их меньше, тем лучше. Это обусловлено самим визуальным характером данной методики.

Далее перейдем к анализу существующих типологий синташтинской керамики. Так как в нашу задачу не входит историографический разбор данного вопроса, то мы остановимся только на основных попытках создания типологии синташтинской посуды.

Одной из первых типологий керамики памятников синташтинского круга явилась типология керамики Потаповского могильника (Васильев И. Б. и др., 1994). Авторы, пользуясь традиционной методикой, выделяют 6 типов глиняной посуды: 1) горшки с отогнутым венчиком, внешним и внутренним ребром; 2) горшки с отогнутым венчиком, внутренним ребром и овальным туловом; 3) горшки с отогнутым венчиком (без внутреннего ребра); 4) горшки с отогнутым венчиком, овальным туловом и без внутреннего ребра; 5) горшки с зауженным горлом и овальным туловом; 6) банки. Таким образом, типология строится на наличии (отсутствии) венчика у сосуда (горшки-банки) и на наличии (отсутствии) внутреннего ребра. Сочетание данных признаков дает тип. По характеру орнаментации керамики 6 этих типов подразделяются на 10 подтипов (от 1 до 3 подтипов в типе). Авторы дают процентную отнесенность для каждого типа и подтипа по курганам, но не сделали этого по всей керамике. Кроме того, как убедительно показал В. В. Отрощенко (1998), Потаповский могильник является поликультурным и стратифицированным. Авторы публикации этого не учитывают, и в результате в керамическую коллекцию попало несколько сосудов эпохи средней бронзы. Статистические данные при этом, конечно, оказались несколько размытыми.

Керамику другого могильника потаповского типа Утевки VI проанализировал недавно О. Д. Мочалов (2003). В своих исследованиях он совмещает традиционную методику и методику А. А. Бобринского. Автор осознает необходимость более дробной типологии и, анализируя керамику культур бронзового века бассейна р. Самары, создает кодифицированную таблицу, которая включает в общей сложности 30 типов. Из них для керамики потаповского типа характерно 10. Выделен 31 орнаментальный мотив. Типы характеризуются с помощью словесных дефиниций. По методике А. А. Бобринского автор выявил соотношение встречаемости функциональных частей форм сосудов потаповского типа (Утевка VI) и раннесрубных (Спиридоновка II). Однако автор не проводит соответствий между типами, выделенными по традиционной методике, и результатами, полученными при работе с методикой А. А. Бобринского. И в других работах этого исследователя наблюдается тот же параллелизм

(Мочалов О. Д., 1997а). То есть соединять результаты, полученные при работе по разным методикам, до конца не получается.

Немного ранее П. Ф. Кузнецов и О. Д. Мочалов в специальной работе исследовали керамику из синташтинских памятников Зауралья и потаповского типа Среднего Поволжья с помощью статистических процедур (Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., 2001). Авторами выделяются 6 типов керамики, правда специально не оговаривается, как эти типы были выделены. Выявлено 30 орнаментальных композиций. Результаты статистического анализа показали определенную независимость орнаментальных композиций территориально близких комплексов, и наоборот, сходство орнаментов географически весьма отдаленных памятников. Формы же сосудов несколько строже коррелируют с территорией. Авторы полагают, что орнаменты в большей степени отражают хронологические особенности памятников, а форма сосудов – особенности территориальные. Авторы также выражают сомнение в перспективности «выделения стабильных археологических культур в период активного культурогенеза» (Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., 2001, с. 273).

Анализ керамики синташтинской культуры предпринимался С. А. Григорьевым (2000). Он отмечает многообразие синташтинских типов и выделяет 3 основных: 1) горшок с выраженным плечом, резко отогнутыми венчиком и внутренним ребром; 2) закрытые банки довольно крупных размеров с узким днищем, плавной профилировкой, широкой горловиной; 3) небольшие приземистые сосудики с резко отогнутым венчиком, внутренним ребром и ребром по тулову и почти округлым дном. Выделяются также плавнопрофилированные горшки.

В недавно вышедшей монографии Н. Б. Виноградова (2003) анализируется керамика могильника Кривое Озеро. Типологическая характеристика производилась с частичным учетом требований методики В. Ф. Генинга. Автор обращает внимание на преобладание сосудов горшечно-баночной формы горизонтальных пропорций. 61,7 % синташтинских сосудов имеют внутреннее ребро, 78,1% сосудов остросеберные, 20,6% имеют плавную профилировку тулова. Автор отмечает насыщенность орнаментации керамики, разнообразие приемов нанесения орнамента. В качестве подтипов выделяются миниатюрные остросеберные богато орнаментированные сосудики.

Т. С. Малютиной и Г. Б. Здановичем была разработана типология керамики поселения Аркаим (Малютина Т. С., Зданович Г. Б., 2004). Хотя признаки выделялись по методике В. Ф. Генинга, но в описании типов преобладают словесные дефиниции, а не числовые параметры. Видимо, традиционная методика была определяющей. Авторы выделяют четыре типа горшечных, один тип горшечно-баночных и три типа баночных сосудов. Некоторые типы подразделяются на варианты (от одного до четырех).

Таким образом, большинство существующих типологий строится на интуитивном уровне. Причем абсолютно преобладает позиция «в – кучу – сразу

бателей» (Lumpers) (Клейн Л. С., 1991, с. 94), требующих небольшого количества типов, чем позиция «дробителей» (Splitters) (там же, с. 94). Взгляды «в – кучу – сгребателей» считаются в данный момент правильными, и возможность отхода от них тоже не обсуждается. Недаром Г. Б. Зданович достаточно дробную типологию керамики Аркаима называет ненаучной, в качестве оправдания указывает на некие «гендерные» аспекты их типологии (Древняя керамика..., 2003, с.132). Наиболее крайней является позиция отрицания наличия в синташтинской керамике типов: «Типов как таковых здесь нет», – выносит вердикт Е. В. Куприянова (Древняя керамика..., 2003, с.136).

Далее перейдем к изложению нашей собственной типологической методики. Она учитывает элементы методик В. Ф. Генинга и А. А. Бобринского, но построена по несколько иному принципу. Основные положения данной методики уже были изложены в тезисной публикации (Хаванский А. И., 2004а). Анализ керамического комплекса производится в несколько стадий.

Стадия I. Выделение классов сосудов. Класс – это наиболее общая таксономическая единица в группировке сосудов. Он выделяется на основании наличия (отсутствия) частей и их сочетания. Например: горшок – это сосуд, который имеет все части, банка имеет дно, тулово (открытая банка) + плечо (закрытая банка) и устье. Миска – банка с отношением высоты сосуда к диаметру устья $< 0,5$, блюдо – сосуд с отношением высоты к диаметру $< 0,1$. Выделяются также кубки и кубкообразные сосуды: их отличает узкое дно ($< 0,5$ от диаметра устья), наличие поддона и / или S – образное тулово.

Горшки могут иметь плавный или ребристый профиль, сглаженное ребро, то есть занимать промежуточное положение между горшками, не имеющими ребра, и горшками, у которых оно присутствует.

Горшечно-баночные сосуды занимают промежуточное положение между горшками и банками. Венчик у таких сосудов недостаточно выражен, он или очень маленький, или недостаточно четко отделяется от предшествующих частей сосуда. По этой причине и однозначное отнесение к горшкам или банкам затруднено или невозможно.

Стадия II. Выделение отделов в классах сосудов. Каждому отделу присваивается числовой индекс римской цифрой, нумерация сплошная, то есть проходит через все классы. Как показала практика, несколько отделов выделяются только в классе горшков, остальные классы состоят из одного отдела (то есть класс = отделу). Индексы отделов могут быть такими: I – горшки с ребристым профилем, II – горшки со сглаженным ребром, III – горшки с плавным профилем, IV – кубкообразные сосуды, V – горшечно-баночные сосуды, VI – банки, VII – миски, VIII – блюда.

Стадия III. Выделение типов в отделах. Визуальное определение внешней формы частей сосудов. Разновидностям формы присваиваются числовые и знаковые индексы:

1. Наличие внутреннего ребра на отгибе венчика: «+» – есть, «-» – нет.
 2. Форма устья: 1 – приостренное, 2 – плоское, 3 – в виде валика, 4 – скошенное, 5 – округлое.

3. Форма венчика: 1 – вогнутый, 0 – прямой (не путать с вертикальным), 1 – выгнутый.

4. Форма шейки: 1 – вогнутая, 0 – прямая, 1 – выгнутая.

5. Форма плеча: 1 – вогнутое, 0 – прямое, 1 – выгнутое.

6. Форма тулова: 1 – вогнутое, 0 – прямое, 1 – выгнутое, 2 – выгнуто-вогнутое (S – образное).

7. Форма дна: 1 – простое плоское, 2 – плоское на поддоне, 3 – округлое.

Результатом этого этапа является составление «морфологической формулы» сосуда. Для каждой культурной группы набор данных признаков индивидуален и должен быть дополнен или сокращен при работе с керамическими коллекциями иных культурных образований. На практике для синташтинской керамики наиболее важной оказалась форма плеча сосудов с ребристым профилем (прямое или выгнутое).

Стадия IV. Выделение подтипов в типах. Измерение абсолютных размеров и вычисления относительных величин сосуда. Вычисляются следующие относительные величины: относительная высота каждой части сосуда в процентах от общей высоты сосуда и общая пропорциональность сосуда (высотный указатель ФА по В. Ф. Генингу).

Для того чтобы термины «низкий венчик», «высокое тулово» и т. д. были избавлены от волюнтаризма исследователей и под ними понимались некие общие величины, высоты каждой части сосуда были разделены на размерные группы. Реперами границ послужили те цифры, которые дает А. А. Бобринский (1988), однако разбивка была сделана более дробная. Вслед за В. Ф. Генингом (1973), мы разделили относительную величину высоты каждой части сосуда на 5 групп:

	венчик	шейка	плечо	тулово
очень малый	1-2 %	до 5 %	до 10 %	до 40 %
малый	3-5 %	6-10 %	11-20 %	41-55 %
средний	6-10 %	11-15 %	21-30 %	56-70 %
большой	11-15 %	16-20 %	31-40 %	71-85 %
очень большой	16 % и более	21 % и более	41 % и более	86 % и более

Следует оговориться, что данные термины закреплены за определенными группами условно, и потому при составлении типологии данная таблица применяться не может. К сожалению, в публикации основных положений типологической методики (Хаванский А. И., 2004а) данной таблице было уделено неоправданно много места. В результате могло сложиться мнение о randomness и искусственности типологии, построенной по данной методике. Повторяем, что приведенная выше таблица существенной роли в нашей методике не играет, она создана только для того, чтобы исследователи под словесными дефинициями понимали одни и те же числовые значения. Кроме того, словесные определения данной таблицы могут использоваться в тезисах, кратких сообщениях и т. д., когда небольшой объем публикации не может вместить большое количество разных числовых данных.

Выделение подтипов из типов производится через построение гистограмм для каждого числового значения (высоты венчика, плеча, тулова в % и высотного указателя), т. е. строятся 4 гистограммы (или графика). Методика построения гистограмм взята нами из работы И. С. Каменецкого и А. А. Узанова (1977). Однородная серия дает одновершинное распределение, и это показывает, что «... значения колеблются около некой средней, которая являлась мысленным эталоном древних мастеров» (там же, с. 40). Это свидетельствует, что мы имеем дело с одним подтипом. Двух и более вершинное распределение показывает, «... замеренная нами серия неоднородна, что мы имеем, как минимум, дело с двумя различными типами, каждый из которых имел свой эталон» (там же, с. 40). Таким образом, подтипов несколько. При этом следует учитывать, что величины тулова, плеча и венчика связаны между собой: чем выше тулово, тем меньше плечо и венчик. Поэтому, например, пик значения, приходящийся на высокое тулово, для высокого плеча будет спадом, так как у него просто «не хватает» высоты.

Поэтому при выделении подтипов необходимо рассматривать гистограммы и графики высоты венчика, плеча и тулова совместно. Иначе можно выделить несуществующие подтипы. Еще раз акцентируем внимание на взаимосвязи трех вышеназванных величин и на невозможности правильно выделить подтип только по одной величине, не учитывая другие.

В результате, создание типологии керамики строится по следующей схеме. Сначала сосуды распределяются по классам и отделам. Потом объединяются сосуды, близкие по морфологической формуле. На практике оказалось, что наиболее значимыми признаками внешней формы у синташтинской керамики оказалась форма плеча у сосудов с ребристым профилем и наличие (отсутствие) внутреннего ребра на отгибе венчика. Другие внешние признаки между собой и с остальными параметрами сосудов не коррелируются.

Далее ранее выделенные группы сосудов по близости относительных величин и абсолютных размеров распределяются на подтипы. Подтип в на-

шей типологической методике (и типологии) является основной таксономической единицей.

Полученные подтипы объединяются в типы. Основанием для этого служит: одинаковая форма, близкие абсолютные и относительные размеры. Например, не могут быть объединены в одном типе высокие вытянутые горшки и маленькие приземистые. К полученным подтипам и типам применяются обычные статистические процедуры.

Функциональный критерий в нашей типологии не применялся, так как было установлено, что «...признак функциональности не может служить надежным основанием типологической схемы» (Деопик Д. В., Дервиз Т. Г., 1985, с. 23).

Результаты анализа заносятся в две таблицы:

Абсолютные размеры

Шифр сосуда	Показатели/ № сосуда	Толщина стенок в мм	Диаметр устья	Диаметр шейки	Диаметр тулова	Высота сосуда	Высота венчика	Высота плеча	Высота тулова

Данная таблица взята из методики В. Ф. Генинга (1973).

Относительные данные
(начало)

Шифр сосуда	Показатели/ № сосуда	Внутреннее ребро	Форма устья	Форма венчика	Форма плеча	Форма тулова	Форма дна

Относительные данные
(окончание)

Относительная высота венчика	Относительная высота плеча	Относительная высота тулова	Общая пропорциональность

Представляется, что достоинством нашей типологической методики является возможность использовать ее даже тогда, когда в публикациях представлены только изображения сосудов с масштабом, но их абсолютные размеры не даются, поскольку наша методика строится на относительных данных.

Обращаясь к мировому опыту, следует сказать, что наша типологическая методика не уникальна. Наша методика близка числовым (нумерическим) таксономиям Д. Кларка, М. Адансона (Клейн Л. С., 1991, с. 59-62). Ступенчатый анализ, по нашему мнению, поможет выяснить значимые признаки.

Система орнаментации, в отличие от морфологии керамических емкостей, представляет собой более динамичную культуuroобразующую составляющую

щую. Безусловно, орнамент является важнейшим культурным индикатором. Он демонстрирует значительно большую эволюционную пластичность, сильнее подвергается трансформации и модификации за счет инокультурных включений в результате взаимодействия различных гончарных традиций. Именно система орнаментации чутко реагирует на процессы культурной дивергенции. В то же время, она неразрывно связана с формой, так как орнаментальные композиции надежно коррелируются с определенными классами сосудов, более того, прослеживается закономерность даже в приуроченности отдельных элементов орнамента к частям емкостей.

Анализ системы орнаментации, как впрочем, и морфологических особенностей керамики, как правило, осуществляется в соответствии с задачами конкретного исследования. В предлагаемой работе, имеющей нацеленность на формализацию исходных данных для их анализа с использованием статистико-комбинаторных методов, основное внимание уделено классификационным процедурам. Это обстоятельство обусловило отсутствие сюжетов, связанных с детальной проработкой техники нанесения орнамента, семантики орнаментальных мотивов и другой информации такого рода. Безусловно, орнаментация глиняной посуды несет в себе гораздо больший информационный потенциал, но выход на уровень реконструкций в сфере технологии гончарного производства, идеологической мотивации семантически значимых элементов и их композиционного построения требует предварительной систематизации источников, что выводит на первый план традиционные методы типологического анализа.

Исходя из характера данного исследования, анализ системы орнаментации осуществлялся по традиционной схеме. Систему орнаментации создает иерархически организованный таксономический ряд. В его основании лежат элементы орнамента, которые представляют собой наиболее значимую, исходную таксономическую единицу, способную стать базисной на первичном уровне анализа. Именно элементы орнамента, благодаря изменчивости и вариативности, жесткой связи с конкретными формами глиняной посуды и наибольшей количественной представительности позволяют на основе репрезентативной выборки применять практически любые статистические процедуры, что особенно важно для сопоставления больших массивов формализованных данных. Это имеет принципиальное значение для решения вопросов определения на основе анализа керамики таксономического ранга отдельных культурных образований и их генетических корней, направленности культурных взаимодействий и пр.

Следующий уровень исследования связан с констатацией и поиском закономерностей в устойчивом сочетании элементов орнамента. Такие группировки элементов следует рассматривать в качестве мотивов. Мотивы могут быть образованы многократным повторением одного элемента, но особенностью синташтинской системы орнаментации является сложная комбинация разнообразных элементов в мотивах. При этом элементы в мотивах всегда

подчинены определенной системе взаимного расположения, отличаются вариативной ритмичностью. Мотивы демонстрируют локализацию на строго определенных частях емкостей. Констатация последнего обстоятельства также является составной частью анализа в рамках выбранной методики, поскольку сама по себе является весьма информативной составляющей системы орнаментации, отражающей особенности гончарных традиций. Более того, морфология сосудов определяла отбор мотивов, использовавшихся для орнаментации различных типов, а иногда и более крупных совокупностей сосудов.

Размещение мотивов на поверхности сосудов подчинялось определенным канонам. В большинстве случаев они создают орнаментальные пояса или бордюры, располагающиеся в горизонтальной плоскости. Однако в ряде случаев фиксируется их вертикальная или диагональная направленность. Так или иначе, каноничность в расположении мотивов, стереотипность их сочетания на поверхности сосудов позволяют проследить их взаимовстречаемость и взаимообусловленность. Другими словами, речь идет о композиционном построении орнамента.

Композиции в синташтинской орнаментальной традиции отличаются структурированностью и исключительной сложностью. Однако, несмотря на кажущуюся вариабельность и даже отсутствие системы в группировке мотивов в композициях, они подчинены строгим стандартам, а их количество достаточно ограничено. Лишь на отдельных емкостях мы можем отметить полные композиции, но, как правило, они выстраиваются по усеченной схеме. Еще одним исходным посылом, определявшим ход исследования синташтинской системы орнаментации, является тот факт, что определенные виды композиций надежно коррелируются с формами сосудов на уровне их довольно крупных совокупностей. В нашем случае аналитические и статистические процедуры оказались наиболее эффективными на уровне отделов. Целесообразность внесения более тонких морфологических градаций с точки зрения анализа системы орнаментации отсутствует, поскольку такого рода попытки на уровне подтипов и даже типов сосудов оказались нерезультативными.

И, наконец, последним уровнем исследования системы орнаментации синташтинской посуды является поиск стилистических особенностей. Вне всякого сомнения, стиль может изучаться только посредством качественного анализа. Любые попытки формализации данных, статистической обработки количественных показателей заранее обречены на провал. Естественно, это не означает, что мы должны ограничиваться констатацией лишь фоновых характеристик, но и преувеличивать наши возможности не стоит. И, тем не менее, игнорирование стилистических особенностей сделает картину неполной, приведет к вымыванию целого ряда параметров, придающих выразительность, особый колорит синташтинскому керамическому комплексу. Кроме того, именно акцентуация на стилистических моментах нередко позволяет выявить эпохаль-

ные особенности декорирования глиняной посуды. Применительно к объекту нашего исследования, достаточно указать на широкое распространение в конце эпохи средней – начале поздней бронзы рельефной орнаментации. Недавно это отметила в специальной работе С. С. Березанская, сопоставлявшая масштабы данного явления в различных культурах интересующего нас времени с модой на особый способ декора в пределах грандиозной общности валиковой керамики эпохи финальной бронзы (Березанская С. С., 1998, с. 64).

Конечно, перечисленные уровни анализа синташтинской системы орнаментации не исчерпывают содержания исследовательских процедур. Они являются исходными для определения региональных различий между массивами синташтинских памятников к западу и востоку от Уральского хребта, выяснения места памятников потаповского типа Среднего Поволжья в системе древностей рубежа эпох средней и поздней бронзы, степени их интеграции с синташтинскими. Отдельную задачу представляет собой поиск исходных составляющих в формировании синташтинских гончарных традиций.

По этой причине возникла необходимость формализации исходных данных для последующего осуществления статистических процедур. Была создана электронная база данных, включавшая в себя характеристику сосудов, составивших репрезентативную выборку. В конечном счете, это позволило в единой матрице представить информацию по формам и соответствующей орнаментации керамики. Наряду с абсолютными количественными показателями, учитывались и относительные (в процентах) в пределах отдельных памятников и региональных групп. Причем процентное соотношение является более показательным ввиду различной количественной представительности сосудов в региональных керамических сериях. Практически все операции по статистической обработке, включая вычисления коэффициентов корреляции по критерию Пирсона, удалось выполнить, используя стандартные средства программы Microsoft Excel, что является несомненным преимуществом методики, учитывая общедоступность офисных приложений компании Microsoft.

Каждый сосуд, вошедший в выборку, включая оказавшиеся за пределами разработанной морфологической типологии, был включен в таблицу, где представлены данные о форме с градациями на уровне отделов, типов и подтипов, а также об элементах орнамента. За счет разнообразных операций сортировки и применения функции по вычислению коэффициента корреляции для крупных массивов формализованных данных (по критерию Пирсона) осуществлялись расчеты для совокупных показателей, а также отдельно для форм и орнаментации. При этом следует отметить, что табличная форма предоставила возможность осуществления статистических процедур для различных подтипов, типов, отделов сосудов с учетом их локализации в отдельном некрополе или региональной группе. В значительной мере благодаря формализованным дан-

ным удалось определить приуроченность элементов орнамента к определенным частям емкостей.

Однако необходимо отметить, что отнюдь не все аналитические процедуры можно поместить в «прокрустово ложе» формальных статистических методов. Поэтому для характеристики системы орнаментации на уровне мотивов, композиций, а тем более стиля, безусловно, необходимо было переключение на качественный анализ, что являлось неотъемлемой частью методики.

Таким образом, сочетание различных методов систематизации и анализа данных по синташтинской керамике и составляет процедуру предлагаемого исследования. Именно этот подход мы попытались реализовать в данной работе, что позволило наметить пути решения некоторых вопросов, связанных не только с характеристикой синташтинской керамики в контексте региональных различий, но и выйти на проблему генезиса синташтинских керамических традиций.

Глава II

ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Морфологическое разнообразие, нестандартность и сложность композиционного построения орнамента обычно вызывают настороженность у исследователей, обращающихся к анализу синташтинской глиняной посуды. Поэтому нередко типологические разработки носят поверхностный характер и сопровождаются постоянными оговорками на присутствие в синташтинском керамическом комплексе инокультурных включений. Между тем, синташтинская керамика вполне самодостаточна, что и показало исследование.

2.1. Морфологическая характеристика синташтинской керамики

Для анализа было привлечено 525 сосудов синташтинской культуры из могильников Приуралья и Зауралья (98 – Приуралье, 427 – Зауралье). Так как анализ был ориентирован на статистические значения выборки, то вне его остались 5 сосудов из могильника Солнце II (Епимахов А. В., 1996), 8 сосудов из могильника Ново-Петровка (Сунгатов Ф. А., Сафин Ф. Ф., 1995), 3 сосуда из разрушенного кургана 26 Большекараганского могильника (Зданович Д. Г. и др., 2002), несколько сосудов из могильника Александровский IV (не опубликован). В общей сложности число не использованных в анализе сосудов не превышает 20 экземпляров, поэтому можно считать, что в данной работе проанализированы все синташтинские керамические коллекции из погребальных памятников.

Керамика была проанализирована по типологической методике, изложенной в I главе. Группировка керамики по форме осуществлялась следующим образом: классами обозначаются наиболее общие категории формы, которые выявляются по наличию (отсутствию) соответствующих частей емкости. То есть горшки выделялись, если сосуд имел дно, тулово, плечо, шейку, венчик, устье. Кубкообразные сосуды определялись по наличию S-видного профиля тулова и/или выделенного поддона, что должно сочетаться с широким устьем, относящимся по своему диаметру к диаметру днища как 2:1. Горшечно-баночные сосуды занимают промежуточное положение между горшками и банками и выделяются, если венчик у сосуда присутствует, но выражен он нечетко. Банки выделялись, если сосуд имел дно, тулово, плечо, устье, но не имел шейки и венчика. Миски выделялись среди банок, если соотношение диаметра устья и высоты было 0,5 и меньше. Блюда выделялись по наличию широкого плоского дна, края блюда имеют бортик.

Класс горшков делится на отделы по характеру перехода от тулова к плечу: он может быть плавным (плавнопрофильные горшки), тулово и плечо могут быть отграничены друг от друга ребром (горшки с ребристым профилем), наконец, существуют горшки, у которых ребро очень сильно сглажено, но профиль все же не плавный, они относятся к отделу горшков со сглаженным ребром. Отделы в других классах равны этим классам.

Типы в отделе горшков с ребристым профилем выделялись по форме плеча (горшки, имеющие прямое плечо, и горшки, имеющие вогнутое плечо), по абсолютным размерам (миниатюрные остросреберные сосудики); по характеру наклона стенок тулова (остросреберные горшки, плечо которых близко к вертикали).

В плаванопрофильных горшках типы выделились по абсолютным размерам (отдельный тип составили малые и средние сосуды, отдельно крупные). Это связано с тем, что у всех плавнопрофильных горшков плечо всегда выгнуто наружу, что обусловлено самим характером плавной формы. В кубкообразных горшках отдельный тип составили горшки, имеющие колоколовидные очертания, имеющие ребристый профиль, имеющие плавный профиль. Отдел горшечно-баночных сосудов делился на типы с плавным профилем и с ребристым профилем. Банки делились на типы по наличию (отсутствию) плеча: тип закрытых банок (имеющих плечо) и тип открытых банок (не имеющих плеча). Отдел горшков со сглаженным ребром, отдел мисок и отдел блюд оказались равны типам.

Объяснения выделения подтипов будут даны при описании соответствующих подтипов. Вообще же использовалась методика составления графиков и гистограмм (Каменецкий И. С., Узянов А. А., 1977).

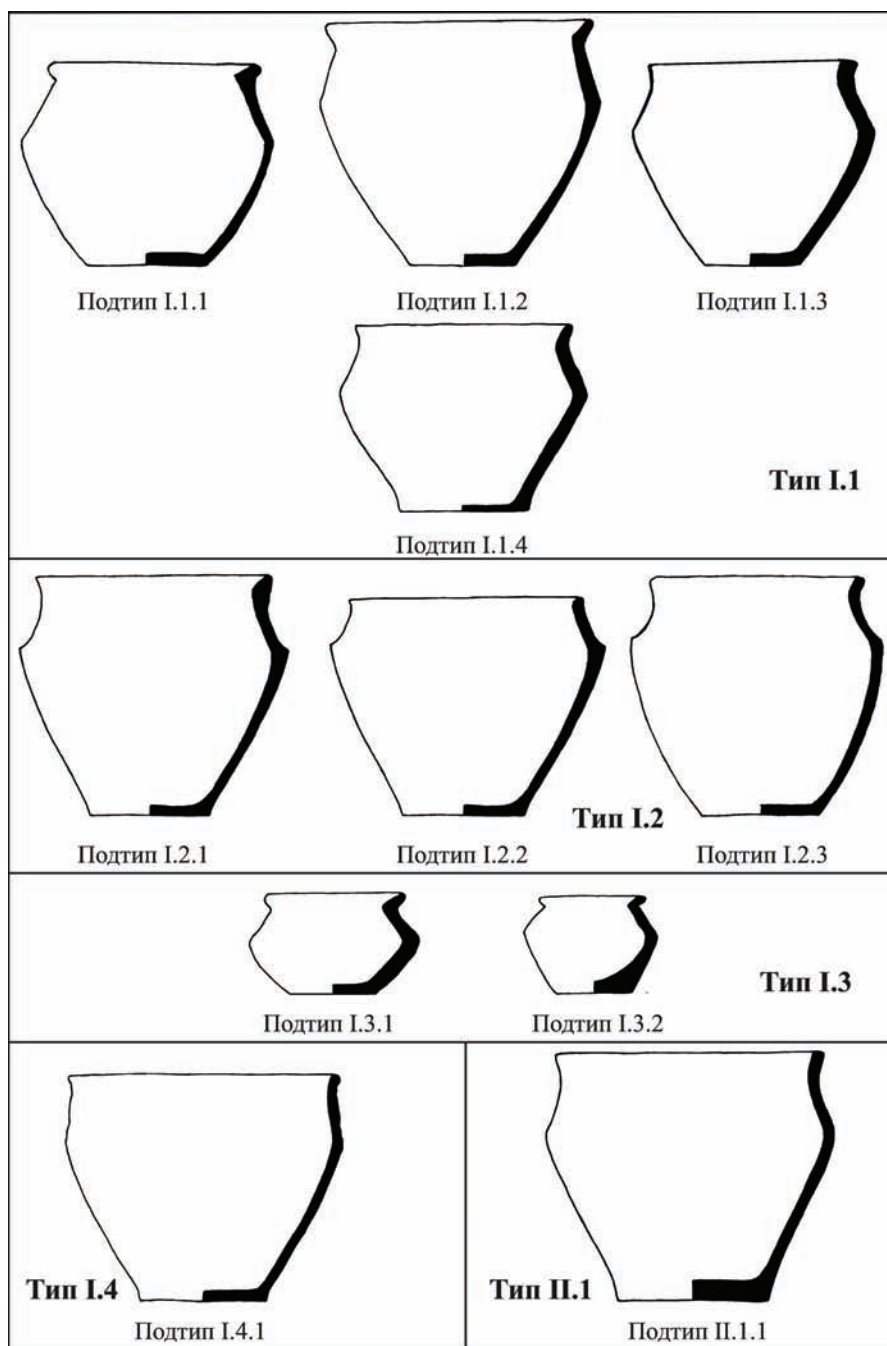
Как показал опыт, дробность типологического членения обусловлена в основном количественной представительностью данной категории керамики. Чем многочисленнее группа, тем на большее количество таксонов она делится. Например, самая массовая категория – горшки – членится на классы – отделы – типы – подтипы, а в блюдах класс = отделу = типу = подтипу. Подобная неравномерность типологического членения артефактов уже отмечалась исследователями (Дергачев В. А., Бочкарев В. С., 2002, с. 17).

Класс горшков

Отдел I. Горшки с ребристым профилем.

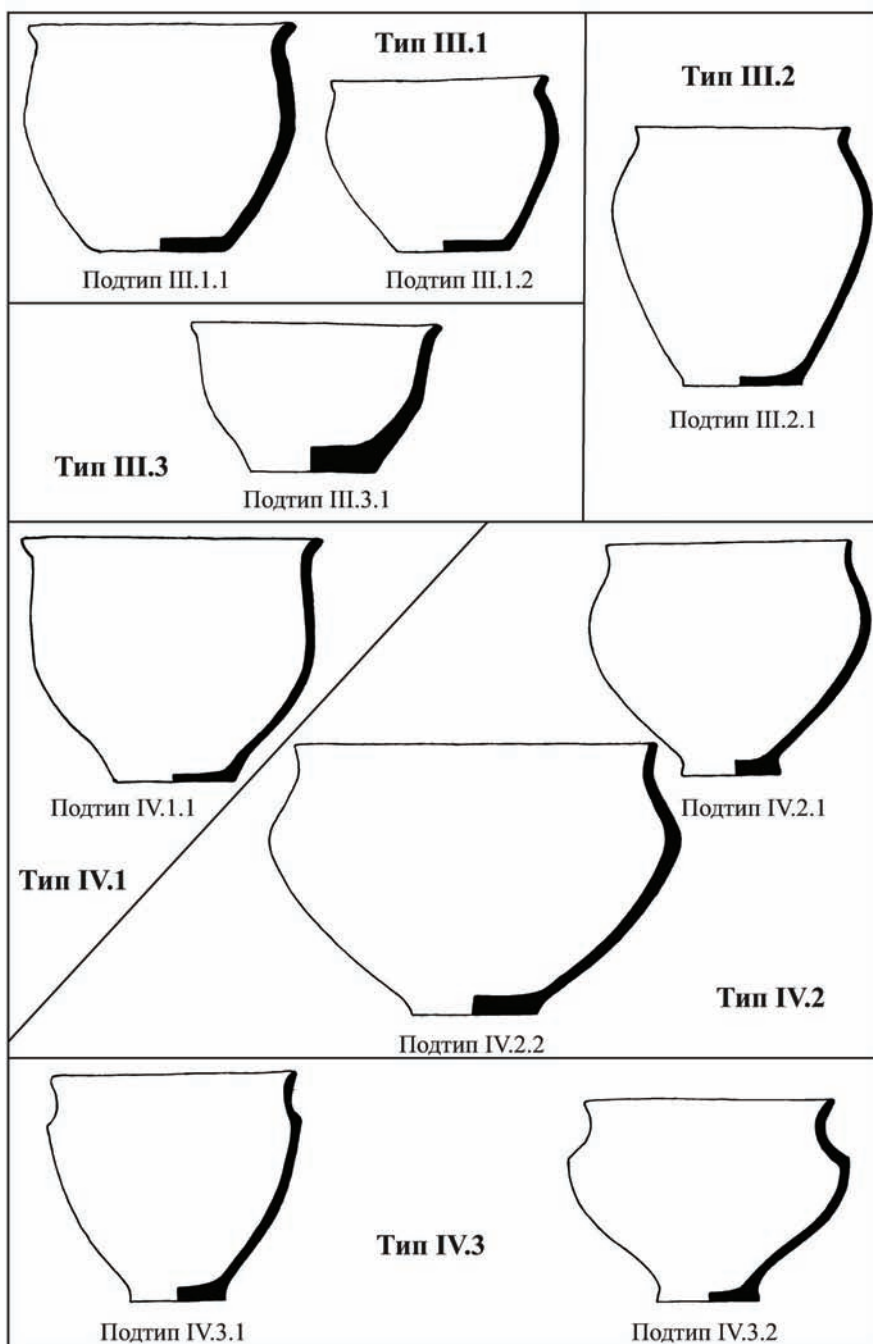
Тип I. 1. Горшки с ребристым профилем, имеющие прямое плечо (рис. 3).

Подтип I.1.1 (рис. 25-28). Горшки с ребристым профилем, плечо прямое, в редких случаях данные горшки могут иметь поддон. На отгибе венчика всегда есть внутреннее ребро. Тулово среднее (от 53 % до 67 %), плечо среднее (от 21 % до 36 %), венчик средний или большой (от 6 % до 15 %). По абсолютному указателю высоты данные горшки являются средними и приземистыми (от 0,67 % до 0,86 %). Подтип составляет в синташтинской коллекции 12,6 %. Данный

Рис. 3. Типология синташтинской керамики

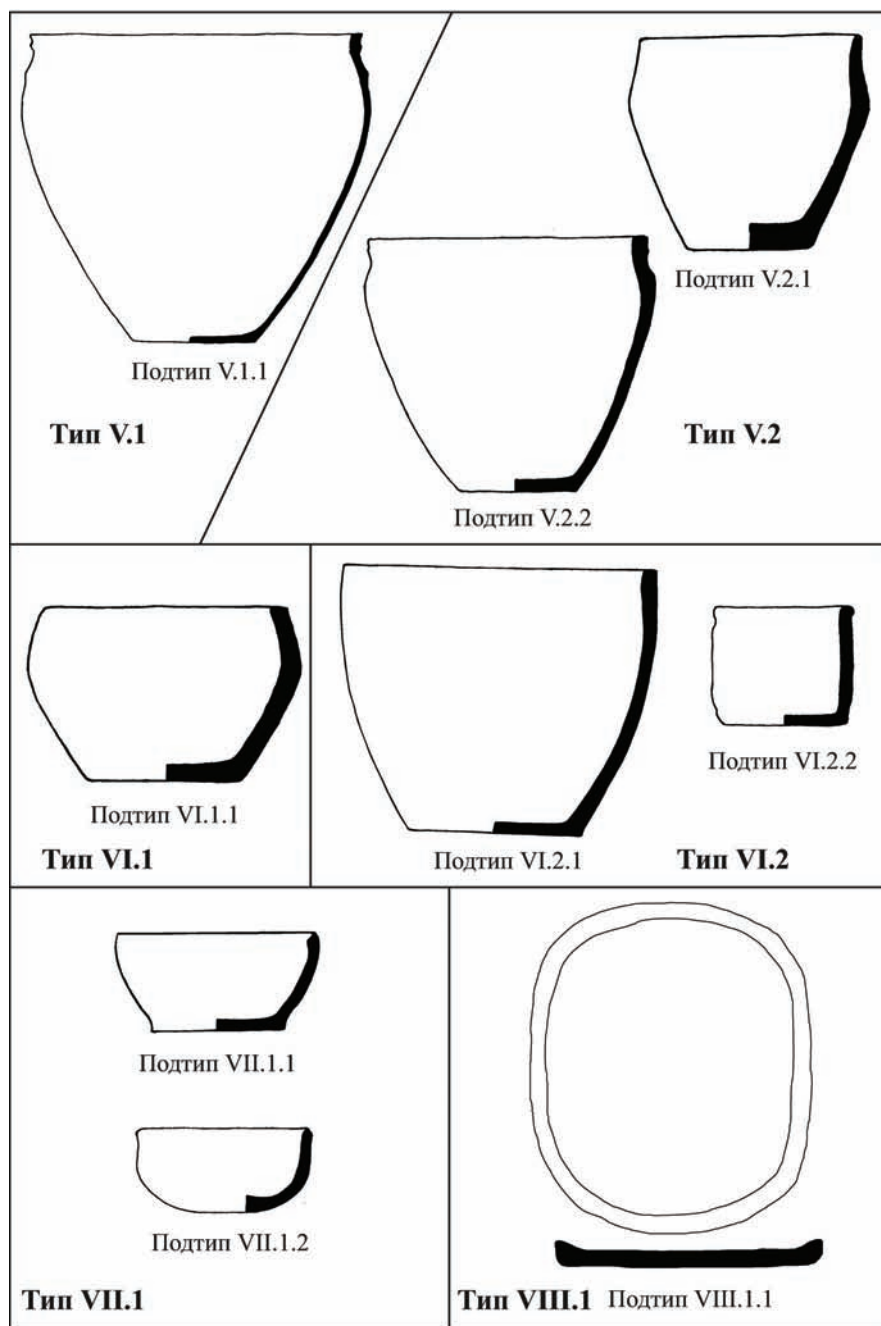
Горшки с ребристым профилем отдела I и со сглаженным ребром отдела II

Рис. 4. Типология синташтинской керамики

Плавнoproфилированные горшки отдела III и кубкообразные сосуды отдела IV

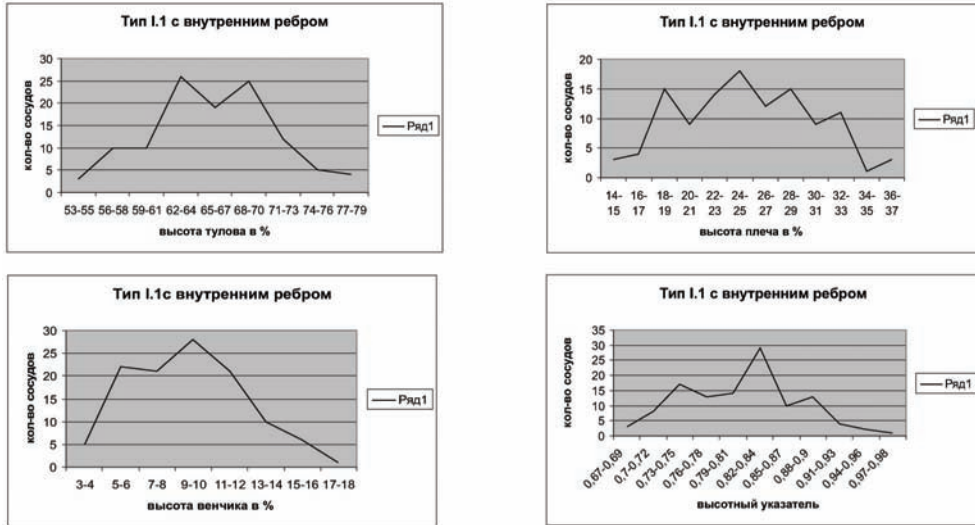

Рис. 5. Типология синташтинской керамики

Горшечно-баночные сосуды отдела V, банки отдела VI, миски отдела VII, блюда отдела VIII

подтип выделен из той группы горшков с ребристым профилем и прямым плечом (тип I. 1.), которые имеют внутреннее ребро. По каждому показателю (высота тулова, плеча, венчика, высотному указателю) был построен график (рис. 6).

Рис. 6. Графики распределения числовых показателей для сосудов типа I.1 с внутренним ребром

Данные графики дали многовершинное распределение для всех 4-х показателей, то есть данная выборка не является однородной по высоте тулова, плеча, венчика и высотному указателю. Однако если разбить массив на все выделенные отрезки, то типология получится чрезвычайно дробная. Здесь и далее при многовершинных распределениях мы руководствовались следующими соображениями. Тулово – основная функциональная часть сосуда (основной наполнитель), в синташтинской культуре тулово практически всех сосудов лепилось на шаблоне (Гутков А. И., 2003), следовательно, высота тулова выбиралась изначально, она меньше всего подвержена случайным изменениям. Далее шла лепка плеча, которое могло широко варьироваться по высоте, кроме того, плечо – дополнительный наполнитель, менее важная функциональная часть. На третье место следует поставить высотный указатель, определяющий дальнейший облик сосуда (вытянутый, приземистый). Венчик играет роль только устройства слива, на всех синташтинских горшках его высота колеблется в одинаковых пределах.

Исходя из вышесказанного, при выделении подтипа в первую очередь обращалось внимание на распределение, которое давала высота тулова, далее плеча и, наконец, высотного указателя. Распределение по высоте венчика нами в расчет не принималось.

Таким образом, определяющим при выделении данного подтипа был график высоты тулова (рис. 6). Спад графика приходится на отрезок 65-67%, то есть граница между подтипами должна быть проведена по высоте тулова $\approx 67\%$. Сосуды с туловом от 68% относятся уже к другому подтипу (I.1.2.). Выделение других подтипов по высоте плеча и высотному указателю неэффективны и в силу большого количества спадов между их вершинами, так как группы в целом близки между собой.

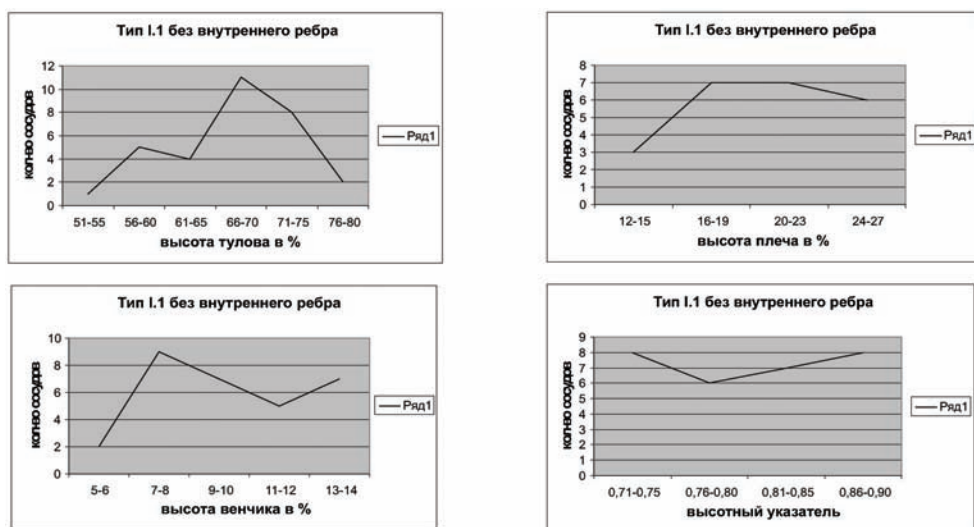
Подтип I.1.2. Горшки с ребристым профилем и прямым плечом (рис. 29-33). В редких случаях могут иметь поддон-закраину. На отгибе венчика обязательно присутствует внутреннее ребро. От предыдущего данный подтип отличается тем, что тулово у него намного выше (от 68 % до 78 %). Соответственно плечо у него малое (от 16 % до 23 %), венчик средний (от 5 % до 13 %). По абсолютному показателю высоты данный подтип является достаточно вытянутым (от 0,75 до 0,95). В синташтинской керамике данный подтип составляет 12,4 %.

Данный подтип выделен по тому же графику, что и предыдущий. К нему относятся сосуды, высота тулова которых начинается от 68 % и выше, данная граница маркирована на графике спадом (рис. 6).

Подтип I.1.3. Горшки с ребристым профилем и прямым плечом (рис. 35-37, 1-10). Они могут иметь поддон-закраину. Тулово среднее и высокое (от 51 % до 80 %), плечо среднее и малое (от 12 % до 32 %), венчик средний (от 5 % до 14 %), по абсолютному указателю высоты горшки средние (от 0,71 до 0,90). Чертой, которая отличает сосуды данного подтипа от подтипа I.1.1 и I.1.2, является отсутствие у горшков подтипа I.1.3. внутреннего ребра на отгибе венчика. Удельный вес сосудов обсуждаемого подтипа составляет 7,4 %.

Данный подтип выделялся из группы ребристых горшков типа I.1 с прямым плечом, которые не имеют внутреннего ребра на отгибе венчика. Параметры этой группы представлены на графиках (рис. 7). По тулову совокупность можно считать однородной, так как спад дает отсутствие одного сосуда, что может быть вызвано какими-либо случайными обстоятельствами. Поэтому его можно не принимать во внимание. График по высоте плеча абсолютно однороден (одна вершина). По высотному указателю спад не так глубок, чтобы выборку можно было по нему разделить. Поэтому графики отражают показатели одного подтипа горшков с ребристым профилем с прямым плечом без внутреннего ребра (I.1.3).

Подтип I.1.4. Горшки с ребристым профилем и прямым плечом (рис. 37, 11-14). Этот подтип отличает вогнутая форма тулова, дно может иметь поддон. Есть отличия и в абсолютных показателях: тулово среднее (от 59 % до 63 %), плечо среднее (27 % до 32 %), венчик средний (от 6 % до 14 %). Сосуды призматические: абсолютный показатель высоты составляет от 0,63 до 0,77. Доля подобных горшков – 0,8 %.

Рис. 7. Графики распределения числовых показателей для сосудов типа I.1 без внутреннего ребра

В силу мизерного количества сосудов данного подтипа (4 экз.), небольшого разброса значений их показателей и яркого отличия в морфологии, данный подтип выделен без построения графика.

Тип I.2. Горшки с вогнутым плечом (рис. 3).

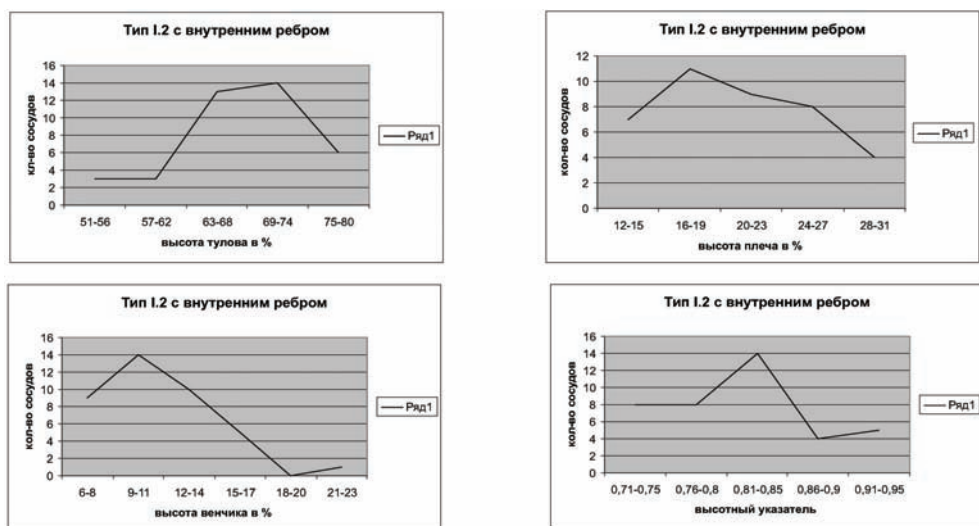
Включают в себя подтипы.

Подтип I.2.1. Горшки с ребристым профилем и вогнутым плечом, на отгибе венчика – внутреннее ребро (рис. 38-41, 1-3). Тулово среднее и высокое (от 51 % до 79 %), плечо малое и среднее (от 12 % до 31 %), венчик средний и высокий (от 6 % до 21 %). По абсолютному указателю высоты горшки средние (от 0,71 до 0,93). Их доля в синташтинской серии составляет 8,8 %.

Как видно из графиков (рис. 8), данная группа весьма однородна по всем показателям (высота тулова, плеча, венчика, высотному указателю). Поэтому все сосуды с ребристым профилем, вогнутым плечом, которые имеют на отгибе венчика внутреннее ребро, входят в один подтип.

Подтип I.2.2. Горшки с ребристым профилем и вогнутым плечом (рис. 42-45, 1-6). Данный подтип отличается отсутствием внутреннего ребра на отгибе венчика. Тулово высокое (от 76 % до 80 %), плечо малое (от 10 % до 17 %), венчик средний или большой (от 7 % до 17 %). По абсолютному указателю высоты данные горшки достаточно вытянутые: от 0,79 до 1,05. В синташтинской керамике сосуды такого рода составляют 9,1 %.

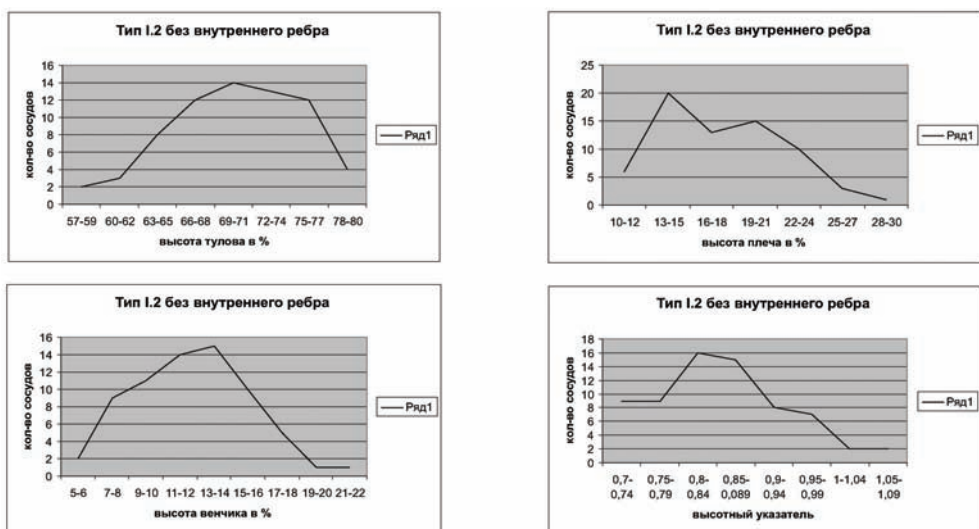
Подтип I.2.3. Горшки с ребристым профилем и вогнутым плечом (рис. 46-48, 1-8). На отгибе венчика отсутствует внутреннее ребро. Тулово среднее (от 57 % до 73 %), плечо среднее (от 18 % до 30 %), венчик большой (от 8 % до

Рис. 8. Графики распределения числовых показателей для сосудов типа I.2 с внутренним ребром

16 %). По абсолютному указателю высоты данные горшки средние (от 0,70 до 0,90). Их доля в синташтинской коллекции – 7,2 %.

Выделение подтипов I.2.2 и I.2.3 производилось по графикам (рис. 9). По телу и высотному указателю эти подтипы не различаются, но по высоте пле-

Рис. 9. Графики распределения числовых показателей для сосудов типа I.2 без внутреннего ребра

ча график дает две достаточно четких вершины (рис. 9). Таким образом, при выделении подтипов горшков с ребристым профилем и вогнутым плечом, не имеющим внутреннего ребра на отгибе венчика, с малым и средним плечом соответственно (подтипы I.2.2 и I.2.3), диагностирующим признаком является высота плеча. Этот факт хорошо объясняется с точки зрения технологии синташтинского гончарства: тулово лепилось на шаблоне, а высота плеча зависела от ширины конкретной ленты, которая присоединялась к тулову.

Тип. I. 3. Миниатюрные острореберные сосудики (рис. 3). Включают в себя подтипы.

Подтип. I.3.1. Миниатюрные острореберные сосудики, имеющие, как правило, малое тулово (от 43 % до 51 %), большое вогнутое плечо (от 31 % до 40 %), большой венчик (6-19 %). Сосудики приземистые (от 0,56 до 0,63) (рис. 49, 4-12). В количественном отношении составляют 1,3 % коллекции.

Подтип I.3.2. Миниатюрные острореберные сосудики, имеющие среднее тулово (от 52 % до 71 %), большое вогнутое плечо (от 23 % до 30 %), средний венчик (от 9 % до 14 %). Сосудики средних пропорций (0,61 – 0,85) (рис. 49, 13-26). Доля в керамике синташтинской культуры – 2,5 %.

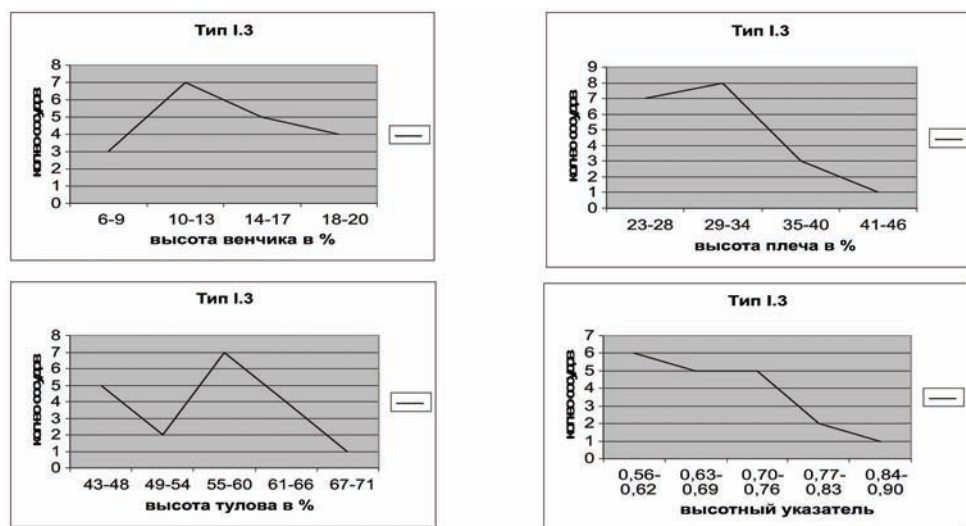

Рис. 10. Графики распределения числовых показателей для сосудов типа I.3

Выделение подтипов I.3.1 и I.3.2 производилось по графикам (рис. 10). График, построенный по высоте тулова, дает двухвершинное распределение, и, таким образом, высота тулова выступает как основной показатель при отнесении миниатюрных сосудиков к одному из подтипов. Однако из характеристики подтипов видно, что подтип I.3.2 отличается и меньшей высотой плеча, и большей вытянутостью.

Тип I.4. Горшки с ребристым профилем, стенки плеча которых близки к вертикали (рис. 3). Включает один подтип.

Подтип I.4.1. Горшки с ребристым профилем, стенки плеча близки к вертикали (рис. 50). На отгибе венчика может быть внутреннее ребро. Форма плеча прямая или чуть вогнута. Тулово высокое (от 71 % до 86 %), плечо среднее (от 20 % до 30 %), венчик средний (от 9 % до 13 %). Сосуды по абсолютной высоте средние (от 0,78 до 0,95). Доля в керамике синташтинской культуры – 1,3 %. В силу небольшого количества сосудов, оригинальной морфологии и небольшого разброса значений показателей данный подтип был выделен без построения графиков.

Отдел II. Горшки со сглаженным ребром.

В данный отдел входят горшки, которые не являются однозначно плавнопрофилированными, но и не имеют четкого ребристого профиля.

Тип II.1. Горшки со сглаженным ребром и прямым или слабовогнутым плечом (рис. 3). Включает один подтип.

Подтип II.1.1. Горшки со сглаженным ребром, внутреннее ребро на отгибе венчика отсутствует (рис. 51-52, 1-9). Тулово достаточно высокое (от 65 % до 72 %), плечо среднее (от 16 % до 25 %), венчик средний (9-13 %). По абсолютной высоте сосуды стройных пропорций (от 0,79 до 0,97). Представительность в синташтинской коллекции 4,2 %.

Из графиков видно, что все показатели горшков данного отдела однородны (рис. 11), то есть составляют одну группу, поэтому они образуют и один тип, а в нем – один подтип.

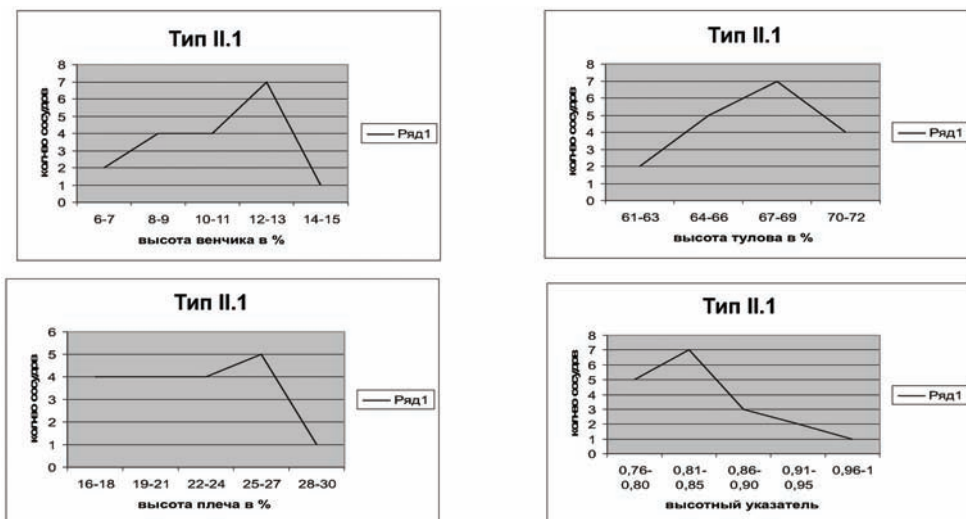

Рис. 11. Графики распределения числовых показателей для сосудов типа II.1

Отдел III. Плавнoproфилированные горшки. При построении графика выяснилось, что все показатели дают одновершинное распределение (рис. 12), хотя отмечается небольшой второй пик по высоте тулова.

Следовательно, они должны были быть все объединены в один подтип. Но даже визуально различались более крупные сосуды и сосуды средних размеров, более приземистые и вытянутые. Причиной такой аморфной картины оказались два экземпляра плавнoproфилированных сосудов, показатели которых находились в начале ряда, но между ними и следующими значениями ряда был разрыв, ничем не заполненный. После удаления показателей этих сосудов, график по высотному указателю дал неоднородность выборки, в которой выделяются две группы горшков: менее вытянутые и более вытянутые (рис. 12). В рамках группы более вытянутых горшков была выделена группа крупных горшков от 20 см по высоте и больше.

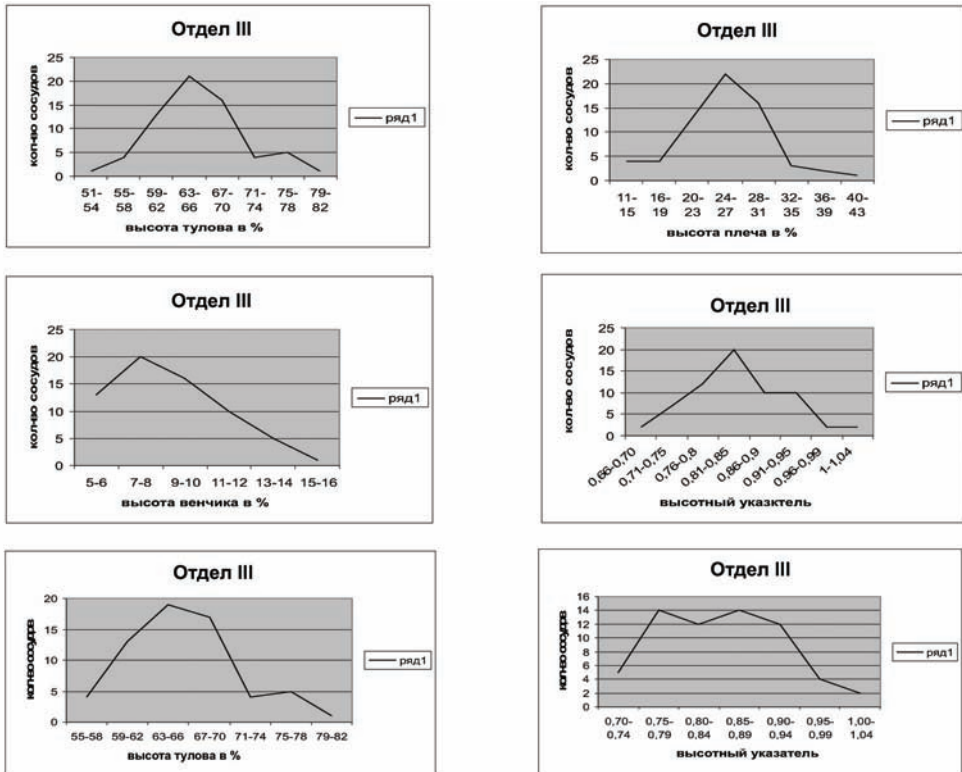

Рис. 12. Графики распределения числовых показателей для сосудов отдела III

Тип III.1. Плавнoproфилированные горшки средних размеров (рис. 4). Включает два подтипа.

Подтип III.1.1. Плавнoproфилированные горшки средних размеров (рис. 53-54, 1-3). На отгибе венчика, как правило, имеется внутреннее ребро. Тулово

среднее (от 55 % до 69 %), плечо большое (от 21 % до 36 %), венчик средний (от 8 % до 13 %). Горшки стройных пропорций – от 0,82 до 0,94. Доля в керамике синташтинской культуры – 3,4 %.

Подтип III.1.2. Плавнопрофилированные горшки средних размеров (рис. 54, 10-15; 55). На отгибе венчика в большинстве случаев присутствует внутреннее ребро. Тулово среднее (от 57 % до 68 %), плечо среднее (от 21 % до 29 %), венчик средний (от 6 % до 12 %). Горшки приземистых пропорций (от 0,70 до 0,81). Доля в керамике синташтинской культуры – 3,8 %.

Тип III.2. Плавнопрофилированные горшки больших размеров от 20 см высотой и больше (рис. 4). Включает один подтип.

Подтип III.2.1. Плавнопрофилированные горшки больших размеров с высоким туловом (от 58 % до 80 %), средним плечом (от 18 % до 36 %), средним венчиком (от 5 % до 10 %). Данный подтип отличает также стройность горшков: абсолютный указатель высоты от 0,8 до 1,03 (рис. 56-57; 58, 1-5). Доля в керамике синташтинской культуры – 4,8 %.

Тип III. 3. Плавнопрофилированные колоколовидные горшки (рис. 4). Выделяется один подтип.

Подтип III.3.1. Плавнопрофилированные горшки колоколовидного профиля (рис. 59, 4-8). Тулово высокое (от 70 % до 78 %), плечо малое (от 14 % до 18 %), венчик средний (от 8 % до 10 %). Горшки приземистые: абсолютный указатель высоты от 0,70 до 0,79. Доля в керамике синташтинской культуры – 0,8 %. Малочисленность подобного рода сосудов и их яркие морфологические особенности позволили при выделении данного подтипа обойтись без построения графиков.

Класс кубкообразных сосудов.

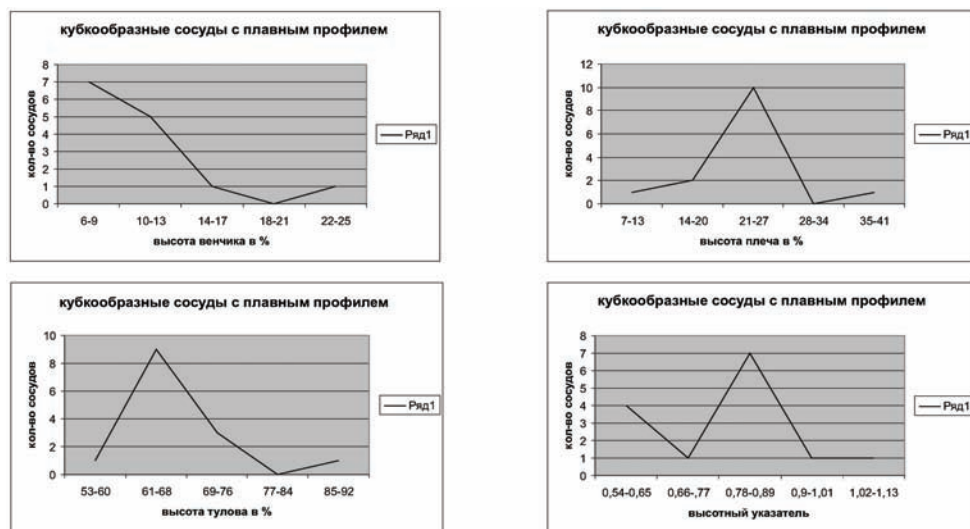
Отдел IV. Кубкообразные сосуды.

Тип IV.1. Кубкообразные сосуды с расширенным туловом, имеющим колоколовидный профиль (рис. 4). Включает один подтип.

Подтип IV.1.1. Кубкообразные сосуды с расширенным туловом средней высоты (от 59 % до 65 %), большим плечом (от 30 % до 35 %), средним венчиком (от 5 % до 8 %). Сосуды достаточно стройные – от 0,83 до 0,96, (рис. 60, 1-4) Доля в керамике синташтинской культуры – 0,8 %.

Тип IV. 2. Кубкообразные горшки с плавным профилем (рис. 4).

Из графиков видно, что по всем показателям выборка кубкообразных сосудов с плавным профилем неоднородна (есть две вершины) (рис. 13). Но если неоднородностью по тулову и плечу можно пренебречь (ее создает один сосуд), то по высотному указателю данные горшки были разделены на два подтипа: кубкообразные сосуды с плавным профилем средних и вытянутых пропорций, которые объединены в подтип IV.2.1, и сосуды приземистых пропорций, вошедшие в подтип IV.2.2.

Рис. 13. Графики распределения числовых показателей для кубкообразных сосудов с плавным профилем

Подтип IV.2.1. Плавнопрофилированные кубкообразные горшки, имеющие среднее тулово (от 65 % до 72 %), среднее плечо (от 20 % до 25 %), средний венчик (от 6 % до 10 %). Сосуды стройных пропорций: абсолютный указатель высоты от 0,75 до 1,01 (рис. 60, 5-13). Доля в керамике синташтинской культуры – 1,9 %.

Подтип IV.2.2. Плавнопрофилированные кубкообразные сосуды. Тулово выгнутое S-образно, дно может иметь поддон. Тулово среднее (от 55 % до 69 %). Плечо среднее (от 22 % до 25 %), венчик средний (от 9 % до 10 %). Данные горшки от предыдущего подтипа особенно отличаются приземистостью: абсолютный указатель высоты от 0,54 до 0,63 (рис. 61, 1-3). Доля в керамике синташтинской культуры – 0,6 %.

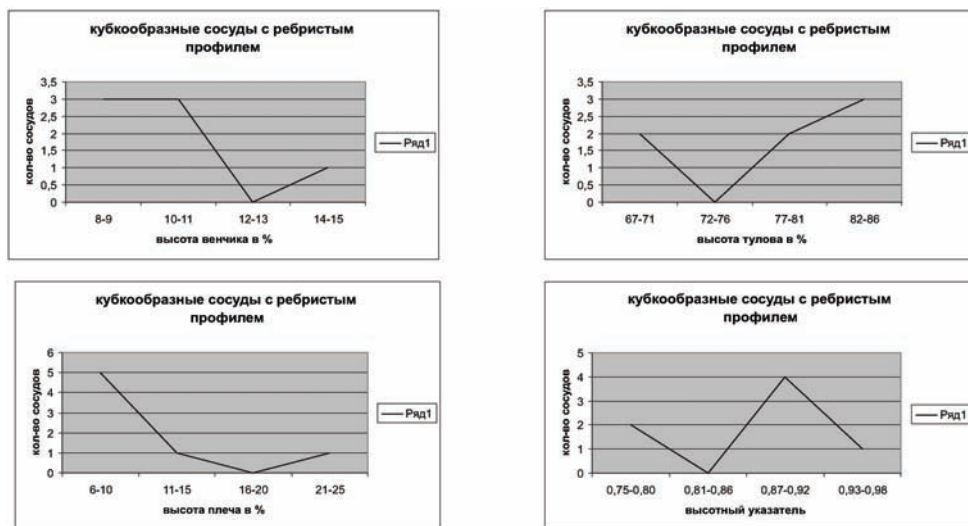
Тип IV.3. Кубкообразные сосуды с ребристым профилем (рис. 4).

Графики показали неоднородность выборки (рис. 14). На этом основании кубкообразные горшки с ребристым профилем с туловом от 75 % до 86 % и высотным указателем от 0,84 до 0,98 выделены в подтип IV. 3.1, а с туловом от 67 % до 74 % и высотным указателем от 0,75 до 0,83 – в подтип IV. 3.2.

Подтип IV. 3.1. Кубкообразные сосуды с ребристым профилем, имеющие высокое тулово (от 75 % до 86 %), малое плечо (от 7 % до 10 %), средний венчик (от 9 % до 11 %). Горшки вытянутые (от 0,84 до 0,98). Венчик у горшков данного подтипа почти всегда вертикален и только лишь изредка отогнут (рис. 61, 4-9). Доля в керамике синташтинской культуры – 1,1 %.

Подтип IV.3.2. Кубкообразные горшки с ребристым профилем, имеющие тулово чуть выше среднего (от 67 % до 74 %), среднее плечо (от 18 % до

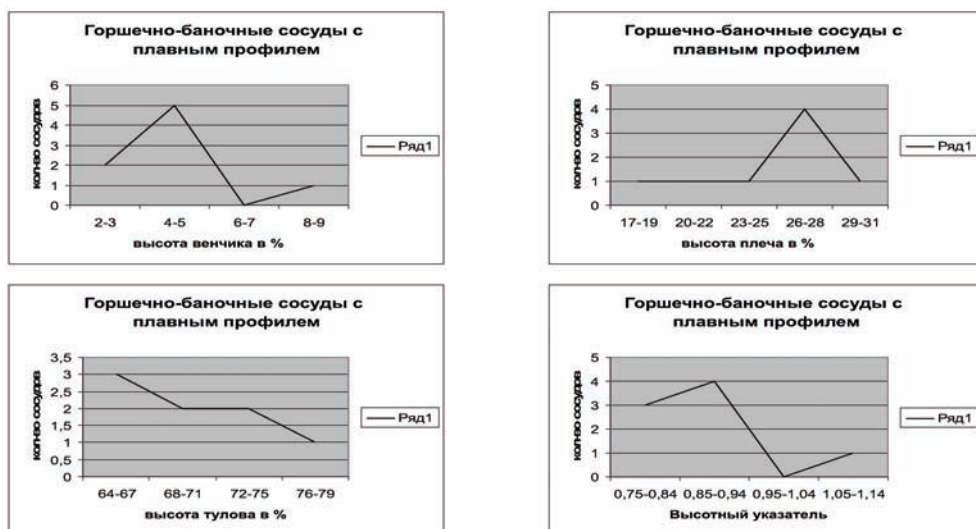
Рис. 14. Графики распределения числовых показателей для кубкообразных сосудов с ребристым профилем

25 %), средний венчик (от 9 % до 14 %). Горшки средних пропорций (от 0,75 до 0,83) (рис.61, 10-11). Доля в керамике синташтинской культуры – 0,4 %.

Класс горшечно-баночных сосудов.

Отдел V горшечно-баночных сосудов.

Тип V.1. Горшечно-баночные сосуды с плавным профилем. Графики (рис.15) демонстрируют, что по основным показателям выборка однородна,

Рис. 15. Графики распределения числовых показателей для горшечно-баночных сосудов с плавным профилем

то есть может быть включена в одну группу. Единичное отклонение по высоте тулова можно не принимать во внимание.

Подтип V.1.1. Горшечно-баночные сосуды с плавным профилем, средним и высоким туловом (от 64 % до 79 %), средним плечом (от 17 % до 30 %), малым венчиком (от 2 % до 8 %). Горшки по абсолютной высоте вытянутые (от 0,75 до 1,14) (рис. 62, 1-8). Доля в керамике синташтинской культуры – 1,9 %. По поводу этого подтипа необходимо сделать оговорку, что в него попали и очень крупные кухонные корчаги, и миниатюрные столовые сосудики. Поэтому в рамках данного подтипа нужно выделять варианты по абсолютным размерам, хотя пропорции достаточно стандартны.

Тип V. 2. Горшечно-баночные сосуды, имеющие ребристый профиль (рис. 5). В данном типе подтипы выделяются по графику высоты плеча, который показывает наиболее существенный разрыв между этими подтипами (рис.16).

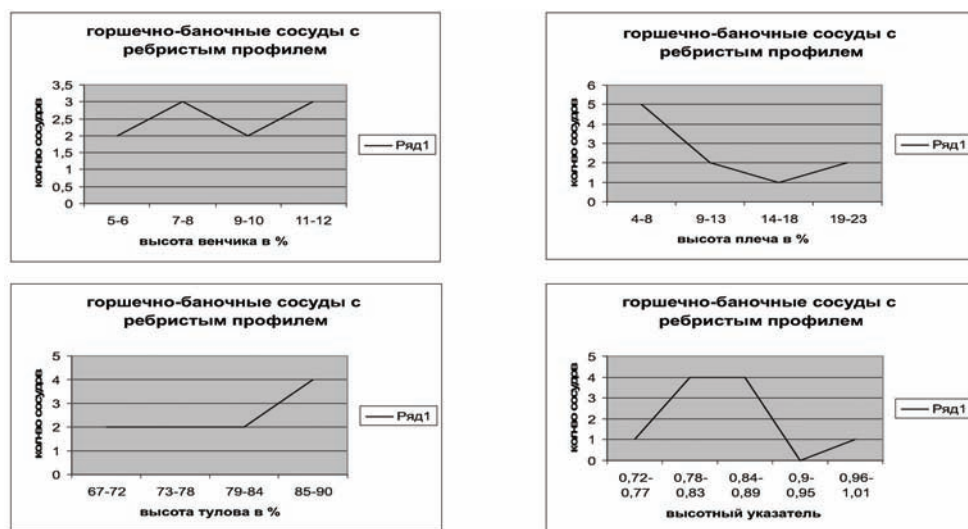

Рис. 16. Графики распределения числовых показателей для горшечно-баночных сосудов с ребристым профилем

Подтип V. 2.1. Горшечно-баночные сосуды, имеющие ребристый профиль, среднее тулово (от 67 % до 76 %), среднее плечо (от 17 % до 23 %), средний венчик (от 11 % до 13 %). Горшечно-баночные сосуды данного подтипа по абсолютной высоте средние (от 0,72 до 0,98) (рис. 62, 9-14). Доля в керамике синташтинской культуры – 1,0 %.

Подтип V. 2. 2. Горшечно-баночные сосуды, имеющие ребристый профиль. Тулово высокое (от 78 % до 87 %), плечо очень малое (от 6 % до 10 %), венчик средний (от 6 % до 12 %). Сосуды средних пропорций: от 0,80 до 0,86 (рис.63). Доля в керамике синташтинской культуры – 1,7 %.

Класс банок.

Отдел VI. Банки.

В отделе банок типы, а в них подтипы выделяются исключительно на основе морфологии. Это связано с малым количеством банок вообще. Вносить более тонкие типологические градации представляется нецелесообразным.

Тип VI.1. Закрытые банки (рис. 5).

Подтип VI.1.1. Закрытые банки, имеющие выгнутое плечо и тулово. Высота тулова от 62 % до 73 % (среднее), плечо большое (от 35 % до 38 %). Банки средних пропорций: от 0,60 до 0,90 (рис.64). Доля в выборке – 3,0 %.

Тип VI.2. Открытые банки (рис. 5).

Подтип VI. 2.1. Открытые банки, имеющие выгнутое плечо. Банки средние по абсолютной высоте (от 0,62 до 0,81) (рис.65, 1-13). Доля в керамике синташтинской культуры – 1,5 %.

Подтип VI. 2.2. Открытые банки, имеющие прямые вертикальные стенки тулова. Банки приземистые по абсолютной высоте (от 0,67 до 0,75) (рис.65, 14, 15). Доля в керамике синташтинской культуры – 0,4 %.

Класс мисок

Отдел VII. Миски.

Тип VII.1. Миски с выгнутыми стенками тулова (рис. 5).

Подтип VII. 1.1. Миски с выгнутыми стенками тулова и плоским дном. Высотный указатель – 0,50. Малые относительные размеры (рис. 65, 16). Доля в керамике синташтинской культуры – 0,2 %.

Подтип VII. 1.2. Миски с выгнутыми стенками тулова и округлым дном, относительные размеры малые. По абсолютному указателю высоты данные миски также приземисты: 0,46 – 0,48 (рис. 65, 17-19). Доля в керамике синташтинской культуры – 0,6 %.

Класс блюд. Отдел VIII. Блюда

Тип VIII. 1. Блюда овальной или округлой формы (рис. 5).

Подтип VIII. 1.1. Блюда овальной или округлой формы, имеющие по краю бортик, примерно равный по толщине и высоте толщине дна (рис. 65, 20, 21). Доля в керамике синташтинской культуры – 0,2 %.

Кроме сосудов, которые составляют вышеперечисленные группы, в синташтинской керамике присутствуют сосуды, которые находятся вне подтипов (рис. 66-67). В какой-либо подтип они не могут быть включены по причине особенности внешней формы или еще чаще в силу несоответствия каких-либо абсолютных величин данного сосуда тем, которые характерны для остальных сосудов, образующих данный подтип. Подобного рода сосуды, оставшиеся за пределами морфологической типологии, составляют в синташтинской керамике 4,4 %.

2.2. Система орнаментации синташтинской керамики

Орнаментация синташтинской керамики весьма самобытна. В эпоху бронзы можно назвать немного археологических культур, которые могли бы сравниться с синташтинской по разнообразию орнаментальных мотивов, сложности и одновременно стандартности композиционного построения. Многокомпонентный характер формирования гончарных традиций в значительной мере определил синкретизм синташтинской системы орнаментации, наиболее выразительно демонстрирующей начальный этап культурогенеза позднего бронзового века, вобравшей в себя каноны предшествующей эпохи и в то же время отразившей становление нового комплекса культурных стереотипов. Несомненно, синташтинская орнаментация не появляется в готовом виде в результате переноса уже устоявшейся унифицированной системы, а является результатом синтеза и творческой переработки различных культурных компонентов, участвовавших в синташтинском культурогенезе. Свидетельством этого является удивительная динамичность выработки новых орнаментальных схем, нередко за счет модификации стандартов предшествующего времени. Творческая переработка наследия исходных культурных составляющих проявилась в поиске новых форм реализации семантически значимых элементов, некоторые из которых представлены в единичных случаях, не тиражируются, не имеют продолжения в культурах, наследующих синташтинские традиции гончарного производства.

Орнаментальные композиции, локализация отдельных элементов орнамента и мотивов на определенных частях емкостей обусловлена морфологическими характеристиками синташтинской посуды. Поразительное морфологическое разнообразие наложило отпечаток и на систему орнаментации. Между тем, прослеживается единство композиционного построения на уровне достаточно больших совокупностей сосудов, которыми в предложенной классификационной схеме являются такие таксономические единицы, как классы и отделы. Это обстоятельство предопределило общую направленность анализа орнаментации синташтинской керамики, поскольку учет более дробных типологических градаций в формах сосудов (типов, подтипов) с точки зрения характеристики орнамента оказался неэффективным в силу каноничности орнаментальных композиций для сосудов на уровне отделов и классов. Однако для некоторых отделов все-таки удалось выявить статистически значимые закономерности на уровне типов и подтипов, причем эти наблюдения имеют принципиальное значение для определения направленности эволюции синташтинского гончарства.

Безусловно, существуют региональные отличия в керамических коллекциях из синташтинских могильников, расположенных к востоку и западу от

Уральского хребта, но к этим моментам мы вернемся позже. Забегая вперед, отметим, что, несмотря на локальные особенности, вся синташтинская серия Южного Урала демонстрирует относительную внутреннюю монолитность, что позволяет рассматривать ее в рамках единой гончарной культурной традиции. Поэтому в данной главе мы попытаемся дать суммарную характеристику синташтинской системы орнаментации.

Анализ орнаментации осуществлялся по традиционной схеме, основания которой изложены в предшествующей главе. В лаконичном виде ее можно представить в следующей последовательности: элементы, мотивы, композиция, стиль.

Элементы

В общей сложности на синташтинской керамике было выделено 147 элементов орнамента (рис. 17; 18). При статистической обработке учитывались сведения о 146 из них, поскольку из матрицы были исключены сосуды из могильников Солнце II и Ново-Петровский по причине их малочисленности, не удовлетворяющей условиям репрезентативной выборки. В этой связи следует сделать оговорку. При формализации данных для получения более емкой картины учитывалась техника нанесения орнамента. Однако в связи с исключительным разнообразием использования гребенчатых штампов, их тонкие градации (мелкая или крупная гребенка, конфигурация зубцов и пр.) не принимались во внимание. То же самое можно сказать о наколах палочки или уголка штампа, оставлявших углубления различной конфигурации, в тех случаях, когда они не являются самостоятельным элементом в мотивах, а используются лишь как техническое средство для создания другого элемента. Кроме того, прочерчивание или использование так называемого гладкого штампа тоже не разделялись, так как принципиальных различий они не имеют.

Несомненно, с накоплением источников перечень выделенных элементов орнамента на синташтинской посуде будет пополняться. Более того, в некоторых уже опубликованных керамических сериях из поселений можно констатировать отдельные элементы, не зафиксированные пока на погребальной посуде.

Основную массу элементов можно объединить в группы: линейные, ломаные, криволинейные, геометрические, меандровидные, крестообразные, ямочные, рельефные, нерегулярные орнаменты или пиктографические знаки. Но такая их классификация является условной, поскольку часть элементов вообще остается за пределами выделенных совокупностей, а отдельные из них состоят из элементарных составляющих, характеризующихся признаками различных групп.

Одну из наиболее представительных в количественном отношении групп образуют линейные элементы в виде горизонтальных, вертикальных или наклонных линий. При этом лишь горизонтальные линии наносились различными

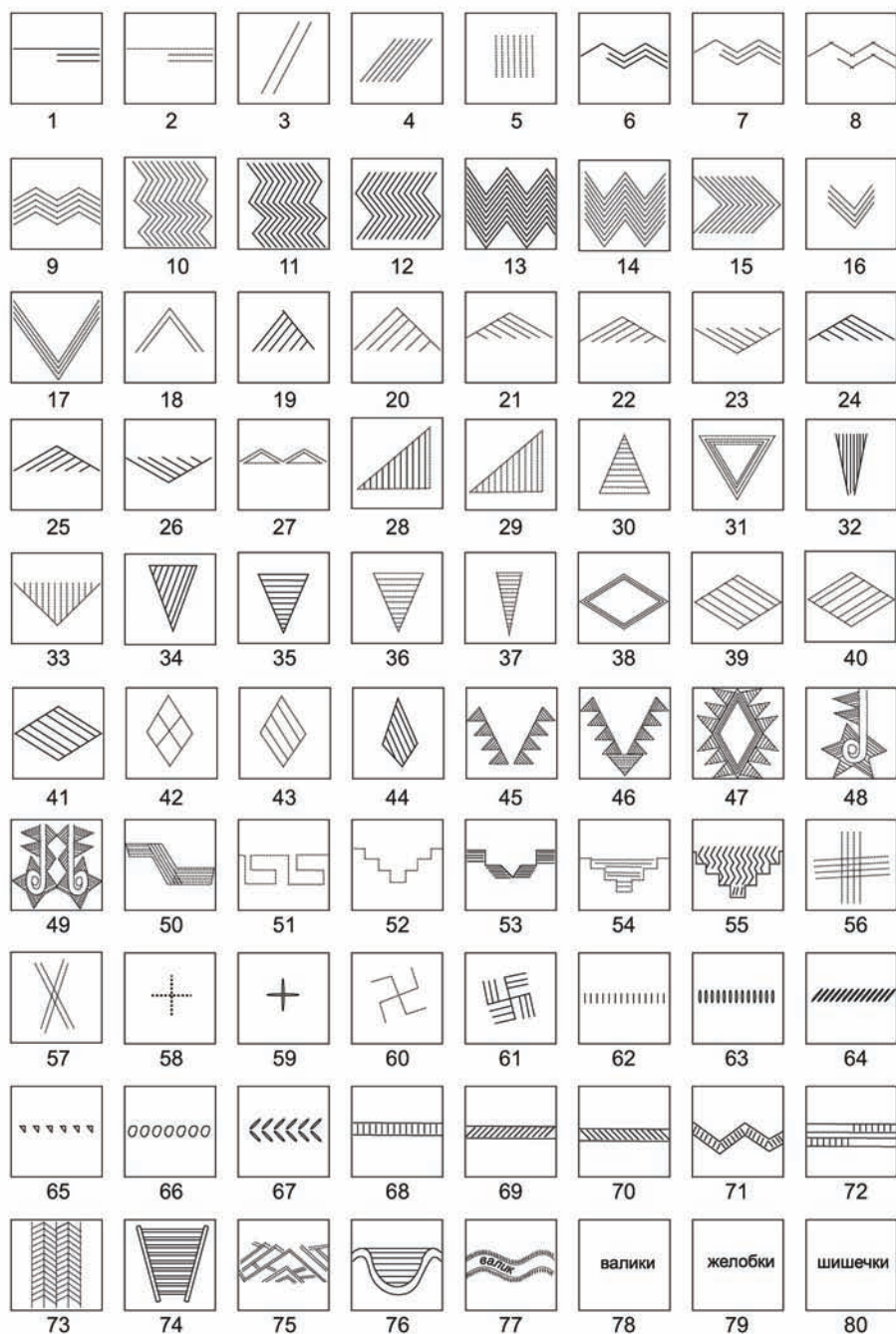

Рис. 17. Элементы орнамента на керамике синташтинской культуры и памятников потаповского типа (начало)

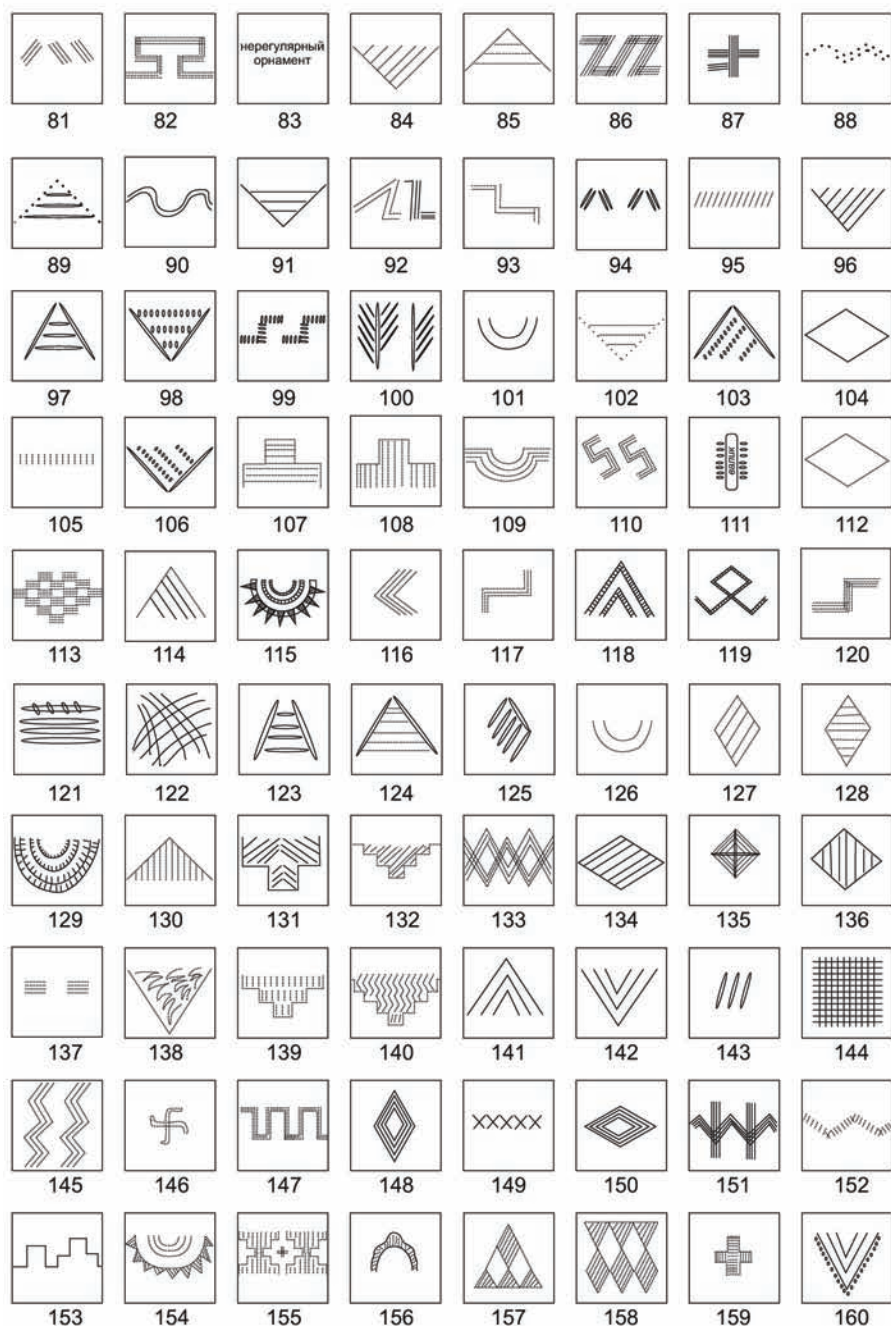

Рис. 18. Элементы орнамента на керамике синташтинской культуры и памятников потаповского типа (окончание)

способами с использованием техники прочерчивания, плоского или гребенчатого штампа, представленных примерно в равной пропорции. В совокупности они встречены на 35,5 % сосудов. Остальные элементы указанной группы всегда наносились оттисками гребенки и составляют не более 5 %.

Образованные ломаными линиями элементы – это достаточно многочисленная и разнообразная по составу группа, представленная вертикальными и горизонтальными зигзагами и елочками, уголками, выполненными в различной проекции. Весьма вариативна техника нанесения такого рода орнамента. Однако это справедливо только для различных вариантов елочки и зигзага. Это самая многочисленная категория элементов данного разряда. Чаще всего используется многорядный горизонтальный зигзаг, присутствующий более чем на 35 % сосудов. Из елочных элементов наиболее популярными является горизонтальная елка, выполненная прочерчиванием либо оттисками плоского штампа (24,2 %). Гребенка для нанесения такого рисунка применялась редко (3,2 %). Что касается разнообразных вариаций уголков, то они всегда наносились при помощи гребенчатого штампа, при этом они представляли собой достаточно редкую, но весьма выразительную серию.

Самой разнообразной, несомненно, является группа геометрических элементов орнамента, хотя в количественном отношении отдельные вариации геометрических фигур не образуют больших серий, а порой представлены в единичных случаях. Это, прежде всего, различные варианты треугольников и ромбов. Они могут выступать в качестве самостоятельных элементов с различными разворотами, штриховкой и обрамлением, но часто входят в состав более сложных узоров. Особенно показательны в этом смысле заштрихованные треугольники, выступающие нередко в качестве своеобразной «бахромы», обрамляющей углы, ромбы, фестоны или спиральные завитки. Геометрические элементы наносились в различной технике, причем нередко даже для одного типа треугольника могли одновременно использоваться гребенчатый и гладкий штампы, прочерчивание, наколы палочки или уголка штампа. Конфигурация и характер штриховки или заполнения представлены практически всеми возможными комбинациями. Иногда они образованы многократным очерчиванием.

Нередко треугольники лишены основания, они могут быть вытянутыми или приземистыми, равнобедренными и прямоугольными, с горизонтальной, вертикальной, наклонной штриховкой, обращенными вершиной вверх или вниз. В совокупности треугольники встречены в 251 случае, то есть почти на половине сосудов. Ромбов значительно меньше (59 случаев). Как правило, они заштрихованы параллельно одной из сторон, но отмечены также вертикальная и горизонтальная штриховка, многократное очерчивание, заполнение в виде креста, либо использовались вложенные ромбы меньших размеров по принципу «матрешки».

Криволинейные элементы исключительно редки. Это волнистые линии, овы, спиральные завитки. Для их нанесения на поверхность сосудов использовались техника прочерчивания или гребенка. Обычно для таких элементов типична дискретность, которая иногда достигается путем штриховки через определенный интервал. Не менее характерно многократное очерчивание.

К числу наиболее эффектных элементов синташтинского орнамента, безусловно, следует отнести разнообразные углы, ромбы, спиральные завитки, овы, окаймлявшиеся «бахромой» из заштрихованных треугольников. Это очень сложные в структурном отношении элементы, образованные посредством сочетания более простых фигур, что могло бы стать основанием для их перевода в разряд мотивов. Но эти элементы тиражируются, образуя орнаментальные бордюры, при этом нередко чередуются в мотивах с другими элементами.

Довольно представительную группу создают меандровидные фигуры. Это немногочисленная, но довольно яркая составляющая синташтинской системы орнаментации. В подавляющем большинстве случаев для их нанесения на поверхность сосудов использовался гребенчатый штамп, лишь для отдельных видов пирамидок отмечены альтернативные способы. Полный меандр присутствует достаточно редко. Он мог наноситься по прямой или по косой сетке, однако последний отмечен в единичных случаях. Чаще всего мы имеем дело с меандровидными фигурами, которые представлены различными вариантами «уточек» и пирамидок, дискретно нанесенных элементов меандров. Обычно уточки и меандры выполнены многорядными оттисками гребенки. Пирамидки характеризуются различным количеством ступеней, могут быть перевернутыми или стоять на основании. Пирамидки имеют разнообразное заполнение и обрамление. Как правило, внутренний объем заполнялся различными вариантами штриховки: горизонтальной, вертикальной, наклонной или в виде зигзага.

Достаточно яркую группу элементов составляют крестообразные фигуры, в том числе свастические. Они могли наноситься с использованием гладкого и гребенчатого штампов, иногда посредством многорядных оттисков, а также прочерчиванием. В некоторых случаях присутствует косой (андреевский) крест, но чаще прямой. Свастика же напротив обычно выполнена с наклоном влево, хотя могла располагаться и прямо. Кресты нередко помещаются внутрь ромбов.

Характерными для синташтинской посуды являются различные варианты прямых и наклонных насечек и ямок, часто образующих лесенки, елочку. Иногда они выполняют функцию штриховки внутри рядов прямых или зигзагообразных линий (заштрихованные ленты), при этом в некоторых случаях размещаются дискретно в шахматном порядке или создают бахромку, окаймлявшую другие фигуры.

В отдельных случаях встречаются лесенки, сетка, орнамент, напоминающий паркетный и сотовый, прерывистые елочки, элементы зигзага, пересека-

ющиеся зигзаги и вертикальные линии, нерегулярный орнамент, в том числе пиктографического характера.

Но, пожалуй, самой примечательной особенностью синташтинского орнамента является рельефный декор. Это один из диагностирующих признаков синташтинской керамики. К группе рельефных элементов орнамента относятся желобки, наlepные шишечки («жемчужины»), валики, зафиксированные почти на половине сосудов. Валики могли быть извилистыми, горизонтальными или вертикальными. Чаще всего они наlepлены на поверхность сосуда, но иногда и сформованы. Обычно их, так же, как и шишечки, обрамляли разнообразные ямочки и насечки. Желобки, как правило, узкие, образующие валики и нередко заполненные разнонаправленными насечками, но известны и широкие каннелюры. Шишечки обычно парные, однако присутствуют одинарные и тройные.

Безусловно, важную информацию для культурно-хронологических построений можно почерпнуть, анализируя взаимосвязь элементов орнамента с формой сосудов. Наиболее многочисленную группу представляют собой горшковидные остросереберные сосуды отдела I, удельный вес которых составляет более 60 % выборки (333 экземпляра). Показательно, что именно в этой совокупности сосредоточена основная масса подтипов, образующих ядро синташтинского керамического комплекса. Статус данной группы как ведущей формы синташтинской керамики оттеняется тем обстоятельством, что из 146 элементов орнамента на посуде этого отдела присутствует 124, то есть 84,9 %. Представлены практически все упомянутые группы элементов орнамента (рис. 19). При этом по оригинальности элементов и их группировки в мотивах, сложности композиционного построения остросереберным сосудам нет равных в керамической серии.

Самыми распространенными на керамике указанного отдела являются рельефные элементы. Более 36 % сосудов от общего количества украшено желобками, нередко покрывающими всю внешнюю поверхность, образуя валики. Иногда желобки заполнены разнонаправленными насечками. Валики присутствуют на остросереберных сосудах более чем в 20 % случаев. Они могут выступать в качестве самостоятельного элемента декора, либо выполнять разделительную функцию в мотивах. Горизонтальные и волнистые валики обычно локализуются под венчиком и несколько выше ребра, вертикальные – на плечике, а извилистые – в верхней части тулова сосуда. Обычно они имеют бахрому из насечек. Не менее характерны для обсуждаемой группы керамики наlepные шишечки, иногда группирующиеся по две или три, хотя и встречаются вдвое реже, чем валики. Они располагаются по ребру либо на плече, нередко имея обрамление из наколов или насечек.

Еще одну представительную в количественном отношении группу элементов орнамента составляют горизонтальные линии, обычно выполняющие

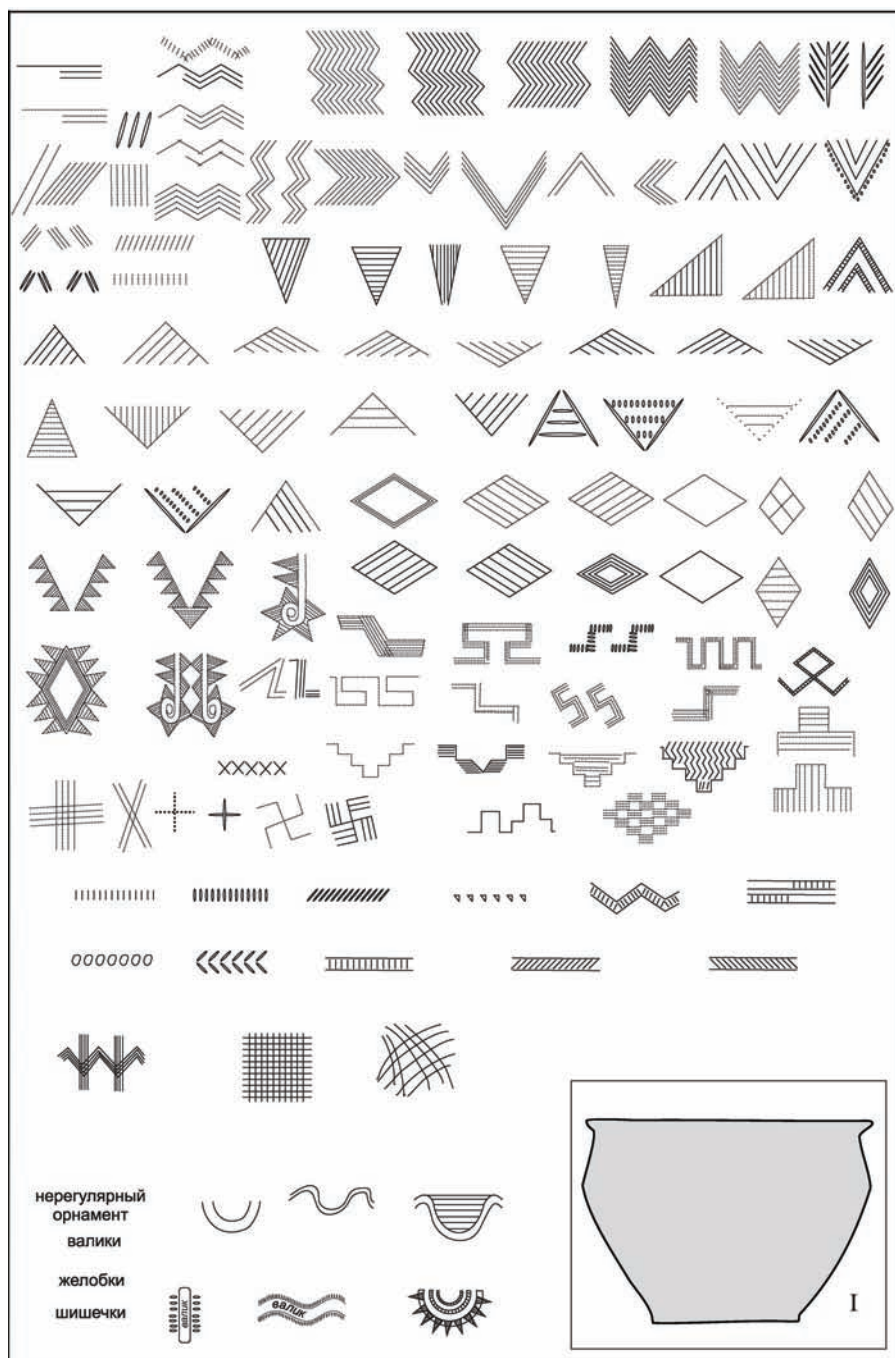

Рис. 19. Соотношение форм и элементов орнамента синташтинской керамики
Горшки с ребристым профилем (отдел I)

разделительную функцию в бордюрах. Присутствуют также наклонные линии. Но, пожалуй, реальную конкуренцию рельефным орнаментам могут составить лишь елочные узоры с вертикальной направленностью, как правило, выполненные в прочерченной технике или посредством гладкого штампа. Вертикальная елка встречается почти на 30 % сосудов. При этом семантическую значимость указанных элементов оттеняет присутствие вертикальных разделителей, иногда подобные узоры стилизовано передают «древо жизни». В целом, обилие элементов, основанных на ломаных линиях, можно рассматривать как отличительную особенность острореберной посуды. Заметное место в этом перечне занимают многорядные зигзаги горизонтальной и вертикальной направленности, выполненные в различной технике, иногда нанесенные дискретно, разнообразные вариации многорядных углов, обращенные вниз, вверх или влево. Нередко они помимо многократного очерчивания имеют обрамление из наколов или насечек.

Достаточно распространенными в обсуждаемой группе острореберных сосудов (отдел I) являются меандровидные фигуры. Это различные варианты полного меандра и его элементов, а также разнообразные виды пирамидок, штриховка и обрамление которых весьма вариативны, как впрочем, и приемы орнаментации. Меандры выполнены в различной технике, хотя доминирует гребенчатый штамп. Они могли наноситься на поверхность сосуда по прямой или по косой сетке. В случаях присутствия лишь отдельных элементов меандра типичным является их дискретное расположение. Широко представлены свастика и крест. Следует, однако, отметить, что стереотипность данных элементов орнамента проявляется не столько в частоте встречаемости каждого из них, сколько в удивительном разнообразии способов реализации самого канона, вплоть до единичных эксклюзивных иконографических решений. То же самое можно сказать о различных ямочках, насечках, заштрихованных лентах. Как правило, они используются для разделения мотивов в композиции либо для заполнения или обрамления других элементов, чаще всего геометрических или рельефных. Но могут выступать и в качестве самостоятельного элемента декора.

Перечень геометрических элементов достаточно разнообразен, в первую очередь, за счет многочисленных вариантов трактовки треугольников и ромбов. Для этой группы элементов характерно не только использование различной техники нанесения, но и сочетание в одном элементе структурных компонентов, выполненных разными приемами: гребенка, накол, прочерчивание, плоский штамп. Примечательной особенностью треугольников является разнообразие формы и способов заполнения. Чаще всего присутствуют равнобедренные, но представительную серию составляют также прямоугольные. При этом широкие приземистые треугольники обычно заштрихованы параллельно одной из сторон, а узкие вытянутые в большинстве случаев имеют горизонтальную штриховку, хотя известны альтернативные варианты. Для ромбов ти-

пично многократное очерчивание и штриховка преимущественно параллельно одной из сторон. Ромбы могут быть размещены горизонтально или вертикально.

В ряде случаев поверхность сосудов покрыта сеткой, сотовым орнаментом, глубокими расчесами, которые можно расценивать в качестве технологического орнамента. Известен оригинальный элемент, созданный наложением многорядного горизонтального зигзага и пучков вертикальных линий.

Особую группу создают криволинейные элементы, представленные овами, спиральными завитками, волнистыми прочерченными линиями, иногда дискретно заполненными горизонтальной штриховкой. Но особый колорит синташтинской посуде придает серия сложных элементов, в основе которых лежат крупные углы, ромбы, овы, спиральные завитки, окаймлявшиеся «бахромой» из заштрихованных треугольников. Такого рода элементы практически эксклюзивны, поскольку встречены в единичных случаях, но отличаются единством художественного решения и, вероятно, общностью семантического обоснования.

Применительно к совокупности остросреберных сосудов необходимо сделать ряд уточнений, конкретизирующих, а во многом и наполняющих содержанием статистические параметры системы орнаментации. Дело в том, что все описанные количественные и качественные показатели по элементам орнамента отнюдь не в равной пропорции представлены на сосудах, относящихся к различным типам. Но еще более зримо различия проявляются на уровне подтипов, что подтверждает опорный характер именно этого таксона для типологической классификации синташтинской керамики.

Наиболее значимым для синташтинского керамического комплекса в целом и для отдела I остросреберных сосудов в частности являются горшки с острым внешним ребром по тулову и прямым плечом (тип I.1). В количественном отношении они составляют основную массу сосудов отдела (174 экземпляра, то есть 33,1 % коллекции). На сосудах этого типа зафиксировано 105 элементов орнамента, то есть 71,9 % от общего количества выделенных для синташтинской посуды элементов. Это очень высокий показатель, с которым сопоставимы лишь данные по сосудам с вогнутым плечом типа I.2, на которых отмечено 88 элементов орнамента (60,2 %). Остальные типы в рамках данного отдела посуды характеризуются значительно меньшей количественной представительностью и небольшой вариативностью элементов орнамента. Так, на миниатюрных остросреберных сосудах типа I.3 отмечено лишь 36 элементов (24,6 %), а на горшках с плечом, имеющим слабый наклон, близкий к вертикали типа I.4, и вовсе зафиксировано только 26 элементов (17,8 %).

Но, обращаясь к грациям на уровне подтипов, можно уверенно констатировать, что выделенные на этапе создания морфологической типологии совокупности сосудов, составляющих ядро синташтинского керамического комплекса, полностью подтверждают свой статус культурного индикатора. Бе-

зусловно, ведущей формой синташтинской керамики являлись сосуды с внешним ребром по тулову, прямым плечом и внутренним ребром на отгибе венчика. Горшки этой группы представлены двумя подтипами, различающимися пропорциями, прежде всего, высотным показателем тулова (I.1.1 и I.1.2). На сосудах, относящихся к указанным подтипам, присутствует соответственно 63 (43,1 %) и 79 (54,1 %) элементов орнамента. Примечательно, что для остальных подтипов данного типа горшечных форм, характеризующихся в основном отсутствием внутреннего ребра на отгибе венчика (I.1.3, I.1.4), этот показатель составляет соответственно 41 и 18 элементов. Безусловный приоритет горшков с внутренним ребром в рамках данного типа оттеняется тем обстоятельством, что именно здесь сосредоточены все наиболее сложные в структурном отношении элементы орнамента, отсутствующие на сосудах, лишенных внутреннего ребра на отгибе венчика.

Несколько иную картину мы наблюдаем в группе острореберных сосудов с вогнутым плечом типа I.2. Почти во всех подтипах достаточно равномерно представлено от 46 до 56 элементов, что составляет более трети от общего количества. На общем фоне выделяется подтип I.2.2 сосудов с вогнутым плечом, характеризующийся высоким туловом, малым плечом и отсутствием внутреннего ребра на отгибе венчика. На сосудах этого подтипа отмечено 56 элементов (38,3 %). Забегая вперед, отметим, что это объясняется направленностью эволюции синташтинской посуды, поскольку именно этот подтип преобладает в наиболее поздних синташтинских памятниках и перейдет в практически неизменном виде в алакульскую культуру, где на раннем петровском этапе станет ведущей формой. Не случайно, на сосудах данного подтипа совершенно отсутствуют сложные составные элементы, придающие синташтинской керамике особый неповторимый облик. Для орнаментации данной серии сосудов характерно преобладание горизонтальных линий, зигзагов, елочек, простых геометрических элементов, иногда присутствуют крестообразные фигуры. Синташтинскую принадлежность этой посуды подчеркивает присутствие парных наклепных шишечек. Примечательно, что характерные для синташтинского декора желобки заменяются иногда широкой каннелюрой на шейке, создающей воротничок на венчике. Именно эти признаки впоследствии станут диагностирующими для раннеалакульской (петровской) керамики.

Небольшую, но достаточно выразительную группу синташтинских сосудов образуют горшки со сглаженным ребром отдела II. Они составляют лишь 4,2 % коллекции. В целом эта группа посуды характеризуется достаточно ограниченным набором элементов орнамента (рис. 20). В общей сложности выделено 33 элемента, что составляет 22,6 %. Кроме того, здесь практически отсутствуют сложные многокомпонентные геометрические элементы, весьма скромно представлена группа криволинейных элементов. Обедненный набор орнаментации, характерный для сосудов со сглаженным ребром, включает в

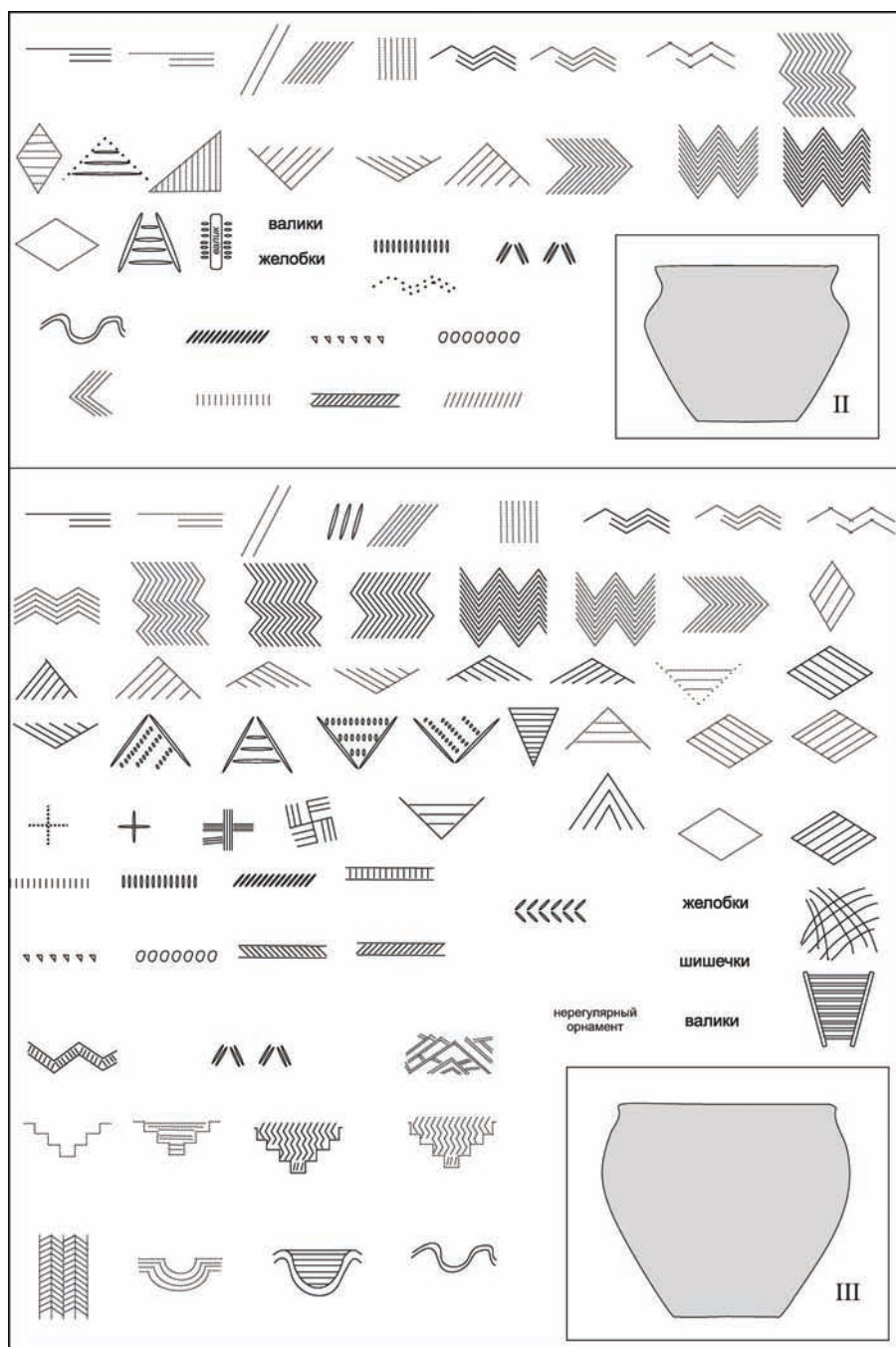
себя, преимущественно, элементы, основанные на различных комбинациях ломаных и прямых линий, доля которых иногда составляет более 30 %. Это горизонтальные, вертикальные и наклонные линии, многорядный зигзаг, разнонаправленные уголки. Типичной для этой группы посуды является елка. Геометрические элементы представлены лишь ограниченным набором заштрихованных треугольников, в том числе лесенок, и двумя вариантами ромбов. Только в одном случае отмечен волнистый зигзаг. Большинство перечисленных элементов нанесено посредством использования гребенчатого штампа, но использовались также прочерчивание, наколы, плоский штамп. Более вариативны насечки и ямочки различной конфигурации. Рельефные орнаменты представлены в единичных случаях наклепными вертикальными и горизонтальными валиками с обрамлением из насечек, гораздо более значительную серию составляют желобки, встреченные в 36,4 % случаев.

Помимо сосудов с ребристым профилем к числу наиболее значимых в морфологическом отношении групп синташтинской посуды нужно отнести сосуды с плавным профилем отдела III. Этот тезис хорошо согласуется с картиной распределения элементов орнамента (рис. 20). Плавнопрофилированные сосуды насчитывают 67 экземпляров, что составляет 12,8 % выборки. Но по количеству и разнообразию элементов орнамента они успешно конкурируют даже с остросеберными горшками, что позволяет рассматривать данные совокупности керамики в качестве своеобразной визитной карточки синташтинского гончарства. На плавнопрофилированных сосудах отмечено 69 (47,2 %) элементов орнамента, при этом представлены практически все известные на синташтинской посуде группы элементов.

Высока степень их вариабельности, есть элементы, отсутствующие на других видах посуды. Однако показательно полное отсутствие сложных составных геометрических и криволинейных элементов, а также очень специфический набор меандровидных фигур, представленных исключительно пирамидками.

Самыми распространенными на обсуждаемой группе сосудов являются криволинейные орнаменты, некоторые виды которых отмечены порой на четверти сосудов. Более того, елочка присутствует практически на каждом третьем горшке. Горизонтальные, наклонные, вертикальные линии, горизонтальные и вертикальные многорядные зигзаги, нередко образующие елочку, на сосудах с плавным профилем выполняют практически ту же функцию, что и на остросеберных формах, имеют близкую локализацию на поверхности емкостей.

Геометрические элементы, представленные разнообразными треугольниками и ромбами с различными вариантами штриховки, имеют ряд особенностей. Большинство треугольников – равнобедренные приземистых пропорций и имеют штриховку параллельно одной из сторон, хотя отмечено не менее 15 их разновидностей с учетом техники нанесения орнамента. Такую же configura-

Рис. 20. Соотношение форм и элементов орнамента синташтинской керамики
Горшки со сглаженным ребром (отдел II) и плавнопрофилированные горшки (отдел III)

цию имеют многократно очерченные углы, которые тоже можно рассматривать в качестве треугольников без основания. Лишь в трех случаях зафиксированы вытянутые опущенные вершинами вниз горизонтально заштрихованные треугольники. К ним примыкают по семантической нагрузке перевернутые лесенки. Ромбы почти всегда, за редким исключением, изображались в горизонтальной проекции и штриховались параллельно одной из сторон. Иногда штриховка отсутствует.

Представительную группу составляют разнообразные варианты крестов, свастика. Популярны горизонтальные и зигзагообразные заштрихованные ленты, различные насечки, ямочки. Отмечены также глубокие расчесы на внешней поверхности, нерегулярный орнамент. Особую группу составляют пирамидки, которые следует расценивать как вариант меандровидных элементов. Пирамидки на сосудах с плавным профилем всегда перевернутые, могут быть заштрихованы вертикальным многорядным зигзагом, горизонтальными линиями или вообще лишены заполнения.

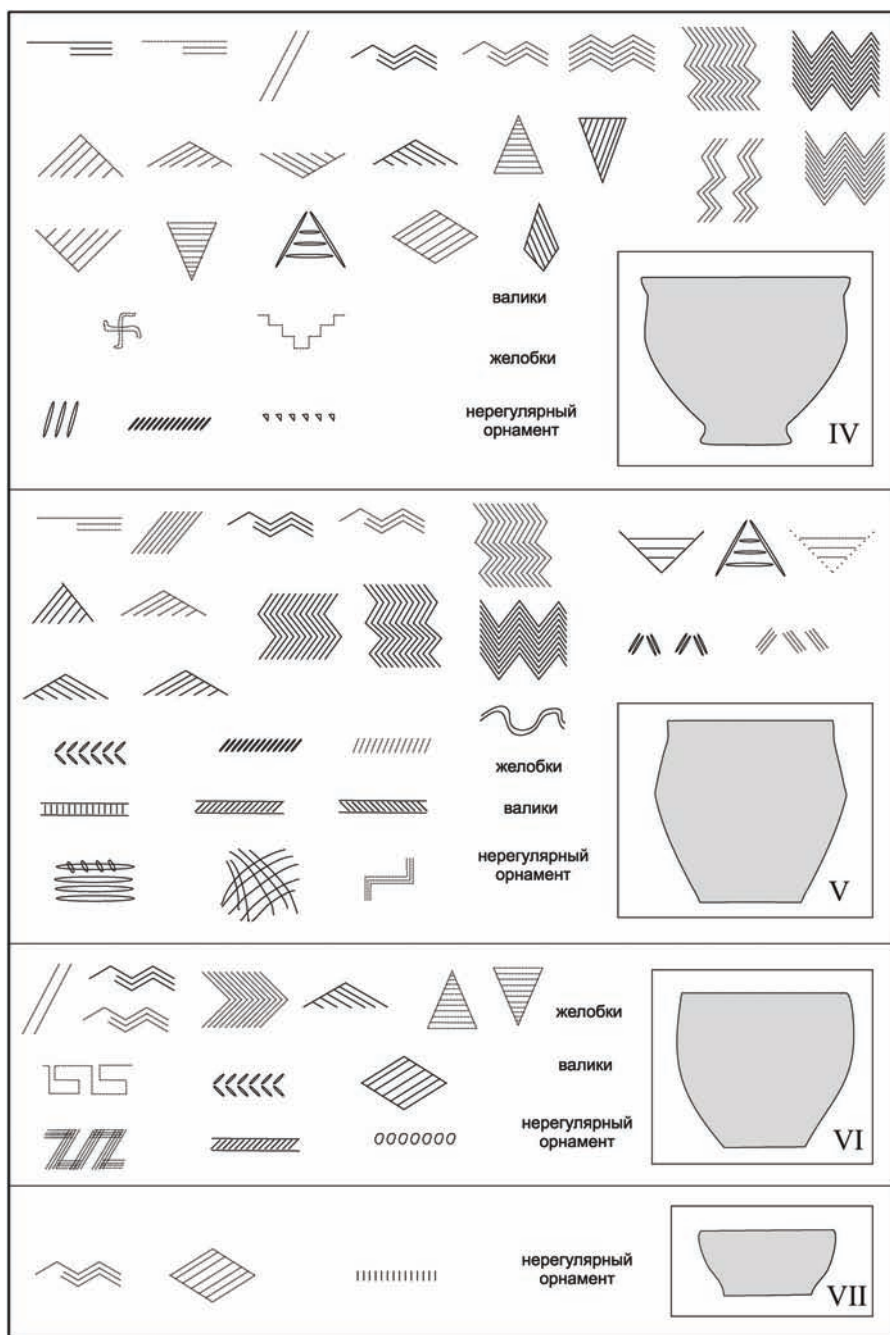
Достаточно редкими, но в целом типичными для данной группы керамики являются криволинейные элементы. Примечательно, что в данном случае они никогда не наносились дискретно. Это прочерченные волнистые линии, иногда имеющие горизонтальную штриховку в изгибах, соединенные между собой овы, образованные многорядными отпечатками зубчатого штампа.

К числу эксклюзивных элементов можно отнести сложную комбинацию ломаных и прямых линий, образующих своеобразный орнамент, напоминающий паркетный. Как и все остальные составляющие синташтинского керамического комплекса, сосуды с плавным профилем характеризуются большим удельным весом рельефных элементов орнамента. Присутствуют все их разновидности: валики (7,5 %), желобки (35,8 %), шишечки (7,5 %).

Исключительным разнообразием отличается техника нанесения орнамента. Это гребенка с различным зубом, прочерченные линии и гладкий штамп, расчесы, налlep, каннелирование, наколы и насечки различной конфигурации.

Весьма своеобразной группой синташтинской керамики являются кубкообразные сосуды, выделенные нами в отдел IV предлагаемой морфологической типологии. Они составляют 4,8 % коллекции, но придают синташтинской керамической серии неповторимый облик. По числу элементов (29, то есть 19,9 %) они заметно уступают ведущим формам синташтинской посуды, но иногда демонстрируют их нетривиальное сочетание в мотивах. Кроме того, часть элементов орнамента являлась приоритетной для кубкообразных сосудов (рис. 21). В частности, на 60 % сосудов присутствуют горизонтальные линии, образованные отпечатками гребенчатого штампа, на 40 % сосудов отмечены многорядные горизонтальные зигзаги, выполненные в той же технике, но самыми показательными являются дискретно нанесенные трехрядные вертикальные зигзаги, которые встречены на трети кубков.

Рис. 21. Соотношение форм и элементов орнамента синташтинской керамики
Кубкообразные сосуды (отдел IV), горшечно-баночные сосуды (отдел V), банки (отдел VI), миски (отдел VII)

Вообще, элементы, основанные на использовании прямых и ломаных линий, нередко выступающие в качестве разделителей орнаментальных зон, типичны для данной группы емкостей. В том числе это и многорядный вертикальный и горизонтальный зигзаг, нередко образующий елочку. Значительную серию создают разнообразные треугольники и ромбы с различными вариантами штриховки. Есть перевернутые пирамидки без заполнения, свастика, нерегулярный орнамент. Достаточно неожиданно, что на кубкообразных сосудах очень скромно представлены насечки и ямочки. Что касается технических приемов, использовавшихся для нанесения орнамента, то превалирует гребенчатый штамп, хотя прочерчивание и гладкий штамп тоже известны. Из рельефных орнаментов, в целом не характерных для кубков, можно отметить лишь валики и желобки, встреченные в трех случаях.

Относительно небольшую группу синташтинской керамики образуют горшечно-баночные сосуды отдела V, которые составляют 4,6 % коллекции. Отличительной особенностью орнаментации на этих формах следует признать малую представительность геометрических, меандровидных, криволинейных, полное игнорирование крестообразных элементов (рис. 21). В общей сложности выделен 31 элемент орнамента (21,2 %). Кроме того, практически невозможно выделить сколько-нибудь характерные именно для этой группы керамики элементы. Исключение составляют лишь рельефные орнаменты, что является стандартной ситуацией для синташтинской керамической серии в целом. Так, валики отмечены на 33,3 % сосудов, желобки – 50 %. Один раз зафиксированы шишечки. Около четверти горшечно-баночных емкостей украшено многорядным горизонтальным зигзагом и елочкой. Удельный вес остальных элементов редко превышает 5-6 %. Горизонтальными и наклонными отпечатками гребенчатого штампа представлены линейные элементы. Достаточно вариативны горизонтальный и вертикальный зигзаг, известна елочка. Известно несколько вариантов заштрихованных треугольников. Совершенно отсутствуют ромбы, сложные комбинированные элементы. Меандровидные элементы отмечены лишь в форме дискретных фрагментов меандра, пирамидки проигнорированы вовсе. Известны волнистые линии, расчесы поверхности сосуда, нерегулярный орнамент. Зафиксировано несколько разновидностей насечек и ямок, в том числе в виде заштрихованных лент.

Техника нанесения орнамента разнообразна. Использовались все перечисленные выше приемы, характерные для синташтинской орнаментальной традиции. Переходный характер морфологического состояния данной группы керамики подчеркивается отсутствием оригинальности и стандартностью набора элементов орнамента, вариативностью технических средств его нанесения.

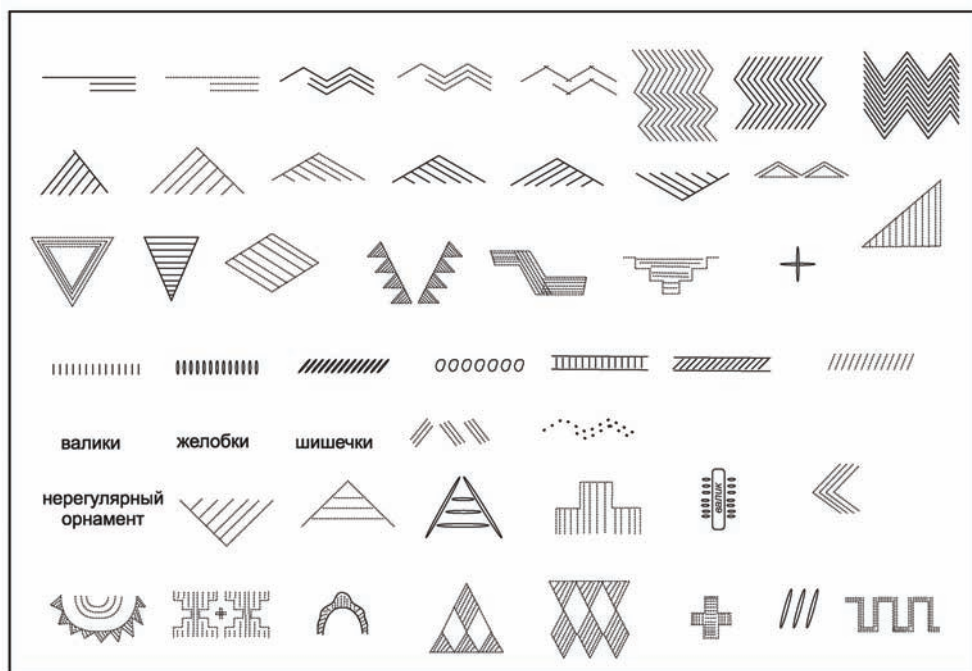
Около 5 % выборки составил удельный вес банок, объединенных в нашей типологии в рамках отдела VI. Совершенно естественно, что на этой груп-

пе синташтинской посуды мы наблюдаем обедненный набор элементов орнамента (рис. 21). Их всего 17, что составляет 11,6 % от общего количества. Показательно, что даже на банках тоже доминируют рельефные элементы в виде желобков (19,2 %) и валиков (7,7 %). К ним по количественной представительности приближается лишь многорядный зигзаг, при этом, как правило, нанесенный гребенчатым штампом (11,5 %). Примечательной особенностью является присутствие меандров, нанесенных по прямой или по косой сетке. Есть наклонные отпечатки гребенки, три вида треугольников, преимущественно с горизонтальной штриховкой, ромбы, косые насечки, иногда образующие горизонтальную елочку или заштрихованную ленту. При полном отсутствии горизонтальных линий, вероятно, ряды ямок, насечек и горизонтального зигзага выполняли, в том числе и функции, характерные для прямых линий. Отмечен также нерегулярный орнамент.

И, наконец, сосуды отдела VII, представленные четырьмя экземплярами мисок, характеризуются присутствием лишь четырех элементов орнамента (рис. 21). Это многорядный горизонтальный зигзаг, ромбы, заштрихованные параллельно одной из сторон, ряды насечек, нерегулярный орнамент. Как правило, использовался гребенчатый штамп, но известны также насечки и прочерчивание.

Единственное в коллекции блюдо отдела VIII характеризуется отсутствием орнамента. Однако до накопления новых данных делать на этот счет какие-то категоричные выводы мы не беремся, поскольку, например, блюдо из Утевского VI могильника в Среднем Поволжье было покрыто орнаментом.

Следует также отметить, что некоторая часть синташтинской коллекции керамики оказалась за рамками разработанной типологии. В общей сложности вне подтипов остались 23 керамические емкости, но по количеству присутствующих на них элементов орнамента данная группа занимает одну из лидирующих позиций (рис. 22). Зафиксированы 48 элементов орнамента, что составляет 32,9 %. Элементы орнамента распределились в той же пропорции, что и в большинстве типологических разрядов синташтинской керамики. При этом диагностирующие для синташтинского гончарства рельефные элементы опять-таки преобладают на нестандартных формах посуды. Более того, их количественная представительность даже несколько выше в сравнении с некоторыми отделами керамики. Так, валики отмечены на 43,5 % сосудов обсуждаемой серии, желобки встречены в 52,2 % случаев, однако напечные шишечки зафиксированы лишь однажды. Достаточно широко распространены горизонтальные линии и зигзаги, ямочки и насечки, имевшие различный наклон и конфигурацию. Типичными являются также вертикальный многорядный зигзаг, елочка, довольно многочисленную группу составляют различные варианты треугольников, меандры и пирамидки, кресты, известен нерегулярный орнамент. Но особо нужно указать на присутствие сложных геометрических

Рис. 22. Соотношение форм и элементов орнамента синташтинской керамики
Сосуды вне подтипов

элементов, которые образованы крупными углами и овами, обрамленными заштрихованными треугольниками. Таким образом, несмотря на нестандартность этой совокупности сосудов, набор элементов орнамента надежно маркирует их причастность к синташтинскому керамическому комплексу.

Мотивы

Большинство выделенных элементов синташтинского орнамента могут образовывать самостоятельные мотивы. Но их назначение в композиции неравноценно, поскольку некоторые мотивы часто выполняют лишь разделительную функцию. В этом качестве обычно выступают горизонтальные и вертикальные линии, зигзаги, валики, желобки, ряды насечек и ямочек. Однако иногда они покрывают всю поверхность сосуда, создавая композицию. Различные по конфигурации ямочки и насечки в мотивах иногда играли роль окантовки других элементов. С аналогичной целью нередко использовались геометрические фигуры, в первую очередь, заштрихованные треугольники, обрамляющие углы, ромбы или спиральные завитки, создающие своеобразную бахромку.

Совершенно очевидно, что число орнаментальных мотивов заметно превышает количество элементов. Между тем, только наиболее простые мотивы, образованные многократно повторяющимися стандартными элементами, выс-

троенными в орнаментальный бордюр, тиражируются на многих сосудах. Большинство сложных мотивов встречаются крайне редко, обычно представляя собой эксклюзивные раппорты. Лишь небольшая группа элементов создает устойчивые статистически значимые серии. Это, прежде всего, мотивы, образованные рельефными элементами, такими, как наlepные и сформованные валики, желобки, шишечки.

По количественным показателям к этой группе тяготеют мотивы, основанные на прямых и ломаных линиях. Здесь следует особо выделить мотивы из прямых линий, горизонтальных зигзагов, елочку. Причем нередко многорядные горизонтальные зигзаги, в том числе образующие вертикальную елочку, пересекаются вертикальными линиями. Удельный вес остальных мотивов редко превышает пятипроцентный показатель. Уместно также отметить, что ряд элементов присутствует только в составе сложных мотивов и не имеет самостоятельного статуса. К их числу, например, можно отнести некоторые разновидности уголков, крестов, свастик, насечек и ямок.

Довольно представительную группу составляют геометрические мотивы. При этом следует отметить не только многообразие трактовки треугольников и ромбов, представленных чуть ли не всеми возможными комбинациями форм, поворотов и штриховки, но и сочетание в одном мотиве различных вариаций геометрических элементов. Иногда треугольники и ромбы имеют дополнительные усложняющие элементы в виде крючков из уголков, являющихся естественным продолжением их пересекающихся сторон. Кроме того, присутствие треугольников в составе сложных орнаментальных мотивов является обязательным. В значительной мере это касается и ромбов, но в большей степени типично для крупных углов.

Меандры и пирамидки, как правило, создают собственные мотивы, но иногда чередуются с треугольниками. В этих случаях нередко разделительную функцию в мотиве выполняют наlepные шишечки. Особенно это характерно для дискретно нанесенных элементов меандра, чаще всего представленных «уточками». Примечательно, что так же, как и в случае с треугольниками и ромбами, в одном мотиве или орнаментальном бордюре могут сочетаться пирамидки разной формы с различными вариантами штриховки и обрамления. Этого нельзя сказать о меандровидных мотивах, которые демонстрируют большую монотонность.

Высокой степенью вариативности отличаются мотивы из насечек и ямок. В качестве самостоятельного мотива они выступают в тех случаях, когда разделяют орнаментальные зоны в композиции. Но часто насечки с различным наклоном и ямки разной конфигурации образуют более сложные мотивы, сочетаясь с горизонтальными и вертикальными линиями, зигзагами, желобками, валиками и шишечками, геометрическими элементами. Они могут служить заполнением или окантовкой таких элементов.

Свастические и крестообразные элементы в редких случаях выступают в качестве самодостаточного компонента, образуя мотивы. Чаще они включены в состав более сложных. Глубокие расчесы, лесенки, комбинации ломаных линий, создающих орнамент, напоминающий паркетный, сетка, сотовый рисунок, простые овы, волнистые линии составляют весьма выразительную, но крайне немногочисленную группу мотивов.

Особый шарм синташтинской посуде, конечно, придают сложные многокомпонентные мотивы. В таких мотивах в полной мере реализован типичный для синташтинской орнаментальной традиции прием, когда однотипные элементы различных размеров многократно очерчивались и вписывались друг в друга по принципу «матрешки». В основе сложных элементов в большинстве случаев лежит обращенный вершиной вниз треугольник, точнее его упрощенная трактовка – угол. Свисающий угол может зеркально отражаться вверх, образуя ромб. По внешнему контуру фигура обрамляется «бахромой» из заштрихованных треугольников, ядро обычно представлено свисающим треугольником с вертикальной или горизонтальной штриховкой, либо многократно очерченным треугольником без штриховки. Эти элементы могут дополняться многорядными уголками. В центре ромбических фигур с окантовкой из заштрихованных треугольников помещалась свастика. Совершенно уникальными являются элементы, в основе которых лежит свисающий спиральный завиток, обрамленный заштрихованными треугольниками. В некоторых случаях такие фигуры изображались попарно в зеркальной проекции.

В мотивах сложные геометрические фигуры, созданные на основе треугольника или ромба, могут повторяться, но нередко чередуются с элементами из спиральных завитков. Весь мотив иногда опирается на горизонтальный ряд обращенных вершинами вверх равнобедренных треугольников с косой штриховкой, а элементы в ряде случаев отделены друг от друга свастикой или парами прямых крестов. Несмотря на следование единым принципам построения орнамента, большую роль в их реализации, вероятно, играли личные предпочтения и творческая инициатива гончара. По крайней мере, сложные составные элементы и их комбинации в мотивах фактически никогда не повторяются на других сосудах, каждый сюжет по-своему уникален.

Орнаментальные мотивы тесно связаны с формой. В локализации определенных мотивов на поверхности сосудов тоже наблюдаются некоторые закономерности. Орнамент на всех типах керамики, кроме посуды с ребристым профилем, достаточно монотонный и содержит ограниченное число мотивов. Хотя нужно признать, что горшковидные сосуды с плавным профилем обладают собственной спецификой, что подчеркивается присутствием ряда оригинальных мотивов, отсутствующих на других формах. Некоторые из них очень самобытны.

Анализ распределения мотивов свидетельствует о приоритетности емкостей с ребристым профилем, причем перечень мотивов на горшках данной группы с внутренним ребром на отгибе венчика почти вдвое превышает этот показатель для сосудов, лишенных такой морфологической особенности. Примечательно, что стереотипным является размещение сложных геометрических мотивов на тулове острореберных сосудов, хотя в двух случаях они зафиксированы на горшках с плавным профилем, оказавшихся вне подтипов. То же самое можно сказать о наlepных украшениях, которые также являются прерогативой острореберной керамики и только как исключение отмечены на других формах.

На горшковидных сосудах с ребристым профилем и посуде с плавным профилем существует довольно отчетливая дифференциация мотивов с точки зрения их локализации на определенных частях гончарных изделий.

Особенно выразительны различия в орнаментации частей сосудов на керамике с ребристым профилем. На венчике с внешней стороны отмечены только самые простые мотивы: горизонтальные линии, зигзаг, ряды насечек. Иногда орнаментировалась внутренняя сторона венчика, где размещались ряды заштрихованных треугольников или желобки. Плечо, вероятно, воспринималось как семантически значимая зона, поэтому оно характеризуется большим и разнообразным арсеналом мотивов. Большую группу составляют прямые и наклонные линии, обычно наносившиеся дискретно, горизонтальные зигзаги, иногда представленные в виде заштрихованных лент или елочки, разнообразные ряды насечек и ямочек. Довольно популярны рельефные украшения: валики различной направленности, желобки, шишечки. Часто наlepные украшения имели окантовку из насечек. Наиболее типичными можно признать геометрические мотивы и меандры. В большинстве случаев это треугольники различного облика с горизонтальной, вертикальной или наклонной штриховкой, которые могут чередоваться с меандрами и разделяться наlepными шишечками с окантовкой, однако присутствуют и ромбы, иногда вписанные друг в друга.

В орнаментации ребра прослеживается стремление подчеркнуть особенности морфологии и четко разграничить орнаментальные зоны сосуда. Поэтому мотивы в месте сочленения тулова с плечом располагались в горизонтальной проекции с подчеркнуто разделительной функцией, а также придавали дополнительную рельефность сосудам за счет желобков, валиков, наlepных шишечек. Рельефные элементы обычно обрамлялись или заполнялись насечками. Ряды насечек могли прерываться шишечками, иногда они заштриховывали ряды прямых линий, при этом в некоторых случаях наносились дискретно в шахматном порядке в виде лесенок.

Самой выразительной, безусловно, является орнаментация тулова сосудов с ребристым профилем. Здесь довольно мало простых мотивов, зато слож-

ные многокомпонентные комбинации элементов имеются только на тулове. Для этой зоны нетипичны, хотя иногда встречаются мотивы из прямых и наклонных линий, в очень ограниченном количестве встречены ряды наклонных насечек. Довольно широко распространен многорядный горизонтальный и вертикальный зигзаг, наносившийся с разрывами или сплошными горизонтальными поясами, часто покрывая всю поверхность елочным узором. Геометрические мотивы, составленные из треугольников и ромбов, тоже могли быть сплошными или дискретными. Присутствуют меандр, различные варианты пирамидок, желобки, горизонтальные и извилистые валики, обрамленные насечками. Но самыми эффектными, несомненно, являются сложные мотивы, составленные из комбинаций многокомпонентных элементов, созданных на основе улов, ромбов и спиральных завитков с «бахромой» из заштрихованных треугольников. Элементы в мотивах иногда разграничены свастиками и крестами.

Придонная часть сосудов с ребристым профилем украшалась не всегда и только простыми мотивами. Обычно это горизонтальные линии, зигзаги, желобки, ряды насечек и ямочек. Есть мотивы из заштрихованных треугольников и многорядного вертикального зигзага, образующего плотную горизонтальную елочку. В ряде случаев отмечена орнаментация дна концентрическими желобками, крестами, свастиками.

Значительно проще орнамент на горшковидных сосудах с плавным профилем. В верхней части сосудов располагались наиболее разнообразные мотивы, составленные из прямых линий, зигзагов, насечек с различным наклоном, ямочек. Здесь же отмечены геометрические узоры, овы, лесенки, орнамент, близкий паркетному. Основная поверхность тулова в большинстве случаев покрыта елочкой. На некоторых экземплярах в этой зоне присутствуют горизонтальные желобки, дискретно нанесенные наклонные линии, ряды заштрихованных ромбов или крестов. Придонная часть, как правило, не выделена в отдельную зону, но иногда украшена зигзагом или заштрихованными треугольниками.

Остальные группы синташтинской керамики характеризуются присутствием довольно монотонных, чаще всего геометрических или основанных на комбинации ломаных линий, в том числе елочных мотивов без видимых разграничений орнаментальных бордюров. Хотя следует отметить превалирование мотивов с вертикальной направленностью на тулове кубкообразных сосудов.

Композиции

Большинство мотивов имеет строго определенное место на теле сосудов, поэтому наиболее сложные композиции мы обнаруживаем на керамике с ребристым профилем, причем полные схемы присутствуют только на горшковидных сосудах с внешним ребром по тулову и внутренним ребром на отгибе венчика. Это еще раз подтверждает тезис о том, что этот тип посуды являлся ведущим в синташтинском керамическом комплексе.

Можно выделить два вида «классических» композиций на синташтинской керамике. Первая из них типична, преимущественно, для острореберных сосудов. Она характеризуется преобладанием геометрических и рельефных мотивов. С внешней стороны венчика наносился одинарный горизонтальный зигзаг, а на внутренней стороне – ряд заштрихованных треугольников. Под венчиком проходил желобок или валик, отделявший его от плеча. На плече располагался ряд заштрихованных треугольников или дискретно нанесенных элементов меандра («уточек»), иногда чередующимися группами, разделенными налепными шишечками. По ребру наносился еще один желобок или валик, выполнявший разделительную функцию. Большую часть тулова ниже ребра занимал сложный мотив из различных сочетаний углов, ромбов, спиральных завитков, обрамленных заштрихованными треугольниками, нередко отделенных друг от друга свастиками и крестами. Придонная часть украшалась канелюрами, одинарным зигзагом и заштрихованными треугольниками. Нередко концентрическими желобками или крестообразными фигурами орнаментировано дно сосуда.

Значительная часть мотивов в композиции была взаимозаменяема, а некоторые зоны не выделялись в самостоятельный орнаментальный бордюр или не орнаментировались вовсе. Лишенными орнамента могли оставаться венчик, придонная часть, а иногда и тулово. Часто отсутствуют налепные украшения и валики, а их роль выполняют прямые линии, зигзаги или ряды насечек. Вместо треугольников и меандров на плечике могли располагаться многорядные вертикальные и горизонтальные зигзаги, ряды наклонных насечек, ромбы, заштрихованные ленты, налепные шишечки и вертикальные валики с обрамлением из насечек. Сложные геометрические мотивы на тулове могут заменяться рядами пирамидок, меандров, свисающих заштрихованных треугольников, ромбов, извилистых налепных валиков с окантовкой из насечек, или канелюрами, но еще чаще елочкой, покрывающей всю поверхность тулова до самого дна.

Второй вид композиций наиболее широко представлен на горшковидных сосудах с плавным профилем и посуде со сглаженным ребром. Нижняя часть сосуда покрывалась размашистыми горизонтальными зигзагами, образующими вертикальную елочку. В верхней части располагались ряды ямочек, насечек, создающих узор в виде горизонтальной елочки, треугольников, зигзагов или редких мотивов (лесенок, извилистых линий, узора, напоминающего паркетный). На сосудах с ребристым профилем, украшенных по этой схеме, отмечены валики, хотя в целом рельефные мотивы в таких композициях достаточно редки.

Конечно, указанные орнаментальные схемы отнюдь не исчерпывают всего многообразия комбинаций мотивов в композициях. Существуют многочисленные варианты композиций, передающих «классические», но в сокращенном виде. Есть композиции, включающие в себя всего два-три мотива. В отдельных слу-

чаях вся поверхность сосуда орнаментировалась с использованием одного мотива. Это характерно, в основном, для сосудов, целиком украшенных горизонтальной или вертикальной елочкой, каннелюрами. Достаточно распространенным приемом создания композиций является многократное повторение одного мотива. Причем геометрические мотивы могли даваться в зеркальном отражении, часто с взаимным проникновением, создавая эффект аппликации или так называемый «белый узор». Это характерно преимущественно для зигзагов, треугольников, ромбов.

В целом композиционное построение синташтинского орнамента демонстрирует парадоксальное единство, казалось бы, взаимоисключающих характеристик: вариативности и каноничности. Стремление следовать до конца не сформировавшемуся стандарту сочетается с творческим поиском альтернативных художественных решений реализации семантически значимых идей.

Стиль

Орнамент на синташтинской керамике оттеняет морфологические особенности гончарных изделий и характер обработки поверхности сосудов. Профилировка основной массы керамики отличается подчеркнутым членением на функциональные и семантически значимые с точки зрения построения орнаментальных композиций зоны. Практически вся посуда подвергалась лощению. Использование различных режимов обжига обусловило исключительное разнообразие цветовых оттенков.

Пожалуй, самой примечательной чертой синташтинской орнаментальной традиции является рельефность. Этот эффект достигался различными способами. Непосредственное употребление рельефных элементов (желобков, валиков, шишечек), придающих более выраженный характер силуэту трехчастного сосуда, дополнялось использованием глубоко посаженного гребенчатого или гладкого штампа, сильным продавливанием при прочерчивании линий, нанесении ямочек различной конфигурации. Поэтому разнообразные зигзаги и елочки, обычно выполненные широкими размашистыми сплошными линиями или отпечатками крупной гребенки, нередко имеют вид желобков.

Не менее выразительной особенностью нужно признать вариативность и сложность геометрических композиций, включавших различные варианты треугольников, ромбов, меандров и пирамидок. Для их создания, как правило, использовался мелкозубчатый штамп, что придавало рисунку вид шитья, при этом пробелы между фигурами часто сами образовывали геометрические узоры.

Именно гармоничное сочетание рельефности и геометризма придает синташтинской керамике особый колорит. Заметим также, что общие принципы построения орнамента, носившие скорее каркасный характер, не сковывали творческой инициативы и оставляли простор для реализации художественного замысла. Этим и объясняется поразительное разнообразие сюжетов, отмеченное на синташтинской посуде.

Глава III

СООТНОШЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РУБЕЖА ЭПОХ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Памятники интересующего нас времени локализуются тремя компактными группами по обе стороны Уральского хребта и в Среднем Поволжье. Если южноуральские древности этого времени обычно рассматриваются в рамках синташтинской культуры или типа, то на Средней Волге самарские исследователи выделяют самостоятельный потаповский культурный тип (Васильев И. Б. и др., 1992; 1994; 1995).

Между тем, данная точка зрения не является общепринятой. Достаточно популярна трактовка потаповских памятников в Среднем Поволжье как локального варианта синташтинской культуры. Как правило, они объявляются результатом миграции носителей синташтинского культурного комплекса из Южного Зауралья (Малов Н. М., 1991, с. 53; Зданович Г. Б., Зданович Д. Г., 1995, с. 51; Григорьев С. А., 1999, с. 48-50; Отрощенко В. В., 1998, с. 51 и др.). Однако существует и прямо противоположная версия о распространении инновационных импульсов и, прежде всего, колесничного комплекса с запада на восток. В этой схеме синташтинские памятники Южного Урала якобы маркируют конечный пункт реконструируемой миграции носителей доно-волжской абашевской культуры, в которую органично вплетены элементы среднедонской катакомбной культуры (Пятых Г. Г., 2004; Матвеев Ю. П., 2005, с. 8).

Безусловно, изучение керамики, являющейся одной из ведущих составляющих материальной культуры, способно пролить свет на данную проблему.

3.1. Морфология

Типологический анализ керамики синташтинской культуры, приведенный в предыдущей главе, позволяет сделать ряд заключений. Несмотря на мнение некоторых исследователей о том, что в керамике синташтинской культуры отсутствуют типы, применение данной методики показало их наличие. Кроме того, в каждый тип входит несколько подтипов (от 1 до 3), которые, собственно, и являются основной таксономической единицей нашей типологии. Всего нами было выделено 29 подтипов, которые входят в 17 типов. Тип – категория более общая. Выделение типа основывается на внешней морфологии. Подтип – категория конкретная, она выделяется на основе сочетания ряда абсолютных величин (высота каждой части сосуда и высотный указатель). Поэтому далее мы будем обращаться в основном к подтипам. Такое большое количество под-

типов объясняется, во-первых, тем, что мы имеем дело с начальным этапом культурогенеза, а во-вторых, математическим характером нашей методики, позволяющей объективно выделить подтипы.

Несмотря на такое большое количество подтипов, можно вычленить культурное ядро, то есть подтипы, которые характерны для всей синташтинской культуры, независимо от географической локализации и хронологической позиции памятников. Чтобы войти в культурное ядро, подтип должен отвечать следующим требованиям: 1) встречаться в памятниках синташтинской культуры и Приуралья, и Зауралья; 2) встречаться в абсолютном большинстве памятников синташтинской культуры, где количество сосудов достигает минимального статистически значимого уровня (30-50 экземпляров), и в некоторых памятниках, где количество сосудов меньше этого числа.

Этим двум критериям отвечают следующие подтипы: горшки с ребристым профилем, прямым плечом, внутренним ребром на отгибе венчика, средним туловом (I.1.1); горшки с прямым плечом, внутренним ребром на отгибе венчика, высоким туловом (I.1.2); горшки с вогнутым плечом, внутренним ребром на отгибе венчика (I.2.1); горшки с вогнутым плечом, без внутреннего ребра на отгибе венчика, с малым плечом (I.2.2) и средним плечом (I.2.3); миниатюрные острореберные сосудики с малым (I.3.1) и средним (I.3.2) туловом; горшки со сглаженным ребром (II.1.1); плавнопрофилированные горшки со средними пропорциями (III.1.1); плавнопрофилированные горшки приземистых пропорций (III.1.2); плавнопрофилированные горшки больших размеров с высоким туловом, стройных пропорций (III.2.1) (рис. 23). С определенной долей условности к морфологическому ядру синташтинской керамики можно отнести закрытые банки (подтип VI.1.1). Условность определяется тем, что данные сосуды встречаются во многих других культурах. То, что данные подтипы являются морфологическим ядром керамики синташтинской культуры, подтверждает и факт высокой доли сосудов этих подтипов в синташтинской коллекции (табл.1). В сумме они дают 73 % от числа всех сосудов, хотя составляют только 40 % от числа всех подтипов.

Особо следует выделить подтипы горшков с ребристым профилем, прямым плечом, внутренним ребром на отгибе венчика и средним туловом (I.1.1), подтип горшков с ребристым профилем, прямым плечом, внутренним ребром на отгибе венчика и высоким туловом (I.1.2), подтип горшков с ребристым профилем, вогнутым плечом, внутренним ребром на отгибе венчика (I.2.1). Эти формы встречаются во всех без исключения памятниках синташтинской культуры (табл.1).

Подтипы, не входящие в морфологическое ядро, относятся к периферии керамики синташтинской культуры. В памятниках они встречаются sporadически. Показательно, что подтипы, являющиеся периферией керамики синташ-

Таблица 1
(начало)

Распределение морфологических подтипов по памятникам

Название комплекса	Отдел I			
	Тип I.1			
				
	Подтип I.1.1	Подтип I.1.2	Подтип I.1.3	Подтип I.1.4
Приуралье раннее	9	6	0	1
Итого в %:	17,0	11,3	0,0	1,9
Приуралье позднее	10	5	0	0
Итого в %:	22,2	11,1	0,0	0,0
Приуралье суммарные	19	11	0	1
Всего %:	19,4	11,2	0,0	1,0
Кривое Озеро	11	12	2	0
Итого в %:	14,9	16,2	2,7	0,0
Каменный Амбар V	7	16	17	3
Итого в %:	6,5	14,8	15,7	2,8
Большекараганский	20	5	4	0
Итого в %:	29,0	7,2	5,8	0,0
Синташтинский СМ	4	10	6	0
Итого в %:	4,0	9,9	5,9	0,0
Синташтинский С I	3	7	8	0
Итого в %:	6,5	15,2	17,4	0,0
Синташтинский С II-СIII	2	4	2	0
Итого в %:	6,9	13,8	6,9	0,0
Зауралье суммарные	47	54	39	3
Всего %:	11,0	12,6	9,1	0,7
Потаповский	0	7	4	0
Итого в %:	0,0	13,7	7,8	0,0
Утеевский VI	0	0	0	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	0,0
Потаповский тип (суммарные)	0	7	4	0
Всего %:	0,0	9,1	5,2	0,0

Таблица 1
(продолжение)

Распределение морфологических подтипов по памятникам

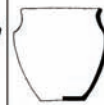

Название комплекса	Отдел I					
	Тип I.2			Тип I.3		Тип I.4
						
	Подтип I.2.1	Подтип I.2.2	Подтип I.2.3	Подтип I.3.1	Подтип I.3.2	Подтип I.4.1
Приуралье раннее	3	0	0	0	4	4
Итого в %:	5,7	0,0	0,0	0,0	7,5	7,5
Приуралье позднее	3	6	1	1	2	0
Итого в %:	6,7	13,3	2,2	2,2	4,4	0,0
Приуралье суммарные	6	6	1	1	6	4
Всего %:	6,1	6,1	1,0	1,0	6,1	4,1
Кривое Озеро	17	2	10	2	2	0
Итого в %:	23,0	2,7	13,5	2,7	2,7	0,0
Каменный Амбар V	9	11	9	3	1	1
Итого в %:	8,3	10,2	8,3	2,8	0,9	0,9
Большекараганский	1	2	1	0	2	0
Итого в %:	1,4	2,9	1,4	0,0	2,9	0,0
Синташтинский СМ	7	23	10	0	1	1
Итого в %:	6,9	22,8	9,9	0,0	1,0	1,0
Синташтинский С I	4	4	6	1	0	1
Итого в %:	8,7	8,7	13,0	2,2	0,0	2,2
Синташтинский С II-СIII	2	0	1	0	1	0
Итого в %:	6,9	0,0	3,4	0,0	3,4	0,0
Зауралье суммарные	40	42	37	6	7	3
Всего %:	9,4	9,8	8,7	1,4	1,6	0,7
Потаповский	4	5	5	1	1	0
Итого в %:	7,8	9,8	9,8	2,0	2,0	0,0
Утевский VI	5	2	4	0	2	0
Итого в %:	19,2	7,7	15,4	0,0	7,7	0,0
Потаповский тип (суммарные)	9	7	9	1	3	0
Всего %:	11,7	9,1	11,7	1,3	3,9	0,0

Таблица 1
(продолжение)

Распределение морфологических подтипов по памятникам

Название комплекса	Отдел II	Отдел III			
	Тип II.1	Тип III.1		Тип III.2	Тип III.3
					
	Подтип II.1.1	Подтип III.1.1	Подтип III.1.2	Подтип III.2.1	Подтип III.3.1
Приуралье раннее	1	3	0	7	0
Итого в %:	1,9	5,7	0,0	13,2	0,0
Приуралье позднее	5	0	4	2	0
Итого в %:	11,1	0,0	8,9	4,4	0,0
Приуралье суммарные	6	3	4	9	0
Всего %:	6,1	3,1	4,1	9,2	0,0
Кривое Озеро	2	4	2	0	0
Итого в %:	2,7	5,4	2,7	0,0	0,0
Каменный Амбар V	3	0	5	2	0
Итого в %:	2,8	0,0	4,6	1,9	0,0
Большекараганский	2	3	2	5	3
Итого в %:	2,9	4,3	2,9	7,2	4,3
Синташтинский СМ	9	5	2	2	0
Итого в %:	8,9	5,0	2,0	2,0	0,0
Синташтинский С I	0	1	1	3	1
Итого в %:	0,0	2,2	2,2	6,5	2,2
Синташтинский С II-СIII	0	2	4	4	0
Итого в %:	0,0	6,9	13,8	13,8	0,0
Зауралье суммарные	16	15	16	16	4
Всего %:	3,7	3,5	3,7	3,7	0,9
Потаповский	1	5	2	3	2
Итого в %:	2,0	9,8	3,9	5,9	3,9
Утевский VI	0	0	2	3	3
Итого в %:	0,0	0,0	7,7	11,5	11,5
Потаповский тип (суммарные)	1	5	4	6	5
Всего %:	1,3	6,5	5,2	7,8	6,5

Таблица 1
(продолжение)

Распределение морфологических подтипов по памятникам

Название комплекса	Отдел IV				
	Тип IV.1	Тип IV.2		Тип IV.3	
					
	Подтип IV.1.1	Подтип IV.2.1	Подтип IV.2.2	Подтип IV.3.1	Подтип IV.3.2
Приуралье раннее	2	1	0	1	0
Итого в %:	3,8	1,9	0,0	1,9	0,0
Приуралье позднее	1	1	0	0	1
Итого в %:	2,2	2,2	0,0	0,0	2,2
Приуралье суммарные	3	2	0	1	1
Всего %:	3,1	2,0	0,0	1,0	1,0
Кривое Озеро	0	0	0	0	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Каменный Амбар V	1	0	0	0	0
Итого в %:	0,9	0,0	0,0	0,0	0,0
Большекараганский	0	0	0	3	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	4,3	0,0
Синташтинский СМ	0	8	2	2	1
Итого в %:	0,0	7,9	2,0	2,0	1,0
Синташтинский С I	0	0	1	0	0
Итого в %:	0,0	0,0	2,2	0,0	0,0
Синташтинский С II-СIII	0	0	0	0	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Зауралье суммарные	1	8	3	5	1
Всего %:	0,2	1,9	0,7	1,2	0,2
Потаповский	0	0	0	0	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Утевский VI	0	0	0	0	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Потаповский тип (суммарные)	0	0	0	0	0
Всего %:	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 1
(продолжение)

Распределение морфологических подтипов по памятникам

Название комплекса	Отдел V			Отдел VI		
	Тип V.1	Тип V.2		Тип VI.1	Тип VI.2	
						
	Подтип V.1.1	Подтип V.2.1	Подтип V.2.2	Подтип VI.1.1	Подтип VI.2.1	Подтип VI.2.2
Приуралье раннее	4	0	0	3	0	0
Итого в %:	7,5	0,0	0,0	5,7	0,0	0,0
Приуралье позднее	1	0	0	0	0	0
Итого в %:	2,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Приуралье суммарные	5	0	0	3	0	0
Всего %:	5,1	0,0	0,0	3,1	0,0	0,0
Кривое Озеро	0	0	2	1	0	2
Итого в %:	0,0	0,0	2,7	1,4	0,0	2,7
Каменный Амбар V	1	2	1	3	3	0
Итого в %:	0,9	1,9	0,9	2,8	2,8	0,0
Большекараганский	0	0	3	5	2	0
Итого в %:	0,0	0,0	4,3	7,2	2,9	0,0
Синташтинский СМ	1	1	3	2	0	0
Итого в %:	1,0	1,0	3,0	2,0	0,0	0,0
Синташтинский С I	1	2	0	1	1	0
Итого в %:	2,2	4,3	0,0	2,2	2,2	0,0
Синташтинский С II-СIII	2	0	0	1	2	0
Итого в %:	6,9	0,0	0,0	3,4	6,9	0,0
Зауралье суммарные	5	5	9	13	8	2
Всего %:	1,2	1,2	2,1	3,0	1,9	0,5
Поталовский	0	0	0	3	6	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	5,9	11,8	0,0
Утеевский VI	1	0	1	1	1	0
Итого в %:	3,8	0,0	3,8	3,8	3,8	0,0
Поталовский тип (суммарные)	1	0	1	4	7	0
Всего %:	1,3	0,0	1,3	5,2	9,1	0,0

Таблица 1
(окончание)

Распределение морфологических подтипов по памятникам

Название комплекса	Отдел VII		Отдел VIII	вне подтипов
	Тип VII.1		Тип VIII.1	
				
	Подтип VII.1.1	Подтип VII.1.2	Подтип VIII.1.1	
Приуралье раннее	1	0	0	3
Итого в %:	1,9	0,0	0,0	5,7
Приуралье позднее	0	0	1	1
Итого в %:	0,0	0,0	2,2	2,2
Приуралье суммарные	1	0	1	4
Всего %:	1,0	0,0	1,0	4,1
Кривое Озеро	0	0	0	3
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	4,1
Каменный Амбар V	0	1	0	9
Итого в %:	0,0	0,9	0,0	8,3
Большекараганский	0	2	0	4
Итого в %:	0,0	2,9	0,0	5,8
Синташтинский СМ	0	0	0	1
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	1,0
Синташтинский С I	0	0	0	0
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	0,0
Синташтинский С II-СIII	0	0	0	2
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	6,9
Зауралье суммарные	0	3	0	19
Всего %:	0,0	0,7	0,0	4,4
Потаповский	0	0	0	1
Итого в %:	0,0	0,0	0,0	2,0
Утевский VI	0	0	1	1
Итого в %:	0,0	0,0	3,8	3,8
Потаповский тип (суммарные)	0	0	1	2
Всего %:	0,0	0,0	1,3	2,6

тинской культуры, составляют 60 % от числа всех подтипов, но на их долю приходится только 27 % сосудов.

Наблюдения показали, что любой синташтинский памятник, в котором количество сосудов достигает статистически минимального числа, обязательно содержит не менее 10 из 12 подтипов морфологического ядра синташтинской керамики. Эти данные могут быть использованы при культурной атрибуции керамических коллекций памятников.

Следует отметить такую черту керамики синташтинской культуры, как наличие в ее типологии подтипов-двойников. Эти подтипы по форме частей и абсолютным показателям одинаковы. Самой яркой их отличительной чертой является наличие (отсутствие) внутреннего ребра на отгибе венчика. Такими подтипами являются горшки с ребристым профилем, прямым плечом и средним туловом: I.1.1 имеет внутреннее ребро, а I.1.3 – нет; горшки с ребристым профилем, вогнутым плечом, малой высоты: I.2.1 имеют внутреннее ребро, I.2.2 – нет.

В отношении региональных отличий нужно отметить, что и в Приуралье и в Зауралье в целом есть подтипы, составляющие культурное ядро, но присутствует и своя региональная специфика (рис. 23).

Так, в Приуралье из 29 подтипов, которые встречаются в синташтинской культуре вообще, выявлен 21 подтип (72 %). Если соотносить подтипы Приуралья и Зауралья по региональной специфике, то следует сказать, что типологический состав керамики синташтинской культуры в Приуралье выглядит более компактным, с более сильной общекультурной тенденцией, а в Зауралье – сильны региональные черты.

Специфически приуральских подтипов всего два: миски малых размеров с плоским дном (VII.1.1) и блюдо овальной формы, имеющее по краю бортик (VIII.1.1). В Зауралье из 29 синташтинских подтипов встречены 27 (93 %), из них 8 специфически зауральских. Это горшки с ребристым профилем и прямым плечом без внутреннего ребра (I.1.3), колоколовидные горшки (III.3.1), кубкообразные горшки с плавным профилем приземистых пропорций (IV.2.2), горшечно-баночные сосуды с ребристым профилем со средним (V.2.1) и высоким (V.2.2) туловом, открытые банки (VI.2.1.), стакановидные банки с вертикальными стенками (VI.2.2), миски со слегка уплощенным дном (VII.1.2) (рис. 23).

Таким образом, мы видим, что в основном различия касаются не самых массовых и значимых групп керамики. Выделяется, пожалуй, только подтип горшков с ребристым профилем и прямым плечом без внутреннего ребра (I.1.3). Он встречается в каждом зауральском памятнике и может быть назван региональным ядром данной региональной группы.

Количественные различия по регионам рельефно просматриваются только на уровне типов. Так, горшки с ребристым профилем и вогнутым плечом (тип 1.2.) составляют в Приуралье 13 %, а в Зауралье – 28 %, миниатюрных остро-

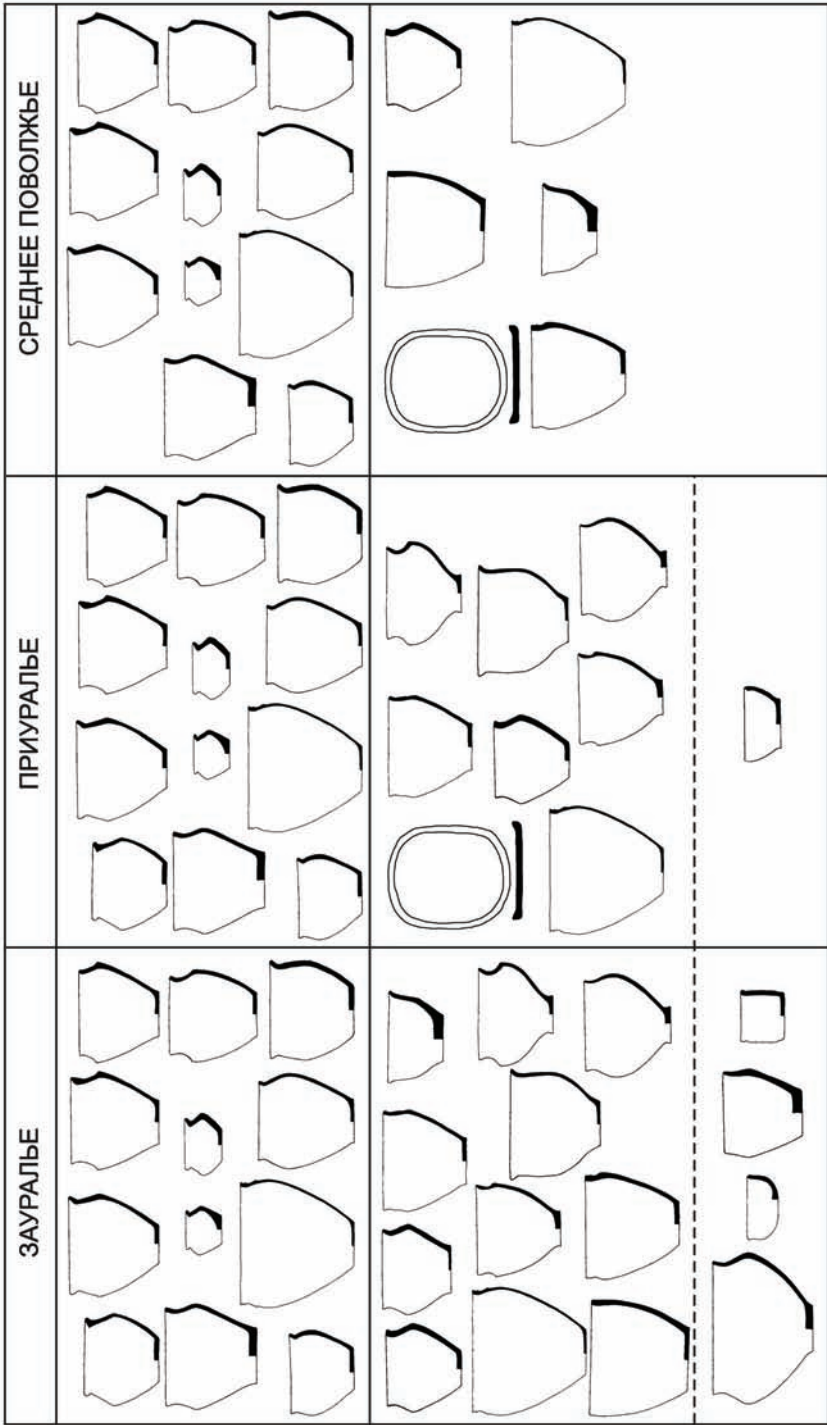

Рис. 23. Соотношение форм в региональных группах памятников рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья Синташтинская культура и памятники потаповского культурного типа

реберных сосудов в Приуралье в 2 раза больше, чем в Зауралье (7 % против 3 %), более чем вдвое в Приуралье больше плавнопрофилированных сосудов крупных размеров (9,2 % против 3,7 % в Зауралье). Есть региональные отличия и на уровне отделов: горшков с ребристым профилем (отдел I) больше в Зауралье, чем в Приуралье (65 % против 56 %), но горшков с плавным профилем (отдел III) больше в Приуралье (16,3 % против 11,9 % в Зауралье).

В целом качественные и количественные различия таковы, что необходимо признать памятники, локализующиеся по разные стороны Уральского хребта, двумя региональными группами единой синташтинской культуры.

Коэффициент сходства по критерию Пирсона по форме составил 0,63, что в нашей работе мы принимаем за высокий (по форме сознательно понижаем планку силы связей из-за большого количества подтипов), что также подтверждает сделанные нами выводы.

В потаповском культурном типе (ПКТ) среди керамики не выявлено специфических региональных подтипов. Типологический состав керамики по сравнению с синташтинской культурой выглядит обедненным: из 29 синташтинских подтипов в памятниках потаповского культурного типа встречается 17 (59 %). Наблюдается определенная диспропорция в подтипах, по сравнению с синташтинской культурой.

В частности, совершенно отсутствует подтип горшков с ребристым профилем, прямым плечом, средним туловом и внутренним ребром (I.1.1), входящий в культурное ядро синташтинской культуры. Следует отметить, что это один из подтипов ядра, который встречается во всех памятниках синташтинской культуры. Почти в 8 раз больше по сравнению с синташтинской культурой колоколовидных сосудов (III.3.1.). В 3 раза больше баночных сосудов (VI отдел). Очень мало не только для синташтинской культуры вообще, но даже для любого синташтинского памятника, среди которых наблюдается вариабельность, горшков с ребристым профилем и прямым плечом (тип I.1) – только 14 %. В Утевке VI их нет вообще. Совершенно отсутствуют также кубкообразные сосуды отдела IV, являющиеся яркой составляющей синташтинского керамического комплекса.

Однако в керамике из памятников потаповского культурного типа присутствуют остальные подтипы синташтинского культурного ядра. На основании этих данных следует сделать вывод, что потаповский культурный тип не может быть отнесен к синташтинской культуре. Однако он, безусловно, является родственной последней. Об этом наглядно свидетельствует высокая степень сходства керамических коллекций из Зауралья и Среднего Поволжья (0,64). Однако удивительно низким оказался корреляционный показатель для приуральской группы синташтинских памятников и потаповских Среднего Поволжья (0,18). При этом обе южноуральские серии сильно связаны между собой (0,63) (табл. 2). Причины этого, вероятно, кроются в различиях хронологического

порядка между разными массивами памятников в региональных группах. К этому вопросу мы вернемся позже при сопоставлении отдельных некрополей.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции по формам керамики

	Синташтинская Приуралье	Синташтинская Зауралье	Потаповский тип
Синташтинская Приуралье		0,63	0,18
Синташтинская Зауралье			0,64
Потаповский тип			

Ранее одним из авторов была установлена относительная хронология приуральской группы памятников синташтинской культуры на основе типологии инвентаря и погребального обряда (Ткачев В.В., 2001). Синташтинские погребения могильника Танаберген II были выделены в ранний этап, а остальные погребальные комплексы синташтинской культуры Приуралья – в поздний этап. Керамические коллекции рассматриваются в данном исследовании в соответствии с этим делением.

Возможно, хронологическими индикаторами раннего этапа синташтинской культуры Приуралья в керамике можно считать подтипы горшков с ребристым профилем, прямым плечом, вогнутым туловом, приземистых пропорций (I.1.4), горшки со стенками тулова, близкими к вертикали (I.4.1), плавнопрофилированные горшки средних размеров стройных пропорций (III.1.1), кубкообразные горшки с ребристым профилем с высоким туловом (IV.3.1), миски с плоским дном (VII.1.1) (табл. 1). Однако перечисленные формы керамики имеют факультативный характер в синташтинской коллекции, поэтому настаивать на их хронологическом приоритете пока преждевременно.

Гораздо больше оснований для выделения морфологических маркеров поздней группы керамики. В первую очередь это подтипы горшков с ребристым профилем, вогнутым плечом, без внутреннего ребра с малым (I.2.2) и средним (I.2.3) плечом (табл. 1). Именно они составят морфологическую основу раннеалакульского (петровского) керамического комплекса.

В качестве ведущей тенденции можно отметить то обстоятельство, что от раннего этапа к позднему количество сосудов с внутренним ребром снижается. Особенно это показательно у сосудов с ребристым профилем. Так, на раннем этапе внутреннее ребро на отгибе венчика имели 89 % таких горшков, тогда как на позднем этапе – только 54 %. При этом сосуды такого рода, оказавшиеся за пределами морфологической типологии, лишены этой конструктивной особенности.

Как правило, на позднем этапе исчезают подтипы с внутренним ребром и появляются без внутреннего ребра. Проследить такую генетическую связь возможно не всегда, но между некоторыми подтипами установить преемственность удалось. Так, например, хотя подтип горшков с ребристым профилем, вогнутым плечом и внутренним ребром (I.2.1) характерен для всей синташтинской культуры Приуралья, но на позднем этапе появляется новый подтип I.2.2, единственным отличием которого является отсутствие внутреннего ребра. Кроме того, на некоторых сосудах подтипа I.2.2 венчик оформлен в виде воротничка, что будет характерно для раннеалакульской (петровской) гончарной традиции.

Таким образом, мы видим, что в синташтинской культуре Приуралья отчетливо выделяются ранний и поздний этапы не только на основании погребальной обрядности, но и различных категорий инвентаря, в том числе керамики. Тезис о том, что «синташтинскую керамику ... преждевременно делить на раннюю и позднюю» (Виноградов Н. Б., 2003, с. 18), следует считать излишне категоричным. Хотя синташтинская культура существовала непродолжительное время, но скорость культурных процессов была намного выше, чем в периоды культурной стагнации. Кроме того, уместным будет замечание, что установленная по данным дендрохронологии продолжительность функционирования синташтинских памятников в пределах 150 лет вполне соответствует стандартной хронологической протяженности большинства археологических культур вообще.

Данные результаты были экстраполированы на синташтинскую культуру Зауралья. Так как практически все памятники содержат количество сосудов, достаточное для статистической обработки, каждый комплекс рассматривался нами отдельно (кроме С II и С III, которые были объединены). Оказалось, что в памятниках синташтинской культуры Зауралья, в отличие от Приуралья, трудно четко выделить этапы, так как во всех комплексах присутствуют подтипы керамики, которые в Приуралье находятся на разных хронологических горизонтах (табл. 1). Представляется, что в Зауралье такая ситуация сложилась потому, что в этом регионе все могильники функционировали долгое время, например, Большекараганский – более 30 лет (Зданович Д. Г. и др., 2003, с.105). Косвенно на длительность функционирования зауральских могильников указывает достаточно большое количество погребенных в них людей. В приуральских могильниках синташтинской культуры погребенных значительно меньше. Здесь мы имеем возможность получения достаточно узкого хронологического среза культуры. Длительность функционирования могильников Зауралья обусловлена тем, что население, их оставившее, проживало в долговременных укрепленных поселениях. Поэтому наблюдается своеобразная культурная непрерывность, а материальный комплекс демонстрирует постепенную эволюцию. В полной мере это относится к гончарному производству.

Для того чтобы все же выявить хронологическую последовательность Зауральских памятников синташтинской культуры, для каждого керамического комплекса был вычислен показатель: процент сосудов с ребристым профилем отдела I с внутренним ребром. Памятники были выстроены в хронологическую цепочку в соответствии с эволюцией керамики (уменьшение числа сосудов I отдела с внутренним ребром, так как в дальнейшем в раннеалакульской (петровской) керамической серии горшков с внутренним ребром практически не будет), то есть, чем позже памятник, тем в нем меньше должно быть горшков с ребристым профилем и внутренним ребром.

На основании этих критериев к раннему этапу синташтинской культуры Зауралья следует отнести могильники Большекараганский (65 % горшков с ребристым профилем имеют внутреннее ребро), С II- III (73 %), вероятно, Кривое Озеро (70 %). Промежуточную хронологическую позицию, по всей видимости, занимают могильники Каменный Амбар V (60 %) и, с большей долей условности, С I (42 %). К позднему этапу однозначно относится могильник СМ (29 %). В отличие от Приуралья, в Зауралье керамика от раннего этапа к позднему становится не приземистой, а более вытянутой. Это является еще одним региональным отличием.

Выше мы показали, что между потаповским культурным типом и синташтинской культурой не может быть поставлен знак равенства. В культурном отношении памятники потаповского культурного типа обнаруживают сходство в большей степени с синташтинскими древностями Зауралья: в Среднем Поволжье есть такие специфические зауральские подтипы, как горшки с ребристым профилем, прямым плечом без внутреннего ребра (I.1.3), колоколовидные горшки (III.3.1). Однако есть единичный случай присутствия приуральского подтипа – округлое блюдо с бортиком по краю (VIII.1.1) (рис. 23). Показательно, что в Потаповском могильнике мы наблюдаем несколько больший удельный вес сосудов с внутренним ребром на отгибе венчика, чем в Утевском VI (33% против 27%), что свидетельствует о более поздней хронологической позиции последнего и нарастании элементов культурной дивергенции. Однако по использованному выше хронологическому критерию оба памятника демонстрируют большую степень сходства с поздним этапом синташтинской культуры. Поэтому потаповский культурный тип вряд ли мог повлиять на сложение Синташты. В керамике Утевки VI вообще нет горшков с прямым плечом (тип I.1), что для синташтинской культуры является просто нонсенсом.

Указанные наблюдения хорошо согласуются со статистическими данными (табл. 3). Вычисление коэффициентов корреляции по критерию Пирсона продемонстрировало, что по форме сосудов обе хронологические группы синташтинских памятников Приуралья обнаруживают высокую степень сходства между собой, что отражает региональную монолитность серии. Показательно, что с аналогичной ситуацией мы сталкиваемся в Среднем Поволжье, где обна-

руживаем достаточно высокую степень сходства между памятниками, занимающими внутри региональной группы заведомо различные хронологические позиции.

Из зауральских памятников наиболее близки раннему этапу Приуралья могильники Большекараганский и С II-С III. При этом корреляционные показатели для поздней группы синташтинской керамики демонстрируют обратную зависимость, то есть увеличение коэффициента сходства с синташтинскими памятниками Зауралья и потаповскими Средней Волги сопровождается его уменьшением для ранней синташтинской керамики Приуралья. Могильник Кривое Озеро тяготеет в большей степени к раннему этапу, а Каменный Амбар V и С I – к позднему. Большой грунтовой могильник СМ определенно поздний, поскольку практически отсутствует связь с ранним этапом Приуралья. Справедливость наших наблюдений подтверждается ничтожно малыми значениями коэффициентов корреляции форм керамики могильника СМ с коллекциями из Большекараганского могильника и С II-С III (табл. 3).

Что касается средневолжской керамической серии, то, прежде всего, следует отметить тенденцию уменьшения связей Утевского VI могильника со всеми синташтинскими коллекциями по сравнению с Потаповским могильником. Как уже отмечалось, это обусловлено нарастанием культурной дивергенции данной региональной группы. Кроме того, оба средневолжских памятника демонстрируют более сильные связи с поздними синташтинскими некрополями. При этом с зауральскими сериями эта связь проявляется отчетливее.

Теперь попытаемся высказать некоторые соображения по поводу предполагаемого ареала зарождения керамической традиции синташтинской культуры. Авторам представляется, что таким исходным центром, вероятно, было степное Приуралье. Попытаемся обосновать данный тезис на основе построенной нами типологии керамики.

Обращает на себя внимание, что ни в одной коллекции керамики из памятников Южного Зауралья нет столь большого числа сосудов с ребристым профилем, имеющих внутреннее ребро, как в Танабергине II (ранний этап синташтинской культуры Приуралья).

В Зауральской керамике синташтинской культуры кроме общекультурного ядра есть и региональный подтип сосудов с ребристым профилем, прямым плечом без внутреннего ребра (I.1.3), который отличается от аналогичного подтипа I.1.1 только отсутствием ребра на отгибе венчика. Этот подтип мог возникнуть только в русле тенденции к исчезновению внутреннего ребра, которая и нашла выражение в подтипе I.1.3. При этом остросереберные сосуды с прямым плечом без внутреннего ребра подтипа I.1.3 могут рассматриваться как производные от двух более ранних подтипов I.1.1 и I.1.2, имевших внутреннее ребро на отгибе венчика. Примечательно, что график распределения значений по высоте тулова для данного подтипа становится одновершинным (рис. 7), что показывает деградацию типа остросереберных сосудов с прямым плечом.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции по формам керамики

	Ранний этап Приуралье	Поздний этап Приуралье	СМ	СІ	СП-СПП	Кривое Озеро	Каменный Амбар V	Большекараганский	Потаповский	Утевский VI
Ранний этап Приуралье		0,53	0,02	0,23	0,56	0,42	0,20	0,67	0,12	0,07
Поздний этап Приуралье			0,53	0,33	0,37	0,55	0,45	0,68	0,20	0,13
СМ				0,56	0,10	0,41	0,59	0,12	0,55	0,26
СІ					0,50	0,60	0,87	0,29	0,70	0,32
СП-СПП						0,44	0,51	0,40	0,58	0,33
Кривое Озеро							0,61	0,42	0,49	0,46
Каменный Амбар V								0,33	0,65	0,22
Большекараганский									0,13	-0,02
Потаповский										0,42
Утевский VI										

В раннеалакульской (петровской) керамической коллекции они исчезают вовсе. И наоборот, тип остросереберных горшков (тип I.2) с вогнутым плечом становится разнообразнее. На раннем этапе все сосуды данного типа снабжены внутренним ребром на отгибе венчика (подтип I.2.1), и график показывает его однородность по всем параметрам. Впоследствии от него отпочковываются два подтипа без внутреннего ребра (I.2.2 и I.2.3). Они отличаются друг от друга высотой плеча, что и показывает график (рис. 9).

Эволюция синташтинской керамики в петровскую должна идти по пути увеличения сосудов с ребристым профилем (отдел I), особенно имеющих вогнутое плечо, поскольку в раннеалакульское (петровское) время они составят абсолютное большинство и будут являться своеобразной «визитной карточкой» раннеалакульской гончарной традиции. Наоборот, горшки с плавным профилем должны демонстрировать тенденцию к исчезновению, так как в раннеалакульской (петровской) керамической серии их очень мало.

По этим критериям зауральский керамический комплекс в целом выглядит более поздним, чем приуральский. В Зауралье почти в два раза меньше плавнопрофилированных горшков (отдел III) и вдвое больше горшков с ребристым профилем и вогнутым плечом (тип I.2). В целом горшков с ребристым профилем в Зауралье больше.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о хронологическом приоритете приуральской группы памятников синташтинской культуры с точки зрения формирования гончарных традиций.

3.2. Орнаментация

Сравнительная характеристика систем орнаментации керамики в региональных группах памятников рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья имеет принципиальное значение для определения их культурного содержания и статуса в системе археологической таксономии. Для реализации колоссального потенциала, который скрывает в себе анализ систем орнаментации обозначенных региональных культурных групп Волго-Уралья в рассматриваемый период, в рамках предлагаемого исследования, конечно, велик соблазн использования статистико-комбинаторных методов. Действительно, внушительная база формализованных данных позволяет в полной мере применять разнообразные статистические процедуры, но, как показало исследование, этот путь является не самым эффективным.

Забегая вперед, отметим необходимость принять во внимание тот факт, что размеры выборок отнюдь не равноценны в количественном отношении. Число сосудов из погребальных памятников Южного Зауралья более чем в пять раз превышает этот показатель для Приуралья и почти в семь раз – для Среднего Поволжья. Несомненно, это наложило отпечаток на общую картину, и расширение источниковой базы в будущем потребует внесения корректив в характеристику систем орнаментации в региональных группах.

В общей сложности для керамических серий из синташтинских и потаповских погребальных памятников было выделено 160 элементов орнамента. Вычисление коэффициента корреляции по критерию Пирсона продемонстрировало, что все три коллекции керамики отличаются очень высокой степенью сходства. Все коэффициенты превышают показатель 0,8 (табл. 4). Это должно свидетельствовать о наличии генетических связей между всеми региональными группами, что, казалось бы, делает совершенно бесперспективной дальнейшую разработку данной темы.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции по орнаменту керамики

	Синташтинская Приуралье	Синташтинская Зауралье	Потаповский тип
Синташтинская Приуралье		0,84	0,82
Синташтинская Зауралье			0,83
Потаповский тип			

Но оказалось, что обобщенная статистическая картина отнюдь не в полной мере отражает реальное соотношение орнаментальных традиций. Более того, переключение на качественный анализ позволяет уверенно констатиро-

вать существенные различия, определить набор элементов, составляющих своеобразное ядро синташтинской системы орнаментации, выяснить направленность эволюции и обозначить тенденции изменения орнамента в хронологическом аспекте. Кроме того, указанные наблюдения позволяют высказать некоторые суждения относительно хронологической позиции отдельных памятников, независимо от их географической локализации. Естественно, качественный анализ во многом опирается на отдельные количественные показатели.

С целью определения перечня элементов орнамента, образующих ядро синташтинской системы орнаментации, была проведена их корреляция. Очевидным представляется, что этот набор элементов должен удовлетворять единственному критерию: присутствию в обеих региональных группах синташтинских памятников к западу и востоку от Уральского хребта. Причем их количественная представительность не играет сколько-нибудь существенной роли.

В результате удалось вычлениить 62 элемента орнамента, встречающихся в равной мере в приуральской и зауральской группах некрополей (рис. 24). По сути дела из 80 элементов, известных в Приуралье, в данный список не вошли лишь 18, при этом 17 из них вообще являются эксклюзивными для приуральской коллекции синташтинской керамики.

Между тем, в каждой региональной группе выделяется серия элементов орнамента, являющихся эксклюзивными. Причем в ряде случаев мы имеем дело с единичными сосудами, украшенными нетривиальными элементами. В то же время чрезвычайно интересным представляется присутствие в территориально наиболее удаленных друг от друга группах памятников в Южном Зауралье и Среднем Поволжье достаточно представительного набора элементов, отсутствующих в степном Приуралье, то есть на промежуточной территории.

Итак, в основе синташтинской системы орнаментации лежит достаточно стандартный, многократно тиражируемый перечень элементов орнамента, делающий «узнаваемой» синташтинскую керамику, позволяющий легко отделять ее от инокультурной. Их удельный вес заметно превышает статистические параметры остальных элементов, нередко встречающихся в единичных случаях. Показательно, что все отмеченные ранее группы элементов (рельефные, ломаные, меандровидные, криволинейные и пр.) в той или иной степени представлены в наборе диагностирующих элементов, составляющих ядро синташтинской орнаментальной традиции.

Самыми распространенными являются элементы, образованные прямыми и ломаными линиями. Это горизонтальные, вертикальные и наклонные линии, многорядный горизонтальный и вертикальный зигзаг, часто образующий елочку в развернутой на 90° проекции, крупные многорядные углы, обращенные вершиной вверх, вниз или в сторону.

Чрезвычайно разнообразны геометрические элементы. Только треугольники с различной штриховкой и разворотами составляют около 15 разновидно-

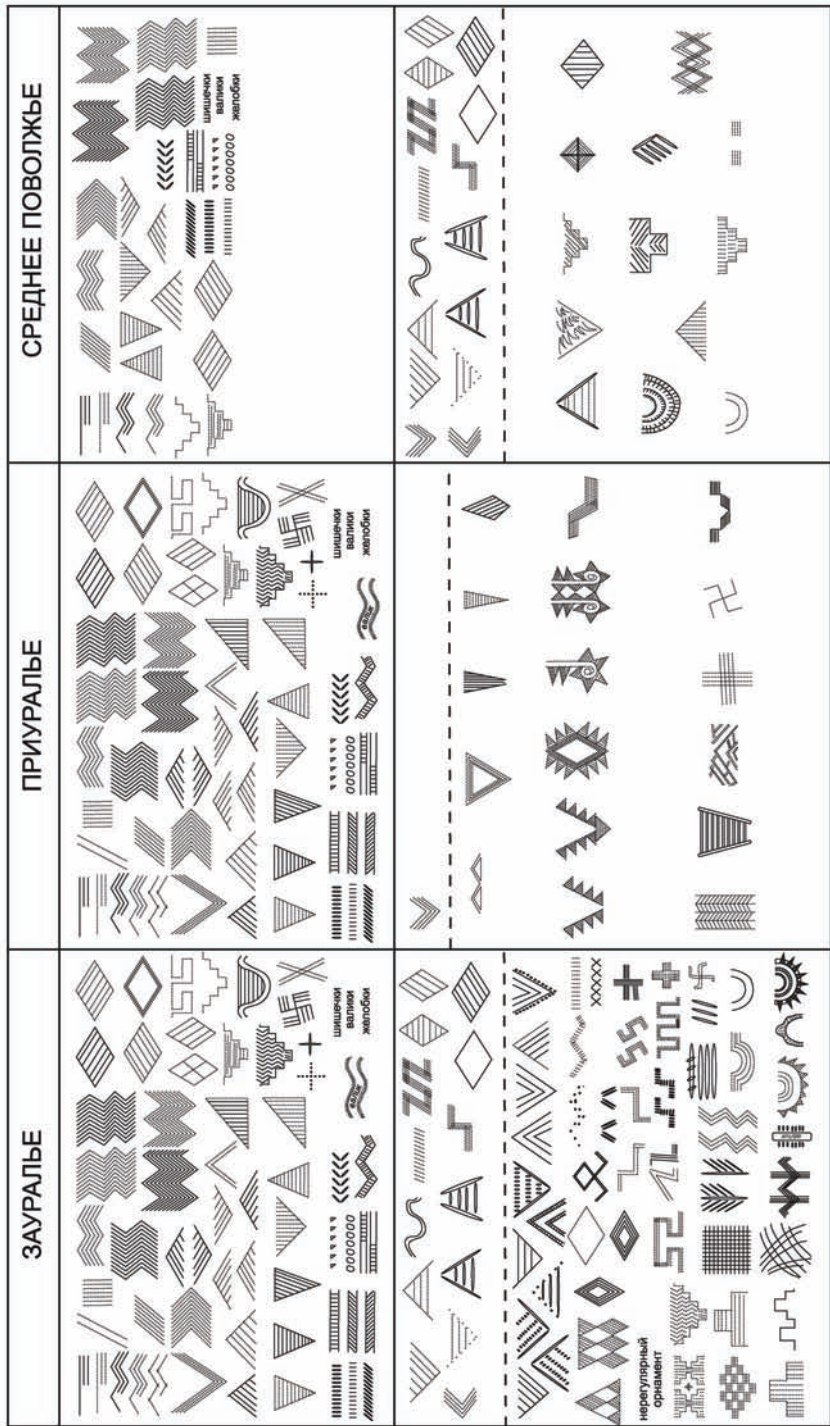

Рис. 24. Соотношение элементов орнамента в региональных группах памятников рубежа эпох
средней и поздней бронзы Волго-Уралья
Синташтинская культура и памятники потаповского культурного типа

стей с учетом техники нанесения орнамента. Преобладают равнобедренные приземистые треугольники, заштрихованные параллельно одной из сторон, обращенные вершинами вверх или вниз, но присутствуют также вытянутые, обычно свисающие треугольники, как правило, имеющие горизонтальную штриховку. Ромбы наносились в горизонтальной или вертикальной проекции. Они иногда характеризуются многократным очерчиванием. В таких случаях заполнение отсутствует. Но стандартной является штриховка параллельно одной из сторон, хотя иногда во внутреннем объеме в качестве заполнения размещается крест.

Стереотипным для обеих региональных групп является присутствие меандровидных фигур. К их числу можно отнести развернутый влево меандр, а также различные варианты перевернутых пирамидок, заполненных горизонтальной штриховкой или вертикальным зигзагом. Не менее типичны различные варианты крестов, в том числе косоугольного (андреевского), и свастики. Весьма вариативны насечки и ямочные вдавления. Иногда они создают горизонтальную елочку, либо заполняют ряды горизонтальных линий, желобков или зигзагов, образуя заштрихованные ленты.

К разряду криволинейных элементов можно отнести парные волнистые линии, создающие за счет дискретной горизонтальной штриховки соединенные овалы. Но, пожалуй, самой выразительной и наиболее представительной группой элементов следует признать рельефные украшения в виде желобков, шишечек и валиков, в том числе волнистых. При этом они нередко обрамляются бахромой из насечек.

По технике нанесения орнамента перечень базовых элементов не выделяется из общей схемы. Резной рисунок сочетается с отпечатками гребенчатого и гладкого штампов, практикуется налеп и каннелирование, наколы палочки или уголка штампа.

Примечательно, что в потаповских памятниках присутствует лишь 32 из 62 диагностирующих элементов синташтинского орнамента, то есть чуть более 50 %. Более того, в общей сложности на потаповской посуде зафиксирован всего 61 элемент, причем 13 из них относятся к категории эксклюзивных. Базовый набор элементов представлен далеко не всеми группами.

Между тем, наиболее значимые элементы так же, как и в синташтинских коллекциях, составляют самый массовый набор. Это в первую очередь относится к горизонтальным, наклонным и вертикальным прямым линиям, многорядному зигзагу и елочке. Последняя может быть как вертикальной, так и горизонтальной, и ее удельный вес составляет иногда почти 20 %. Не менее многочисленную группу образуют горизонтальные многорядные зигзаги, встреченные более чем на 20 % сосудов. Практически такой же значительный, как и в синташтинских памятниках, вариативный разброс насечек и ямочек различной конфигурации, некоторые варианты которых отмечены почти на 12 % емкостей.

Но особо следует отметить значительное количество случаев использования в орнаментации рельефных элементов. Несмотря на то, что извилистые валики отсутствуют, а шишечки отмечены только в одном случае, валики и желобки обнаружены соответственно на 22,1 % и 23,4 % керамических форм. Высокий удельный вес такого рода орнаментальных элементов вполне соответствует тенденции, отмеченной для синташтинских орнаментальных традиций, о чем свидетельствует и пропорциональное распределение элементов внутри данной группы. Не является оригинальной и техника нанесения орнамента.

На этом фоне обращает на себя внимание довольно ограниченный набор геометрических элементов, представленных несколькими вариантами заштрихованных треугольников и ромбов. В редких случаях встречены перевернутые пирамидки без заполнения или с горизонтальной штриховкой.

Отдельные группы элементов, стереотипных для синташтинской системы орнаментации по обе стороны Уральского хребта, отсутствуют на потаповской керамике (рис. 24). Это касается крестов и свастик, криволинейных орнаментов, меандров. В этой связи необходимо указать на одно крайне интересное наблюдение. Дело в том, что в потаповской керамической серии выделяется ряд элементов орнамента, демонстрирующих полное тождество с аналогичными элементами декора, засвидетельствованными на сосудах из зауральской группы синташтинских памятников, но отсутствующих в степном Приуралье, то есть на промежуточной территории. Примечательно, что в их составе есть и элементы, отражающие альтернативную трактовку базисных синташтинских элементов, относящихся к группам криволинейных, меандровидных, геометрических. Это различные виды треугольников и ромбов, лесенки, нанесенный по косой сетке меандр, обращенные уточки.²

Но наиболее рельефно региональные отличия в системах орнаментации керамики рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья проявляются в серии эксклюзивных элементов, придающих отчетливое локальное своеобразие каждой из трех групп памятников. Здесь еще раз необходимо сделать оговорку о количественной несопоставимости выборок. Многократное превосходство количества сосудов в Южном Зауралье объясняет значительно больший список специфических элементов в данной региональной группе. Кроме того, достаточно представительная серия эксклюзивных элементов орнамента сосредоточена на единственном сосуде из погребения 7 малого грунтового могильника С II (Генинг В. Ф. и др., 1992, с.323, рис.187, 1-2). Показательно, что этот плавнопрофилированный сосуд оказался за пределами нашей типологии, поскольку его морфологические характеристики не менее

---

² С формальной точки зрения такие фигуры направлены вправо, но в соответствии правилами теоретической геральдики, все фигуры должны быть повернуты геральдически вправо, то есть влево от зрителя, в противном случае их следует называть обращенными.

уникальны для синташтинской керамики, чем сложная орнаментальная композиция, покрывающая внешнюю и внутреннюю поверхности гончарного изделия.

И еще одно обстоятельство заслуживает внимания. Практически все эксклюзивные элементы в региональных группах памятников являются модификациями тех базисных элементов, которые составляют ядро синташтинской системы орнаментации. Исключением являются лишь некоторые из них, причем встреченные только в синташтинских памятниках Южного Урала. В потаповских некрополях такого рода элементов орнамента нет. И, наконец, следует обратить внимание, что все специфические элементы представлены, как правило, единичными случаями, не создают сколько-нибудь представительных серий, то есть сами по себе являются уникальными.

В потаповских некрополях насчитывается 13 нетривиальных элементов орнамента (рис. 24). К их числу относятся равнобедренные треугольники без основания, обращенные вершинами вверх или вниз, выполненные прочерчиванием или оттисками гребенчатого штампа. Заполнение треугольников вариативно: горизонтальная и вертикальная штриховка, «шагающая» гребенка. В эту же группу элементов входят прочерченные ромбы с вертикальной штриховкой, а также выполненные в вертикальной проекции. Специфику последних составляет то обстоятельство, что они лишены одной из сторон и заполнены косой штриховкой. К данной группе тяготеет элемент, помещенный на дно сосуда. Это прямой прочерченный крест, совмещенный с многократно вписанными друг в друга ромбами, образованными оттисками гребенчатого штампа.

Достаточно интересную группу составляют перевернутые пирамидки, выполненные оттисками гребенки или прочерчиванием. Специфику им придают способы штриховки: вертикальная елочка, наклонные или вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, в последнем случае образующие горизонтальные ряды.

На потаповской посуде присутствуют также дискретно выстроенные в линию прямоугольники, созданные посредством коротких параллельных оттисков гребенки. Отмечены перекрывающие друг друга размашистые многорядные горизонтальные зигзаги, выполненные в той же технике. Особо следует отметить дискретные многорядные овы, нанесенные с использованием различной техники, в том числе обрамленные с внутренней стороны насечками.

Очень интересны эксклюзивные элементы на синташтинской керамике в степном Приуралье (рис. 24). В количественном отношении они не намного превышают этот показатель для потаповских памятников, составляя список из 17 элементов, но их многокомпонентность и нестандартные принципы построения резко контрастируют с орнаментальными схемами на глиняной посуде других территориальных групп. Самыми показательными в этом плане являются сложные комбинированные элементы в виде спиральных завитков, крупных обращенных вершинами вниз углов и многократно очерченных ромбов, окаймляю-

щихся заштрихованными треугольниками. Не менее выразительным является сочетание двухрядных прямых коротких отрезков, ломаных линий в виде углов и горизонтальных зигзагов, образующих подобие паркетного орнамента. Все фигуры этой самобытной группы выполнены гребенчатым штампом.

Перечисленные выше специфические элементы, зафиксированные только в степном Приуралье, не являются модификацией базисных элементов синташтинской системы орнаментации, характерных для обеих южноуральских керамических серий. Все они присутствуют исключительно в ранней группе керамики, то есть надежно увязываются с генетической основой синташтинской орнаментальной традиции. Но к этому вопросу мы вернемся позже.

Некоторую самобытность в приуральской группе синташтинских памятников демонстрируют различные вариации треугольников. Это подчеркнутый горизонтальный зигзаг, образующий цепочку треугольников; многократно очерченные направленные вершинами вниз равносторонние треугольники без заполнения. Но наиболее выразительны и информативны с точки зрения выяснения корней синташтинских гончарных традиций узкие свисающие треугольники с горизонтальной или вертикальной штриховкой. К ним примыкают асимметричные узкие четырехугольники в вертикальной проекции, заштрихованные параллельно одной из длинных сторон.

К разряду эксклюзивных следует также отнести нестандартный вариант многорядных уточек; перевернутые лесенки; пирамидки с треугольной вершиной, обрамленные горизонтальной штриховкой; узкие вертикальные елочки, разделенные линиями; многорядные прямые кресты и наклонные левосторонние свастики. Указанные элементы обычно наносились оттисками гребенчатого штампа, но иногда использовалась прочерченная техника.

Самую многочисленную серию эксклюзивных элементов дает керамическая коллекция из синташтинских памятников Зауралья (рис. 24). Но в подавляющем большинстве случаев они представляют собой альтернативную трактовку базовых элементов синташтинского орнамента. Прежде всего, это касается разнообразных вариантов треугольников и ромбов, отличительной особенностью которых в регионе является присутствие уголковых продолжений в виде крючков. Некоторые сложные элементы образованы сочетанием геометрических фигур. К этой группе элементов примыкают вписанные друг в друга углы, выполненные в различной проекции, иногда оконтуренные ямочками. Примечательно использование разнообразной техники нанесения таких узоров. Лишь в исключительных случаях использовался гребенчатый штамп. Прочерчивание и гладкий штамп в равной мере использовались как для создания контура, так и разнообразной штриховки. Но наиболее специфичными являются разнообразные по конфигурации ямочные вдавления, которые не создают самостоятельного орнаментального бордюра, а используются в качестве технического приема для нанесения геометрического орнамента.

Столь же вариативны на синташтинской керамике Зауралья по исполнению, но не оригинальны по принципу меандровидные фигуры. Это полные меандры или их элементы, выполненные в различной технике и проекции, нанесенные по косой или прямой сетке. К разряду меандровидных можно также отнести пирамидки с горизонтальной и вертикальной штриховкой или заполнением в виде вертикального многорядного зигзага. Иногда заполнение отсутствует вовсе. Пирамидки могут соединяться между собой, изображаясь в зеркальном отражении, при этом в образовавшееся пустое пространство помещается прямой крест.

Достаточно многочисленную группу образуют различные вариации криволинейных элементов, чаще всего представленных многорядными овами, иногда вписанными друг в друга и обрамленными заштрихованными треугольниками. Обычно они наносятся на поверхность сосуда дискретно, но изредка соединяются между собой прямыми линиями.

Примечательно, что значительная часть описанных выше элементов отличается от своих аналогов в других региональных группах памятников рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья лишь техникой нанесения орнамента. При этом некоторые из них относятся к категории базисных элементов синташтинского орнамента.

Довольно разнообразны кресты и свастики, присутствует оригинальное толкование зигзагов различной проекции, елочек, вертикальных наlepных валиков с обрамлением из ямочек, отрезков горизонтальных, наклонных и вертикальных линий. Иногда многорядные горизонтальные зигзаги и вертикальные линии объединяются в рамках одного элемента.

Но особенно рельефно просматривается региональная специфика орнаментации синташтинской посуды Зауралья на примере абсолютных новаций. Так, вероятно, совершенно не связаны с исходным ядром синташтинской орнаментальной традиции прямая сетка, соты, глубокие хаотичные расчесы, которые можно расценивать как технологический орнамент. Но такие элементы обычно представлены единичными случаями, за исключением расчесов, которые зафиксированы на 10 емкостях (2,3 %). Яркую эксклюзивную составляющую синташтинской коллекции керамики Зауралья представляет собой нерегулярный орнамент, в том числе пиктографического характера, отмеченный на 14 сосудах, что составляет 3,3 % выборки.

Достаточно зримо региональные отличия проявляются на уровне мотивов. Сразу нужно отметить, что отсутствует прямая зависимость между количеством выделенных в региональных группах элементов орнамента и их устойчивым сочетанием, структурной сложностью мотивов. Несмотря на различные размеры выборок в группах, наибольший удельный вес многокомпонентных мотивов отмечен в Приуралье. Даже сложные сами по себе в структурном отношении элементы, такие, как спиральные завитки, углы и ром-

бы, обрамленные заштрихованными треугольниками, ритмично чередуются с крестами и свастиками, оконтурены многорядными углами. Единичные случаи построения сложных мотивов есть и в Зауралье, однако на общем фоне они скорее являются исключением из правила. Ничего подобного мы вообще не наблюдаем в потаповских памятниках Среднего Поволжья. В потаповской серии типичным является создание мотива за счет тиражирования одного элемента. Впрочем, именно этот принцип построения мотивов можно рассматривать в качестве стереотипного и для большей части синташтинской керамики Южного Урала.

Никаких принципиальных различий с точки зрения приуроченности к определенным формам емкостей элементов и мотивов и их локализации на теле сосудов не обнаруживается. Отличия наблюдаются лишь на уровне количественной представительности самих элементов, но распределяются они повсеместно в одинаковой пропорции.

Как и в суммарной серии синташтинской керамики, анализ которой проведен в предыдущей главе, основная масса элементов и мотивов сосредоточена на остросреберных сосудах отдела I. Поскольку ведущие диагностирующие для синташтинского керамического комплекса подтипы I.1.1 и I.1.2 остросреберных горшков с прямым плечом и внутренним ребром на отгибе венчика в потаповской серии или отсутствуют вовсе (подтип I.1.1), или представлены ограниченным числом сосудов и только из Потаповского могильника (подтип I.1.2), то, естественно, они не могут обладать статусом основных носителей орнаментальных традиций. В потаповской керамике эту функцию выполняют сосуды с вогнутым плечом типа I.2, на которых зафиксировано 40 из 62 известных в Среднем Поволжье элементов орнамента. Однако если в синташтинских памятниках в плане концентрации элементов орнамента приоритет отдается сосудам с вогнутым плечом, характеризующимся высоким туловом, малым плечом и отсутствием внутреннего ребра на отгибе венчика (подтип I.2.2), то в потаповских памятниках наблюдается обратная картина. На сосудах данного подтипа присутствует наименьшее количество элементов орнамента, а первенство принадлежит аналогичным сосудам подтипа I.2.1, для которых характерно наличие внутреннего ребра на отгибе венчика, а также остросреберным горшкам с вогнутым плечом без внутреннего ребра, но отличающимся более низким туловом и средним плечом подтипа I.2.3.

Горшки с плавным профилем отдела III из потаповских могильников тоже отличает обедненный орнамент. При этом весьма показательно нарушение канонов отбора элементов орнамента и их локализации на определенных частях емкостей. Так, например, стереотипная для синташтинской посуды с плавным профилем вертикальная елочка, обычно покрывающая тулово сосудов, в потаповских памятниках отмечена лишь однажды. Она иногда заменяется горизонтальной, образованной многорядным вертикальным зигзагом. Совершен-

но не вписывается в стандарты синташтинской орнаментальной традиции для сосудов данного отдела наличие емкостей, сплошь покрытых горизонтальными желобками, образующими валики, заполненными наклонными насечками, создающими горизонтальную елочку.

В целом, сосуды с плавным профилем в синташтинских и потаповских памятниках выполняют различные функции с точки зрения закрепления отдельных элементов за формой. Если основные элементы на синташтинской посуде и по номенклатуре и по количественной представительности закреплены за двумя ведущими формами, какими являлись остросереберные и плавнопрофилированные сосуды, то в потаповских памятниках Поволжья последние из этого перечня выпадают.

Посуда остальных разновидностей в потаповских некрополях часто отсутствует или не создает массовых серий, а следовательно, никакой сколь-нибудь значимой информации не дает. Можно лишь отметить факт орнаментации блюда из Утевского VI могильника, но уникальность находки не позволяет высказывать категоричных суждений на этот счет.

И последнее обстоятельство, на которое следует обратить внимание в контексте обсуждаемого вопроса, это характер орнаментации нетривиальных форм керамики из синташтинских памятников, расположенных по разные стороны от Уральского хребта. Речь идет о кубкообразных сосудах и мисках, которые вообще не представлены в потаповских памятниках, но демонстрируют региональную специфику в рамках синташтинской гончарной традиции. В синташтинских памятниках кубки составляют не очень многочисленную, но достаточно яркую диагностирующую категорию керамики. Они объединены в нашей типологии в рамках отдела IV, внутри которого выделено три типа, два из которых распадаются на подтипы.

Орнаментация кубкообразных сосудов в степном Приуралье отличается ярко выраженным геометризмом. При этом особенности морфологии подчеркиваются превалированием треугольников, часто имеющих горизонтальную штриховку. Их комбинации в мотивах таковы, что нередко в композиции они характеризуются взаимопроникновением, следствием чего является формирование «белого» узора в виде широкого зигзага, ромбов или треугольников. Показательно стремление заполнить всю поверхность сосуда орнаментом, иногда включая внутреннюю часть венчика.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в Южном Зауралье. Почти все кубкообразные сосуды сосредоточены в могильнике СМ. Здесь на кубках безраздельно господствуют элементы и мотивы, в основе которых лежат ломанные линии. Отмечены вертикальная и горизонтальная елочки, но, пожалуй, самым эффектным и специфическим следует признать дискретно наносившиеся на тулово трехрядные вертикальные или наклонные зигзаги, иногда чередующиеся со свастиками и спиральными завитками. В ряде случаев

оставлялась свободная от орнамента зона в нижней части плеча. Еще одной примечательной особенностью кубкообразных сосудов в синташтинской серии из Зауралья является присутствие рельефных украшений в виде наlepных вертикальных и горизонтальных валиков, обрамлявшихся насечками.

Что касается мисок, и без того составляющих ничтожно малую часть синташтинской коллекции керамики, но выделенную в самостоятельный отдел VII, то следует отметить, что в приуральской группе встречен единственный экземпляр, относящийся к этому отделу, который происходит из погребения Танаберген II, 7/23 (рис. 65, 16). Но каноничность, законченность формы, регулярный строй орнаментации, строго соответствующий стандартам синташтинского гончарства, заставляют рассматривать эту находку в рамках отдельного типа. Орнамент представлен рядами ромбов и многорядного горизонтального зигзага, образующими в свободном пространстве «белый» зигзаг. Дискретными пучками вертикальных насечек орнаментирован и срез венчика с внутренней стороны.

В Зауральской коллекции миски обнаружены в двух памятниках. Одна из них происходит из погребения Каменный Амбар V, 4/12, еще два экземпляра зафиксированы в Большекараганском, 24/12, 13. Для зауральских мисок характерно отсутствие декора. Лишь на одной из мисок отмечен нерегулярный орнамент в виде насечек.

Завершая этот сюжет, нужно отметить еще одно обстоятельство. В обеих синташтинских сериях присутствует достаточно представительная группа сосудов, оказавшихся за пределами типологической номенклатуры. Нестандартность форм в этих группах, несомненно, свидетельствует об отсутствии каноничности, незавершенности процесса выработки морфологических стандартов. Нетривиальность морфологии сосудов оттеняется присутствием целой серии эксклюзивных элементов, многокомпонентных мотивов, сложных схем построения композиции. В Потаповском и Утевском VI могильниках отмечено лишь по одному сосуду, оказавшемуся вне подтипов, при этом попадание их в разряд нестандартных обусловлено лишь плохой сохранностью и случайными отклонениями от пропорций, неизбежными в условиях ручного производства. Этот тезис надежно подтверждается стандартностью орнаментации, ничем не выделяющейся из остальной серии.

Несколько слов нужно сказать о композиционном построении орнамента в региональных группах памятников переходного времени к эпохе поздней бронзы Волго-Уралья. В целом, наблюдения, отмеченные в предыдущей главе, посвященной характеристике синташтинской керамики, справедливы для всех региональных групп памятников. Однако следует отметить, что полная синташтинская композиция встречается лишь в синташтинских памятниках, в потаповский некрополях ее нет. Кроме того, внутри самой синташтинской коллекции удельный вес законченной композиции в степном Приуралье несколько превышает аналогичный показатель для зауральской серии. Однако это не все-

гда проявляется в количественном выражении, поскольку несопоставимы сами размеры выборок. В подавляющем большинстве случаев при сохранении самого каркаса синташтинского композиционного построения отмечаются различные вариации представления композиции в усеченном виде, замещаются отдельные элементы и мотивы. Но такая взаимозаменяемость сама по себе является неотъемлемой составляющей синташтинской системы орнаментации. Альтернативность композиционных решений и придает по большому счету синташтинской орнаментальной традиции совершенно специфический облик, отличающий ее от других культур, как в синхронном, так и диахронном плане.

Потаповские памятники заметно уступают синташтинским и по числу мотивов в композиции, и по структурированности самих мотивов, но самое главное, по сложности комбинаций элементов и мотивов в композиции. Стандартным является построение композиции на основе единственного мотива, который, в свою очередь, является производным от одного элемента. Наиболее отчетливо это проявляется на сосудах, сплошь покрытых горизонтальной елочкой, образованной многорядным вертикальным зигзагом. Рельефные элементы орнамента в потаповской композиции не выполняют разделительной функции, характерной для синташтинской орнаментальной традиции, не подчеркивают морфологических особенностей сосудов. Это иллюстрирует отсутствие налепных украшений, которые бы усиливали восприятие основных точек перегиба на остросереберной керамике, а также рельефность плавнопрофилированных форм, которая иногда придается за счет каннелирования всей поверхности таких емкостей, что нехарактерно для синташтинской посуды.

В целом, орнамент на потаповской керамике более монотонный, нередко представленный тиражированием ограниченного набора элементов. С синташтинским он имеет сходства лишь в части реализации самой простой композиции, которая лаконично покрывает тулово сосуда вертикальной размашистой елочкой и заполняет плечо геометрическими фигурами или ломаными линиями.

Еще более зримо региональные отличия обнаруживают себя в особенностях стиля. Стилистические различия в керамике проявляются не только в суммарных сериях из потаповских памятников Среднего Поволжья и синташтинских Южного Урала, но и региональных группах синташтинских некрополей по разные стороны Уральского хребта.

Вся синташтинская керамика заложена, в коллекции присутствуют сосуды с практически черной блестящей поверхностью, чего нет в потаповской серии. В потаповском керамическом комплексе отсутствуют сосуды со сложной профилировкой, типичные для синташтинской коллекции, что особенно четко демонстрируют кубкообразные сосуды.

Для всей керамики Волго-Уралья характерна рельефность в орнаментации, но достигается она в Поволжье и на Южном Урале различными способами, точнее в потаповских памятниках эти приемы представлены не в полной

мере. Здесь почти нет налепных украшений, за исключением редких случаев присутствия шишечек. Причем шишечки никогда, в отличие от синташтинских сосудов, не обрамляются наколами, насечками или другими усложняющими деталями. На потаповской посуде валики все сформованные, они образованы продавленными желобками. Рельефные элементы орнамента проецируются только в горизонтальной плоскости, в то время как на синташтинской керамике валики чаще налепные и размещаются альтернативно, что наиболее выпукло проявляется в случаях декорирования вертикальными и волнистыми валиками, нередко окаймлявшимися различного рода насечками и ямочками.

Рельефность потаповской керамике придают также технические приемы нанесения орнамента: глубокие прочерченные линии и отпечатки плоского и гребенчатого штампов. Эти способы орнаментации использовались и синташтинскими гончарами, помимо этого в Зауралье отмечены также глубокие расчесы поверхности емкостей, имевшие технологический характер.

Ярко выраженный геометризм, столь характерный для синташтинской системы орнаментации, в потаповской серии представлен достаточно скромно. Совершенно отсутствуют сложные в композиционном отношении фигуры, образованные за счет сочетания различных элементов. Ограниченным набором представлены криволинейные сюжеты.

Но с точки зрения стилистических особенностей гончарных изделий обращает на себя внимание тот факт, что средневожжская и отчасти зауральская серии, с одной стороны, и приуральская, с другой, демонстрируют существенные различия. В приуральской группе синташтинских памятников сосуды всегда отличает абсолютная симметрия, орнамент выполнен практически безукоризненно с соблюдением всех правил построения геометрических фигур. Взаимопроникновение элементов, образующих «белые» узоры, многократное очерчивание элементов, помещение их один в другой по принципу «матрешки», частое использование каймы из насечек, ямочек и даже заштрихованных треугольников, использование стандартного гребенчатого штампа создают эффект аппликации или шитья. Это характерно даже для очень сложных в исполнении криволинейных орнаментов, которые представлены, например, спиральными завитками. Элементы всегда правильные, их комбинации в мотивах, в том числе во многокомпонентных, строго подчинены правилам симметрии, композиция имеет законченный облик.

В Зауралье, а тем более в Среднем Поволжье нередко формы емкостей демонстрируют пренебрежительное отношение к их созданию, что проявляется в асимметрии, несмотря на технологию изготовления с использованием формы-основы (другого сосуда). Но еще более отчетливо различия проявляются в стилистических особенностях орнаментации. Орнамент часто достаточно грубый, размашистый. Фигуры нередко выполнены с нарушением правил симметрии, их контуры и заполнение могут быть не закончены, иногда они пересекаются

или накладываются друг на друга, штриховка может выступать за пределы контура фигуры. Еще одной особенностью является использование различных штампов, в том числе и гребенчатых с разной конфигурацией зубцов, грубого прочерчивания. Наколы уголка штампа или палочки нередко используются не только, как в Приуралье для оконтуривания других элементов или создания самостоятельного мотива, выполняющего разделительную функцию, но и в качестве технического средства для нанесения различных элементов орнамента, в том числе геометрических. Это придает еще больший эффект небрежности построения орнаментальной композиции.

Справедливости ради нужно отметить, что указанные черты присущи синташтинской керамике Зауралья лишь отчасти. В коллекции присутствуют отдельные экземпляры, в полной мере соответствующие той характеристике, которую мы дали стилистическим особенностям синташтинской керамики из памятников приуральской группы. Некоторые из них даже более изящны. В потаповской серии можно выделить только один сосуд такого рода. Это миниатюрный острореберный горшочек с уплощенным дном и двумя противоположными отверстиями под венчиком абашевского облика, происходящий из погребения Потаповка, 1/1 (рис. 49, 12).

Теперь имеет смысл обратиться к некоторым цифрам. Если отказаться от суммарных региональных статистических характеристик, а обратиться к количественным показателям по отдельным памятникам, то использование статистико-комбинаторных методов оказывается не столь безнадёжным при осуществлении анализа орнамента. Пожалуй, самым важным является возможность наметить тенденции его изменения с точки зрения выяснения хронологических позиций памятников внутри региональных групп. Это способствует и выяснению вопроса, насколько взаимосвязано и синхронно происходили изменения в различных районах локализации памятников переходного времени Волго-Уралья.

Для всех памятников были рассчитаны коэффициенты корреляции по критерию Пирсона по 160 элементам орнамента. Группировка керамических серий, недостаточных для корректного использования в рамках статистических процедур, осуществлялась в соответствии с теми принципами, которые излагались выше. Результаты вычислений приведены в таблице 5.

Совершенно естественно, что они не всегда четко согласуются с данными по формам сосудов. Но как выяснилось, основные тенденции все-таки совпадают, хотя дают более размытую картину. Наибольший интерес представляет тот факт, что при сопоставлении хронологических групп керамики из синташтинских памятников Приуралья с остальными коллекциями из некрополей Зауралья и Среднего Поволжья прослеживается стабильное превышение коэффициентов корреляции для поздней группы по сравнению с ранней. Эти параметры демонстрируют одну интересную закономерность. Наблюдается обратная зависимость корреляционных показателей. Увеличение степени сход-

ства с отдельными синташтинскими памятниками Зауралья и потаповскими Среднего Поволжья для ранней приуральской группы сопровождается ее уменьшением для поздней, и наоборот. При этом достаточно высокий коэффициент корреляции отмечен внутри приуральской серии (0,77), что объясняется генетической преемственностью гончарных традиций в регионе. Остальные показатели для ранней группы в подавляющем большинстве случаев не преодолевают 70 %-ый порог, в то время как поздние некрополи Приуралья демонстрируют очень высокую степень сходства.

Что же стоит за этими цифрами? Наиболее показательны в этом смысле материалы из погребальных памятников степного Приуралья. На позднем этапе практически не вводится ни один новый элемент. Из 80 элементов орнамента, выделенных на синташтинской посуде Приуралья, в керамической серии поздней группы присутствует лишь 40, то есть номенклатура уменьшается в количественном отношении вдвое. Снижается вариативность элементов. Так, из 19 разновидностей треугольников в поздней группе известно только 9. Основной тенденцией можно признать превалирование на позднем этапе равнобедренных треугольников с косой штриховкой и почти полное исчезновение узких свисающих треугольников с горизонтальной штриховкой.

Утрачивается традиция построения сложных элементов из углов, ромбов и спиральных завитков, обрамленных заштрихованными треугольниками, являвшихся характерной особенностью ранних синташтинских комплексов. Наблюдается резкое уменьшение номенклатуры меандровидных фигур, крестов и свастики, ассортимента насечек и ямочек, горизонтальных и ломаных лент, заполненных штриховкой или прерывистыми рядами насечек в виде стилизованной лесенки. Значительно меньше становится налепных украшений. Так, шишечки встречены лишь на 9,1 % сосудов поздней группы, в то время как на ранней керамике они присутствуют в 21,2 % случаев. Налепные валики становятся исключением, при этом совсем нет волнистых, а горизонтальные валики заменяются каннелюрами. Вообще, рельефность керамики поздней посуды достигалась, преимущественно, за счет формованных элементов – желобков-каннелюр, образующих валики.

Мотивы на посуде из поздней группы погребений очень монотонны и образованы, как правило, повторением одного элемента. Нет сложных мотивов с чередованием многокомпонентных и простых элементов, почти отсутствует многократное очерчивание фигур, их обрамление «бахромой» из других элементов, взаимопроникновение мотивов, как на ранней керамике. Но принципиальное значение имеет то обстоятельство, что трансформируется «классическая» синташтинская композиция. Утрачивается семантическая значимость тулова острореберного сосуда, несшая на раннем этапе основную нагрузку с точки зрения размещения наиболее сложных и выразительных мотивов. В композиции позднего синташтинского горшка ведущую роль начинает играть

Таблица 5

Коэффициенты корреляции по орнаменту сосудов для памятников

	Ранний этап Приуралье	Поздний этап Приуралье	СМ	СІ	СП-СШ	Кривое Озеро	Каменный Амбар V	Большекараганский	Потаповский	Утевский VI
Ранний этап Приуралье		0,77	0,64	0,65	0,71	0,64	0,71	0,64	0,66	0,60
Поздний этап Приуралье			0,80	0,80	0,70	0,78	0,80	0,77	0,74	0,81
СМ				0,79	0,74	0,72	0,88	0,78	0,75	0,75
СІ					0,79	0,84	0,87	0,88	0,62	0,69
СП-СШ						0,75	0,82	0,79	0,69	0,68
Кривое Озеро							0,82	0,85	0,64	0,67
Каменный Амбар V								0,84	0,76	0,76
Большекараганский									0,68	0,69
Потаповский										0,68
Утевский VI										

верхняя часть сосуда: узкая зона на тулове ниже ребра и плечо. Основная часть тулова на поздней синташтинской посуде покрыта вертикальной или горизонтальной елкой, либо вовсе лишена орнамента.

Аналогичная картина наблюдается при сопоставлении коллекций из Потаповского и Утевского VI могильников, хотя здесь нужно отметить, что качественные показатели поздней группы синташтинской керамики Приуралья в большей степени соответствуют стандартам Потаповского могильника, чем ранней. Это наглядно иллюстрируют и корреляционные параметры. Если для ранней группы синташтинской керамики Приуралья коэффициенты корреляции с Потаповским и Утевским VI могильниками составили соответственно 0,66 и 0,60 (демонстрируя уменьшение корреляционного показателя), то поздняя серия дает нам 0,74 для Потаповки и 0,81 для Утевки VI. Это, с одной стороны, подтверждает мнение авторов раскопок этих некрополей об их хронологическом соотношении (Кузнецов П.Ф., Мочалов О. Д., 2001, с. 272.), а с другой, заставляет обратить внимание, что эпонимный памятник, относимый к числу ранних в рамках потаповского культурного типа, демонстрирует больше схождений именно с поздней группой синташтинских могильников на сопредельной территории, то есть в степном Приуралье.

Сравнительный анализ синташтинских коллекций из Зауралья дает не столь контрастную картину. Во-первых, они характеризуются стабильно высокими коэффициентами корреляции между собой, отражая региональную монолитность. Хотя эти показатели и неравнозначны для отдельных памятников, но в целом существенно преодолевают порог генетической преемственности керамических комплексов. С другой стороны, некоторое повышение или понижение коэффициентов внутри зауральской группы довольно жестко увязывается с корреляционными показателями, полученными для этих памятников при сопоставлении с хронологическими группами синташтинских памятников Приуралья и потаповских Среднего Поволжья. Но в большинстве синташтинских могильников Зауралья присутствуют как ранние, так и поздние черты, различается только их удельный вес. Это обстоятельство, вероятно, объясняется характером формирования некрополей в региональных группах. Небольшие могильники в Поволжье и Приуралье дают нам достаточно узкий хронологический срез и поэтому вполне уверенно разводятся во времени. В Южном Зауралье они отражают постепенную эволюцию синташтинского культурного комплекса, накопление количественных изменений, которые перерастут в качественные только в период культурной трансформации, когда произойдет смена культурных стереотипов, что приведет к формированию раннеалакульского (петровского) культурного комплекса.

Именно поэтому многие синташтинские некрополи Зауралья в равной мере близки по орнаментальным стандартам как ранним, так и поздним памятникам других территорий, а определение относительной хронологии внутри зауральской группы представляет собой весьма сложную задачу.

Таблица 6

Коэффициенты корреляции по форме и орнаменту сосудов для памятников

	Ранний этап Приуралье	Поздний этап Приуралье	СМ	СІ	СП- СПІ	Кривое Озеро	Каменный Амбар V	Большекараганский	Потаповский	Утевский VI
Ранний этап Приуралье		0,74	0,55	0,60	0,69	0,61	0,63	0,65	0,57	0,53
Поздний этап Приуралье			0,76	0,74	0,66	0,75	0,75	0,76	0,66	0,72
СМ				0,76	0,65	0,67	0,84	0,67	0,72	0,68
СІ					0,76	0,81	0,87	0,78	0,63	0,65
СП-СПІ						0,71	0,77	0,72	0,67	0,64
Кривое Озеро							0,77	0,77	0,62	0,65
Каменный Амбар V								0,75	0,75	0,68
Большекараганский									0,58	0,57
Потаповский										0,64
Утевский VI										

И, тем не менее, исходя из анализа значений коэффициентов корреляции и отмеченных закономерностей эволюции системы орнаментации керамики рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья, можно сделать предварительное заключение, что относительно раннюю хронологическую позицию могут занимать зауральские могильники С II-С III, Большекараганский, возможно, Кривое Озеро. Вероятно, такие некрополи, как С I, Каменный Амбар V, начали функционировать несколько позднее. Совершенно определенно можно говорить о том, что к числу самых поздних памятников следует отнести большой грунтовой могильник синташтинского комплекса СМ.

Остается лишь добавить, что эти данные полностью согласуются с цифрами, полученными для форм керамики, с той лишь разницей, что последние существенно ниже в количественном выражении, но пропорции выдерживаются абсолютно определенно. По этой причине суммарные данные по форме и орнаменту демонстрируют сглаженную картину (табл. 6). В целом, если говорить о направленности эволюции синташтинского керамического комплекса, то ее можно обозначить как упрощение и стандартизацию. Унифицируется как форма, так и орнамент.

Что касается региональных различий керамики, то здесь нужно отметить относительную монолитность синташтинской коллекции, что, несомненно, позволяет объединять памятники рубежа эпох средней и поздней бронзы по обе стороны Уральского хребта в рамках одного культурного явления, но с некоторыми, причем не определяющими локальными особенностями. Керамический комплекс потаповских памятников Среднего Поволжья отражает родственную, но отнюдь не тождественную синташтинской гончарную традицию. Особенно отчетливо это проявляется в том, что суммарные данные по форме и орнаменту демонстрируют существенные отличия между региональными группами, локализующимися на сопредельных территориях в Среднем Поволжье и степном Приуралье (табл. 7). Поэтому нет оснований для ревизии пред-

Таблица 7

Коэффициенты корреляции по форме и орнаменту керамики

	Синташтинская Приуралье	Синташтинская Зауралье	Потаповский тип
Синташтинская Приуралье		0,81	0,73
Синташтинская Зауралье			0,81
Потаповский тип			

ложенной авторами раскопок опорных потаповских памятников, трактовки их как самостоятельного культурного типа. Между тем, обе традиции керамичес-

кого производства формировались на близкой основе, эволюционировали в одном направлении и, вероятно, в тесной взаимосвязи, о чем свидетельствует синхронность изменений в морфологии сосудов и системе орнаментации. Но процессы дивергенции в инокультурном окружении в Среднем Поволжье отличались значительно большей динамикой. В законченном виде отмеченные для синташтинской керамики тенденции будут реализованы в раннеалакульской (петровской) гончарной традиции, а «потаповский след» достаточно зримо проявится в раннесрубном (покровском) керамическом комплексе.

Глава IV

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА СИНТАШТИНСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

На такой важный вопрос, как происхождение синташтинской культуры, до сих пор нет однозначного ответа. Устойчивый интерес к данной проблеме predetermined тематику недавно проведенного в г. Челябинске круглого стола «Проблема происхождения и хронологии синташтинской культуры», материалы которого в настоящее время готовятся к печати. Мы же обратимся только к исследованиям, в которых, так или иначе, затрагивался вопрос о генезисе синташтинских керамических традиций.

С. А. Григорьев в одной из последних своих работ формулирует свою точку зрения достаточно непоследовательно. Сначала он утверждает, что аналогий большинству типов синташтинской керамики в предшествующих культурах Волго-Уралья нет (Григорьев С. А., 2000, с. 267). Таковые он находит в Сиро-Палестинской керамике. Но в то же время автор видит в синташтинской керамике полтавкинские черты, причем обе культуры, по мнению С. А. Григорьева, еще и взаимодействуют продолжительное время (там же, с. 270).

Ряд авторов выявил в морфологии и орнаментации синташтинской керамики северокавказские, катакомбные черты (Мочалов О. Д., 1996; Дремов И. И., 1997).

Т. С. Малютина и Г. Б. Зданович посвятили отдельную статью поиску аналогий синташтинской керамике поселения Аркаим в предшествующих культурах (Малютина Т. С., Зданович Г. Б., 2005). Результат получился довольно спорным. Мы уже говорили о типологии, которую выстроили данные авторы (см. главу I), но масштабность генетических построений просто поражает. Формирование аркаимского керамического комплекса в концепции указанных авторов проходит ряд этапов. «Ранние формы аркаимских сосудов связаны с развитием традиций из среды ямной культурно-исторической общности. Однако собственно к ямным можно отнести один-два небольших круглодонных сосуда плохой сохранности» (там же, с. 20). Второй фразой авторы фактически перечеркивают первую, но смело приводят этим «одному - двум ... сосудам плохой сохранности» широкий круг аналогий. Исследователи видят прототипы аркаимской керамики в репинских (!) древностях и среди культурных образований начала СБВ Предкавказья (там же, с. 21), при этом авторы не исключают «участия геометрических традиций суртандинско-ботайской культурно-исторической общности» (там же, с. 22), не указывая впрочем, о каких чертах идет речь. Далее на все это накладывается абашевский субстрат. На втором этапе до Аркаима докатываются опосредованные волны по-

здних катакомбников, доно-волжских абашевцев и КМК. В третьем слое аркаимского пирога авторы находят формирование абашево-покровской, петровской и срубно-алакульской керамики (там же, с. 24). Далее исследователи пишут: «Многокомпонентность и постоянное влияние внешних импульсов сохраняется на всем протяжении развития аркаимской посуды» (там же, с. 24). Этой фразой авторы ставят под сомнение целесообразность своих построений, так как если аркаимская керамика – просто результат механического смешения признаков различных культур, то есть ли смысл ее изучать и строить типологию? При таком подходе достаточно ограничиться изучением керамики субстратных культур.

Схема эволюции синташтинской керамики приводится Д. Г. Здановичем (Зданович Д. Г. и др. 2002, с.104, рис. 64). Ямные черты данный автор находит в сосуде из Большекараганский, 25/16 (там же, рис. 39, 4). По нашему мнению, это является недоразумением. Во-первых, сосуд по форме относится к подтипу горшков с ребристым профилем, прямым плечом без внутреннего ребра на отгибе венчика (I.1.3), который встречается во всех керамических комплексах Зауралья, то есть он является типично синташтинским, причем, как было показано выше, занимающим более позднюю хронологическую позицию, являясь дериватом подтипов I.1.1 и I.1.2 (см. главу III). Во-вторых, орнамент в виде вертикальной елочки – типично синташтинский. Видимо, автора смутил сбивчивый характер этой елочки, местами отпечатки штампа нанесены бессистемно. Но это отражает стилистические особенности синташтинской керамики Зауралья вообще.

О. Д. Мочалов посвятил специальную статью такой форме керамики, как кубкообразные сосуды (Мочалов О. Д., 2004, с. 123-135). Говоря о кубках синташтинской культуры, он не соглашается с О. В. Кузьминой, выводившей их из абашевской культуры (Кузьмина О. В., 1999, с. 202). По мнению О. Д. Мочалова, синташтинские кубки появляются как результат влияния не конкретной культуры, а «... передовых гончарных традиций как Средней Азии, так и Кавказа, Закавказья» (Мочалов О. Д., 2004, с.134).

Теперь попытаемся предложить свое видение проблемы поиска прототипов синташтинских керамических форм. Прототипы сравнивались с синташтинской керамикой не только по форме частей, но и по высоте каждой части. То есть по тем же критериям, по которым выделялись подтипы керамики в синташтинской культуре. Поэтому сходство выявилось на типологическом уровне.

Прототипы горшкам с ребристым профилем, прямым плечом (диагностирующий признак), средним туловом и внутренним ребром (I.1.1) появляются уже в позднеабашевских памятниках Приуралья, например, Ибрагимово III, 2/1 (Денисов И. В., 2001, рис.11-16), Красногорский III, 2/1 (Кузьмина О. В., 1999, рис. 32, 4). В абашевской культуре Приуралья эти сосуды имеют наlepные шишечки, обрамленные ямочками, что становится стереотипным в синташтинской культуре. В кургане 4 могильника Белозерский I найден абашевский

сосуд, все показатели формы которого идентичны синташтинским (Халяпин М. В., 2000, рис. 9, 3). Показательно, что на Средней Волге таких сосудов нет. Они появляются только с выходом абашевской культуры в Приуралье. Их можно расценивать как производные от миниатюрных абашевских сосудиков с двумя противолежащими отверстиями под венчиком, но более вероятным представляется, что формирование данного подтипа происходило под воздействием позднекатакомбных гончарных традиций.

То же самое можно сказать о горшках с ребристым профилем, прямым плечом, высоким туловом, с внутренним ребром на отгибе венчика (I.1.2). Этот подтип переходит без изменения в синташтинскую культуру из позднеабашевской Приуралья. В качестве прямой аналогии можно назвать сосуд из погребения 9 могильника у Никифоровского лесничества (Кузьмина О. В., 1999, рис. 31, 2). Видимо, в этом же ряду стоят горшки с ребристым профилем, прямым плечом, вогнутым туловом, приземистых пропорций (I.1.4).

В подтипе горшков с ребристым профилем, вогнутым плечом, внутренним ребром и малым плечом (I.2.1) мы видим соединение двух гончарных традиций: абашевской и позднекатакомбной волго-уральской, составляющей северо-восточную периферию катакомбного мира (Кияшко А. В., 2002). Внутреннее ребро на отгибе венчика характеризует абашевскую керамику. Остро-реберные сосуды вытянутых пропорций с высоким туловом и вогнутым уступчатым плечом малых размеров довольно часто встречаются среди позднекатакомбной керамики Приуралья (Ткачев В. В, 2000, рис 5; 13; 6, 9; Моргунова Н. Л. и др., 2003, рис. 55, 2, 3). Но по сравнению с подтипом I.2.1 у этих позднекатакомбных сосудов есть отличия: их тулово выше, а плечо в 2 раза ниже (отдел 3 тип 2 по А. В. Кияшко, 2002, рис. 68). Абсолютное типологическое тождество эти позднекатакомбные короткошейные сосуды демонстрируют с синташтинскими горшечно-баночными сосудами подтипа V.2.2, что оттеняется идентичной орнаментацией в виде вертикальной и горизонтальной елочки (рис. 63).

Катакомбные сосуды, сопоставимые по пропорциям с подтипом I.2.1, многочисленны в Волго-Донском междуречье (Кияшко А. В., 2002, рис.104). Практически полным аналогом данному подтипу является сосуд из известного комплекса Сторожевка 1/3 (Кияшко А. В., 2002, табл. XXXIII, 3). По внешней морфологии частей сосуда и их абсолютным показателям данный сосуд идентичен сосудам синташтинского подтипа I.2.1. Следует отметить, что комплекс Сторожевка 1/3 датируется поздним этапом волго-донской катакомбной культуры, хронологически смыкающейся с Синташтой (Кияшко А. В., 2002, рис. 128). Примечательно, что уже в позднеабашевских памятниках Приуралья появляются сосуды с вогнутым плечом, но в соответствии с абашевскими гончарными традициями снабженные внутренним ребром на отгибе венчика (Горбунов В. С., Иванов В. А., 1992, рис. 6, 1).

Прототипами миниатюрных острореберных сосудишков с малым (I.3.1) и средним (I.3.2) туловом являются миниатюрные абашевские сосудишки. Полное типологическое тождество подтипу 1.3.1 демонстрирует 3-я разновидность миниатюрных абашевских сосудишков по А. Д. Пряхину и В. И. Беседину (2001, рис. 27, 3; 31, 8, 9), а подтипу 1.3.2 – первая разновидность (там же, рис. 27, 1а-в). Указанные авторы замечают, что сосудишки 3-ей разновидности встречаются почти исключительно в Приуралье, а сосудишки 1-й разновидности относятся к числу общеабашевских. Как пример можно привести подобные сосудишки из могильника у Никифоровского лесничества (Кузьмина О. В., 1999, рис. 33, 3-5).

Сосуды, подобные синташтинским горшкам с плавным профилем средних и приземистых пропорций, средних размеров (III.1.1 и III.1.2), встречаются среди керамики с елочной орнаментацией, есть они и среди сосудов позднекатакомбной культурной группы Приуралья (Моргунова Н. Л., 2000, рис. 6, 1). Обширная сводка подобных сосудов содержится в монографии А. В. Кияшко (2002, рис. 105-107). Примерами практически абсолютного сходства с подтипом III.1.1 являются сосуды из Вертячий, 7/29; Мингали, погр.13; Бережновка I, 12/2; Кашповка, 8/32 (Кияшко А. В., 2002, рис. 105, 7; 107, 1, 3, 7), сосуды из Орешкин I, 12/3; Аксеновка, 8/7; Советское (там же, рис. 106, 2, 3; 107, 12).

Сосуд, идентичный синташтинским сосудам анализируемого подтипа, обнаружен в позднедонецком погребении Антонов 6/1, которое хорошо датируется по находящемуся там кинжалу. Здесь же находился сосуд с вогнутым плечом, схожий с синташтинским (там же, табл. XXVIII, 2, 4, 6, 7).

А. М. Смирнов выделяет подобные горшки среди керамики с елочной орнаментацией в тип 1 (Смирнов А. М., 1996, рис. 39, 1-12). К данному синташтинскому подтипу близки некоторые раструбошейные сосуды: Белогорское I, погребение 12 (Кияшко А. В., 2002, табл. XXXVII, 10-11). Интересно, что у данного сосуда имеется ярко выраженное внутреннее ребро, а специфическая орнаментация вертикальной елочкой, разделенной на узкие полосы, совершенно идентична орнаментации некоторых синташтинских сосудов Приуралья (рис. 53, 2).

Подтип горшков с плавным профилем, имеющих крупные размеры (III.2.1), находит аналогии среди керамики с елочной орнаментацией, выделяемой А. М. Смирновым во 2-й тип (Смирнов А. М., 1996, рис. 40, 1-11).

Колоколовидные горшки (III.3.1) имеют широкие типологические параллели среди абашевской керамики, в том числе в Приуралье (Кузьмина О. В., 1999, рис. 30, 1; 31, 1, 4).

Аналогии для конкретных подтипов кубкообразных сосудов (отдел IV) оказалось не так легко обнаружить, несмотря на их широкую распространенность в донецкой катакомбной культуре.

Синташтинские кубкообразные горшки с расширенным туловом и колоколовидным профилем (IV.1.1) в чистом виде неизвестны ни в катакомбной, ни в абашевской культурах. Однако можно предположить, что данный подтип яв-

ляется сочетанием двух вышеупомянутых гончарных традиций. Верх сосудов имеет типично абашевский колоколовидный профиль, а оформление узкого дна на поддоне идет от катакомбных кубков. Необычным, пожалуй, являются только достаточно большие размеры сосудов.

Кубкообразные горшки с плавным профилем приземистых пропорций (IV.2.1) близки катакомбным кубкам Волго-Донского междуречья (Кияшко А. В., 2002, рис. 90, 13).

Кубкообразные горшки с ребристым профилем и высоким туловом (IV.3.1) аналогичны кубковидным сосудам отдела V типа 1 по А. В. Кияшко (2002, рис. 69, 1), которые в том числе характеризуются наличием уступчатого плеча, что является отличительной особенностью синташтинских кубков такого рода. Как пример можно привести подобные сосуды из Кривой Луки VIII, 2/20 и Усть-Курдюма, 2, Политотдельского, 2/6 (Кияшко А. В., 2002, рис. 90, 3-5).

Ввиду простоты своей морфологии банки, как правило, не являются культурным индикатором. Однако несколько аналогий синташтинским банкам привести можно. Открытые банки с вогнутым туловом (VI.2.1), нередко покрытым елочной орнаментацией и несколькими каннелюрами, встречаются в катакомбных памятниках, например, Усть-Курдюм 2, 2/8 (Лопатин В. А., Якубовский Г. Л., 1993, рис. 9, 4). Интересно, что подобный же сосуд найден в позднеабашевском могильнике Белозерка I (Халяпин М. В., 2000, рис. 9, 1). Представительная серия закрытых банок, часто орнаментированных сложными геометрическими узорами, выявлена в позднеабашевских памятниках Приуралья (Кузьмина О. В., 1999, рис. 34, 1, 2, 4).

Открытые стакановидные баночки с вертикальными стенками являются неотъемлемой принадлежностью абашевской керамики (там же, рис. 19, 9).

Данные инокультурные параллели были нами приведены из достаточно близких регионов Приуралья, Поволжья, Волго-Донского междуречья. Однако можно отыскать аналогии синташтинским подтипам керамики и на более отдаленных территориях (Подонцовье, Северное Причерноморье, Предкавказье).

Так, горшкам с плавным профилем средних размеров со средними и приземистыми пропорциями, соответствуют донецкие короткошейные горшки. Например, курган у села Преображенка погребения 2, 3, 6, 7 (Красильников К. И., Тельнова Л. И., 1993, рис. 4, 3; 5, 7; 9, 3, 11). Интересно, что в погребении 6 обнаружен нож-кинжал, весьма напоминающий абашевский: с перехватом, намечающимся перекрестьем и подромбической пяткой черенка. Аналогию этой находке можно привести с территории Приуралья: в кургане 6 могильника Герасимовка II в жертвенном комплексе сочетались катакомбный сосуд и идентичный нож-кинжал (Порохова О. И., 1992, рис. 4).

В Северном Причерноморье аналоги вышеназванным подтипам можно привести из Николаевского могильника: 2/1; 3/6; 3/8 (Вангородская О. Г., Санжаров С. Н., 1991, рис. 2, 2, 3; 5, 3, 5). Известны такие типы посуды и в

Приазовье: могильник Керчик 9/10, 24/7; 24/11 (Парусимов И. Н., 1999, рис. 15, 2; 47, 6; 48, 7).

На окраине катакомбного мира на форму кубкообразных сосудов наложился тип короткошейного горшка, например, Болдырево I, курган 20 (Моргунова Н. Л., 2000, рис. 6, 1). В результате, вероятно, формируются подтипы III.1.1. и III.1.2. На раннем этапе придонная часть этих сосудов иногда четко выражена (рис. 53, 1; 55, 5), на позднем этапе подобное оформление тулова исчезает. Однако кубки, близкие донецким, известны в памятниках позднекатакомбной культурной группы Приуралья и в чистом виде (Шумаево II) (Моргунова Н. Л. и др., 2003, рис. 40, 1, 2). Они реализовались в синташтинском подтипе IV.2.1 и эволюционировали в следующие подтипы (ср. Краматорский могильник 2/7, 2/8 (Санжаров С. Н., 1993, рис. 7, 2; 8, 3), Керчик 16/15 (Парусимов И. Н., 1999, рис. 43, 1, 6).

Горшки, аналогичные синташтинскому подтипу крупных плавнoproфилированных горшков (III.2.1), также не редки в Подонцовье: курган у села Преображенка погребение 5 (Красильников К. И., Тельнова Л. И., 1993, рис. 8, 5), Керчик 9/9 (в Н-видной катакомбе обнаружено два «пакета») (Парусимов И. Н., 1999, рис. 14, 8), Краматорский 2/10 (Санжаров С. Н., 1993, рис. 9, 2). В этом же погребении найден пламевидный нож-кинжал, по которому комплекс должен быть датирован заключительным этапом эпохи средней бронзы, который, по А. В. Кияшко, предшествует синташтинской культуре (или синхронен ей) (Кияшко А. В., 2002, с. 27-28, рис. 8, 28, 128). Но эти формы появились не непосредственно из донецкой культуры, а как ретрансляция через волго-донскую культуру.

Перечень подобных аналогий можно продолжить. Достаточно указать на сосуды с трехчастным профилем среднедонской катакомбной культуры (Пряхин А. Д. и др., 1991, рис. 1, 21, 22; Синюк А. Т., 1996, рис. 41), которые весьма близки синташтинским острореберным сосудам с прямым плечом. Еще более жесткие параллели, вплоть до полного типологического тождества, можно отметить еще дальше на западе в Крымском Присивашье, где они также зафиксированы в позднекатакомбных погребальных комплексах (Генинг В. В., Корпусова В. Н., 1989, рис. 33, 4, 5).

Однако если говорить о непосредственном исходном районе миграции позднекатакомбного населения, принесшего гончарные традиции в степное Приуралье, то его, по всей видимости, следует локализовать в ареале распространения волго-донской катакомбной культуры, где мы наблюдаем включения среднедонских, предкавказских и донецких реплик. Именно эта группировка признаков характерна и для позднекатакомбной культурной группы Приуралья, которая, вероятно, и маркирует юго-западный импульс из среды подвижных скотоводов северо-восточной периферии катакомбной общности в процессе генезиса синташтинских гончарных традиций. Накопление источников позволяет говорить об этом более определенно.

Таким образом, генетические корни синташтинской керамики в области формообразования восходят к абашевской культуре (в ее приуральском варианте) и культурам катакомбной общности (в первую очередь волго-донской).

Абашевские сосуды дали развитие горшкам с ребристым профилем, прямым плечом, средним туловом, с внутренним ребром (подтип I.1.1), горшкам с ребристым профилем, прямым плечом, высоким туловом, внутренним ребром (I.1.2), горшкам с ребристым профилем, прямым плечом, вогнутым туловом приземистых пропорций (I.1.4), колоколовидным горшкам (III.3.1), открытым стакановидным баночкам (VI.2.2).

Катакомбная керамика послужила прототипами для горшков с ребристым профилем и вогнутым плечом, внутренним ребром (I.2.1), плавнопрофилированным горшкам средних размеров средних (III.1.1) и приземистых (III.1.2) пропорций, плавнопрофилированным горшкам крупных размеров (III.2.1), кубкообразным сосудам с плавным профилем приземистых пропорций (III.2.1), кубкообразным горшкам с ребристым профилем и высоким туловом (IV.3.1), открытым банкам с вогнутым туловом (VI.2.1).

Поиск генетических корней синташтинской системы орнаментации представляет собой не менее сложную задачу, чем выяснение истоков ее морфологических особенностей. Естественно, настаивать на категоричных заключениях на этот счет было бы опрометчиво, но обозначить некоторые подходы к решению данной проблемы все-таки представляется вполне возможным даже на основе современного состояния ее разработки.

Сразу отметим, что в целом наблюдения, сделанные по поводу формообразования синташтинского керамического комплекса, достаточно хорошо согласуются с орнаментацией синташтинской посуды. Однако, предваряя рассмотрение вопроса поиска прототипов синташтинской орнаментаики, нужно указать, что мы не разделяем весьма популярного мнения исследователей о непосредственном воздействии носителей энеолитических культур гребенчатого геометризма на процесс формирования синташтинских гончарных традиций. Такое влияние совершенно немыслимо доказать на типологическом уровне, исходя из несопоставимости морфологических параметров гончарных изделий синташтинской культуры и энеолитической общности культур геометрической керамики. Кроме того, в предполагаемом центре формирования синташтинского комплекса, то есть в степном Приуралье, они хронологически не стыкуются. Основательным подспорьем для разработки данного сюжета является последнее монографическое исследование В. С. Мосина (2003), где автор тщательно проанализировал энеолитическую керамику Урало-Иртышского междуречья, то есть основного района локализации культур гребенчатого геометризма.

Синташтинская система орнаментации наследует уже сложившиеся в недрах абашевской культуры Южного Приуралья стереотипы декорирования посуды, включая основной набор элементов, способы их компоновки в моти-

вах, композиционное построение и даже стилистические особенности. Конечно, здесь нельзя обойти вопрос о происхождении в самой абашевской культуре элементов орнамента, демонстрирующих достаточно резкую трансформацию орнаментальных традиций, сопровождавшую расширение ареала абашевской культуры. Дело в том, что именно с выходом абашевской культуры на развитом («классическом») этапе в Южное Приуралье и происходят отмеченные метаморфозы в орнаментальных традициях. При этом прослеживается существенная эволюция наиболее важных для нашего исследования геометрических, меандровидных, криволинейных, рельефных элементов орнамента. Динамику этой трансформации блестяще показала в специальной работе, посвященной абашевской керамике, О. В. Кузьмина (1999). Абашевская система орнаментации достаточно подробно проанализирована также О. Д. Мочаловым (1997б). Это избавляет нас от необходимости детальной проработки собственно абашевской керамической коллекции и в то же время позволяет ориентироваться на уже выявленные тенденции развития абашевского орнамента в Приуралье. К тому же статистические процедуры в данном случае абсолютно бесполезны, ибо в потоке цифр можно попросту упустить чрезвычайно важные, определяющие качественные характеристики, не имеющие статистически значимых показателей.

Наше исследование полностью подтверждает точки зрения упомянутых авторов относительно генезиса синташтинских орнаментальных традиций по двум основополагающим позициям: превалирующей роли абашевской культуры (Кузьмина О. В., 1999, с.202-203); отсутствию генетической преемственности и даже хронологического стыка между энеолитическими культурами Урало-Казахстанского региона и синташтинскими древностями (Мосин В. С., 1990). Уместно указать, что В. С. Мосин и один из авторов настоящей работы в докладах и дискуссии на состоявшемся в сентябре 2005 г. в г. Челябинске круглом столе «Происхождение и хронология синташтинской культуры» (материалы готовятся к печати) высказывали мысль о достаточно длительном взаимодействии носителей абашевской культуры и энеолитического населения Южного Урала, следствием чего и явилось появление ярко выраженного геометризма в абашевском керамическом комплексе, унаследованного позже синташтинской гончарной традицией.

В то же время усложнение орнамента на приуральской абашевской керамике, прежде всего геометрического, О. В. Кузьмина объясняет необходимостью «...утверждения культуры на новой территории и в новой культурной среде» (Кузьмина О. В., 1999, с. 202). Но если вторая часть данного тезиса вряд ли может быть поставлена под сомнение, то относительно первой этого сказать нельзя. Такая мотивация неизбежно должна была привести к приоритетности традиционных элементов абашевского орнамента, составляющих ядро гончарной традиции. Этого не происходит. Напротив, мы наблюдаем превали-

рование новых для абашевской орнаментальной традиции геометрических элементов. Это могло стать следствием лишь достаточно длительных контактов с носителями иных культурных стереотипов, которые постепенно становятся значимыми с точки зрения семантической нагрузки. Учитывая специфику ручного гончарного производства, можно даже предположить конкретный механизм передачи навыков и идей за счет процессов миксации, ибо функции изготовления посуды в традиционных обществах, как правило, выполняли женщины.

Однако в приуральской абашевской культуре мы сталкиваемся с творческой переработкой наследия культур гребенчатого геометризма. Даже не принимая во внимание простейшие элементы орнамента, такие, как линии и зигзаги, сходжения в орнаментации абашевской и местной энеолитической керамики на Южном Урале наблюдаются в распространении лесенок в вертикальной, горизонтальной и наклонной проекции, сетки, косо заштрихованных треугольников и ромбов, заштрихованных лент, пирамидок (Кузьмина О. В., 1999, рис. 39; Мосин В. С., 2003, табл. 2; 3). Очень весомым аргументом является изменение самой техники нанесения орнамента, что проявилось в постепенном вытеснении резного орнамента оттисками гребенчатого штампа (Кузьмина О. В., 1999, с. 201-202).

Но наиболее рельефно тезис о творческой переработке, а не копировании орнаментальных мотивов проявляется в формировании меандровидных фигур, с самого начала демонстрирующих удивительную вариативность в Приуралье. Зарождению и канонизации этих элементов в значительной мере могли способствовать заимствования некоторых идеологических установок или мифологем из среды носителей традиций гребенчатого геометризма. В частности, в среде южноуральского энеолитического населения особым семантическим статусом обладало стилизованное изображение водоплавающей птицы, всегда передававшейся в профиль. Этот сюжет вообще является диагностирующим для прафинно-угорской общности, к которой причисляются и культуры геометрической керамики Урало-Казахстанского региона (Мосин В. С., 2003, с.102, рис. 43, 1; 44, 2). Примечательно, что значительная часть меандровидных фигур на керамике абашевской культуры Приуралья представлена именно «уточками» (Кузьмина О. В., 1999, рис. 22; 39). Их иконография близка, но не идентична энеолитической. По сути дела новый сюжет ложится на подготовленную почву, так как может рассматриваться как сочетание типичных для абашевского декора лесенок, но располагающихся, в отличие от традиционных вертикальных, в различной проекции (там же, с. 201).

В определенной мере варианты полного меандра можно тоже расценивать в качестве дальнейшего развития этой сюжетной линии, но здесь вклинивается еще один вектор воздействий, сыгравший значительную роль в трансформации абашевских гончарных традиций в регионе. Это импульс из среды степного скотоводческого населения, составлявшего северо-восточную

периферию катакомбной общности. В керамике из памятников волго-донской культуры и позднекатакомбной культурной группы Приуралья известны изображения меандра, которые А. В. Кияшко связывает с совершенно иной мифологической концепцией, в рамках которой такой орнамент представляет собой стилизованную реализацию змеевидного мотива (Кияшко А. В., 2002, с.149, рис.124, 4; Ткачев В. В., 2000, рис. 4, 1). Следует также отметить присутствие меандров в памятниках вольско-лбищенской культурной группы (Васильев И. Б., 1999, рис. 5, 2), в которой, кстати, катакомбные черты проявляются не менее зримо.

В этой связи принципиальное значение имеют такие абсолютные новации в абашевской орнаментации в Приуралье, как появление криволинейных и рельефных орнаментов. Достаточно широко представлены овы и волнистые линии, желобки, валики, наlepные шишечки. При этом волнистые линии и валики, несомненно, несут близкую меандру семантическую нагрузку, относясь к категории змеевидных. Безусловно, указанные составляющие абашевской системы орнаментации в Приуралье заимствованы из среды носителей катакомбных культурных традиций. Остается только добавить, что все эти изменения в орнаментации происходят на фоне кардинальных перемен в морфологии сосудов. Причем они носят системный характер, четко коррелируются друг с другом. Перенос основной орнаментальной композиции с чаши на горшок, отмеченный в приуральских абашевских памятниках, сопровождался трансформацией всех форм керамики и появлением новых, из которых наиболее показательны острореберные и кубкообразные сосуды (Кузьмина О. В., 1999, с.182-197), которые, вероятно, являются производными от позднекатакомбных.

Столь пространный пассаж, казалось бы, не имеющий прямого отношения к истокам синташтинской орнаментальной традиции, на самом деле очень важен для понимания механизмов ее формирования. Синташтинская система орнаментации отнюдь не является результатом механического смешения различных гончарных традиций, даже если круг субстратных и суперстратных составляющих ограничить абашевским, позднекатакомбным и местным энеолитическим компонентами. Ее формированию предшествовал довольно продолжительный период контактов и взаимовлияний перечисленных культурных образований. В определенной мере, мы можем говорить о взаимодействии индоевропейского и финно-угорского населения в начальной фазе культурогенеза позднего бронзового века на Южном Урале.

Но для культурной трансформации необходим был стимулирующий фактор, которым стал импульс из среды носителей турбинских металлургических традиций, ставший своеобразным катализатором синташтинского культурогенеза. К сожалению, на керамическом материале турбинское воздействие проследить невозможно в силу специфики обрядности, не предполагавшей использование глиняных сосудов в погребальной практике. Это воздействие

демонстрируют иные фракции синташтинской культуры. Однако показательно, что процесс формирования синташтинского комплекса совпадает по времени с выходом на историческую арену турбинских популяций, когда и происходит смещение значительного массива позднеабашевского населения в подзону северной степи Южного Приуралья, занятую в этот период позднекатакомбной культурной группой.

Эти наблюдения, на наш взгляд, позволяют локализовать исходный район формирования синташтинского культурного комплекса в степном Приуралье. В Зауралье отсутствует генетическая основа, практически не представлен подстилающий пласт памятников конца среднего бронзового века. Население каменного века Южного Зауралья не участвовало в синташтинском культурогенезе непосредственно, а облик постнеолитических памятников пока нам не известен. Носители всех основных культурных образований, участвовавших в генезисе синташтинских древностей, археологически зафиксированы лишь в степном Приуралье, где они демонстрируют физические контакты друг с другом. Но Южное Зауралье, куда переносится затем центр синташтинской культуры, и Среднее Поволжье, где локализуются родственные памятники потаповского типа, по всей видимости, очень рано были втянуты в орбиту функционирования Волго-Уральского очага культурогенеза позднего бронзового века (Бочкарев В. С., 1991). Именно такую ситуацию, вероятно, и отражают хронологические различия в синташтинских и потаповских некрополях, поскольку изменения в керамическом комплексе в пределах Волго-Уралья синхронизируются стадially.

Исходя из этой схемы, становится понятным, почему в степном Приуралье мы наблюдаем более контрастную картину как с точки зрения хронологического размежевания синташтинских памятников, так и «чистоты» абашевских и позднекатакомбных проявлений в керамическом комплексе. Применительно к системе орнаментации, некоторые суждения по поводу преемственности абашевского и синташтинского гончарства тезисно сформулировала О. В. Кузьмина (1999, с. 202-203). Попробуем конкретизировать и дополнить эти наблюдения.

Прежде всего, необходимо отметить, что практически все элементы, известные на абашевской керамике в Приуралье, в равной мере характерны и для синташтинской орнаментальной традиции, но большинство из них переходит в модифицированном виде и демонстрирует значительный вариативный размах. По сути дела все группы элементов орнамента, которые мы выделили в синташтинской серии, находят соответствия в абашевском орнаменте Приуралья. Это касается прямых линий различной направленности, элементов, основанных на ломаных линиях, в том числе горизонтальных зигзагов и елочек, геометрических, меандровидных, крестообразных, ямочек и насечек, криволинейных, рельефных.

Однако синташтинский орнамент отличается значительно большей номенклатурой элементов в рамках указанных групп, особенно если учитывать технику нанесения орнамента. В абашевской культуре известны наклонные, горизонтальные и вертикальные линии, причем входящие в ядро орнаментальной традиции, являвшиеся стандартными синташтинскими элементами. В синташтинский орнамент из абашевского переходят многорядные углы, направленные вершиной вниз. В целом не характерна для абашевской керамики вертикальная елка, в то время как именно этот мотив превалирует на тулове значительной части синташтинских сосудов. Нет в абашевской культуре вертикального зигзага, который в синташтинской орнаментальной традиции представлен в нескольких вариантах: дискретный, сплошной, иногда образующий горизонтальную елочку. Сразу следует отметить, что указанные новации, вне всякого сомнения, надежно увязываются с позднекатакомбными орнаментальными стереотипами.

Особенно интерес вызывает то обстоятельство, что наряду с горизонтальной елочкой, типичной для позднекатакомбных культурных образований Волго-Уралья и группы позднекатакомбных памятников с керамикой с елочной орнаментацией в бассейнах Дона, Северского Донца и Прикубанья, появляется весьма специфичная орнаментальная схема, предполагающая размещение на тулове сосудов размашистой вертикальной елки, иногда с вертикальными линиями-разделителями. Наибольшее распространение такой орнамент получил с среднедонской катакомбной культуре, откуда был воспринят бабинской культурой (КМК) (Шарафутдинова Э. С., 1995). Аналогичные орнаментальные приемы отмечены на керамике позднекатакомбной культурной группы Приуралья. Примечательно, что в памятниках волго-донской катакомбной культуры присутствует и очень своеобразный орнамент в виде узких вертикальных полос, заполненных вертикальной елочкой (Кияшко А. В., 2003, рис. 115, 7), известный на синташтинской керамике (рис. 53, 2). Специфический узор из дискретных вертикальных тройных зигзагов в виде змейки, представленный на синташтинской посуде (рис. 60, 7, 8, 10-13; 61, 9, 11), отмечен, например, в позднекатакомбных погребениях Нижнего Дона (Рогудеев В. В., 2000, рис. 3, 7). Псевдопаркетный орнамент в синташтинском керамическом комплексе Приуралья наибольшие сходства обнаруживает в керамике из погребений позднекатакомбной культурной группы в регионе (Порохова О. И., 1992, рис. 4, 4).

Синташтинское гончарство наследует и геометризм, свойственный приуральской абашевской культуре. Причем для сопоставления пригодным является именно приуральский вариант абашевской культуры. На Средней Волге эта группа элементов орнамента представлена весьма скупо, к тому же только ограниченным числом вариантов ромбов. Из треугольников можно обнаружить лишь узкие свисающие с горизонтальной штриховкой, что сближает их с тра-

диционной лесенкой. Ситуация меняется с выходом абашевской культуры в Приуралье. Здесь появляются узкие треугольники с вертикальной штриховкой, равнобедренные и прямоугольные треугольники, заштрихованные горизонтально или параллельно одной из сторон. Именно они станут основой синташтинского геометризма, хотя в синташтинских памятниках их вариативность значительно выше. То же самое можно сказать о ромбах. При этом многократное очерчивание и вписывание геометрических элементов друг в друга по принципу «матрешки», зародившееся в недрах абашевской орнаментальной традиции, станет неотъемлемым атрибутом синташтинского орнамента.

Однако в синташтинской системе орнаментации появляются еще более сложные геометрические элементы, которые можно отнести к разряду многокомпонентных. Но создаются они в соответствии с принципами построения абашевского орнамента, для которого характерно использование «бахромы» из насечек и ямочек. Совершенно идентичный прием используется и в синташтинской орнаментальной схеме, но более эффектными являются элементы, обрамленные «бахромой» из заштрихованных треугольников. Примечательно, что такая кайма из заштрихованных треугольников в синташтинских многокомпонентных элементах характерна не только для традиционных крупных направленных вершиной вниз углов, вертикально расположенных многократно очерченных ромбов, но и для опущенных спиральных завитков, иногда изображавшихся в зеркальном отражении, фестонов. Несомненно, появление криволинейных орнаментов на синташтинской посуде следует связывать с позднекатакомбными традициями, хотя некоторые из их вариантов известны уже в поздних абашевских памятниках Приуралья (Кузьмина О. В., 1999, рис. 31, 2), но они явно являются привнесенными.

Наиболее выразительны в этом плане элементы, созданные на основе спиральных завитков, обрамленных бахромой из заштрихованных треугольников (рис. 29, 8, 12). В предшествующее время самые яркие образцы спиральных элементов, несомненно, представлены в донецкой катакомбной и северокавказской культурах (Смирнов А. М., 1996, рис. 14; Археология, 1994, рис. 85). Однако непосредственно в предсинташтинское время такие мотивы известны на реповидных маньчских сосудах в Северном Предкавказье, причем нередко они выполнены в рельефной технике наlepными валиками (Андреева М. В., Петренко В. Г., 1998, рис. 8-13).

В этом плане весьма показательны, что рельефная орнаментация является одной из наиболее примечательных черт синташтинской керамики. Следует отметить, что наlepные валики и шишечки появляются впервые в поздних абашевских памятниках Приуралья (Халяпин М. В., 2000, рис. 9, 3; Денисов И. В., 2001, рис. 2, 13, 21). Совершенно очевидно, что эта новация заимствована из катакомбной среды. Первоначально наlepные украшения на синташтинской посуде расценивались как результат воздействия бабинской культуры (КМК)

(Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977). Позже О. Д. Мочаловым была высказана точка зрения о том, что налепные валики и шишечки на синташтинской керамике являются стилизованной модификацией ручек и ушек на металлической посуде культуры Триалети и севано-узерликской группы памятников в Закавказье (Мочалов О. Д., 1996, с. 82-83).

В свете новых данных подобные суждения вряд ли имеют под собой надежные основания. Орнаментация налепными шишечками и валиками, причем не только вертикальными или горизонтальными, но и волнистыми, что по сути дела исключает их трактовку как стилизованных ручек и ушек, столь характерная для синташтинской орнаментации, несомненно, восходит к позднекатакомбной орнаментальной традиции. Любопытно, что даже автор концепции КМК С. С. Березанская в одной из последних работ высказала сомнения относительно самой возможности выделения данной культуры, предложив версию о том, что это явление отражает своеобразную керамическую моду, подобно тому, как это имело место в ситуации со шнуровыми культурами и культурами с валиковой орнаментацией (КВК) (Березанская С. С., 1998, с. 64). Нисколько не сомневаясь в самодостаточности бабинской культуры (КМК) как культурного явления, все же следует согласиться, что распространение налепных украшений стадияльно объединяет многочисленные комплексы позднего этапа культур катакомбной общности с ранними бабинскими. Хотя нужно заметить, что генезис рельефной орнаментации в бабинской культуре (КМК) исследователи связывают со среднедонской катакомбной культурой (Шарафутдинова Э. С., 1995). Практически повсеместно в пределах катакомбного ареала в этот период распространяется рельефная орнаментация. Для нашего исследования особый интерес представляет тот факт, что налепные украшения становятся эталоном в памятниках среднедонской катакомбной культуры, манычских комплексах на Нижнем Дону, в Подонцовье и Предкавказье. Но еще более важно, что такая орнаментация присутствует в Северном Прикаспии, Нижнем Поволжье, Волго-Донском междуречье и степном Приуралье. По сути дела, это позволяет снять вопрос об истоках данной орнаментальной традиции.

Еще одну представительную группу элементов орнамента синташтинской керамики составляют разнообразные меандровидные фигуры, включая пирамидки. Несмотря на то, что они напрямую связаны с геометрическими и криволинейными орнаментами, демонстрирующими различные истоки в синташтинской орнаментике, характер декора такого рода с точки зрения поиска исходных корней меандровидной орнаментации не оставляет возможности альтернативных предположений. Меандры и уточки на синташтинской посуде, как правило, воспроизводят с документальной точностью свои абашевские прототипы. О механизмах появления этих элементов в абашевской культуре Приуралья мы уже говорили выше. Но следует отметить, что в синташтинском орнаменте мы опять-таки обнаруживаем значительно большую вариативность

этих элементов, их творческую переработку. Особенно зримо это проявляется в широком распространении пирамидок различной направленности, отличительной особенностью которых нужно признать разнообразие вариантов заполнения внутреннего пространства, обрамления другими элементами.

С абашевской орнаментальной традицией надежно увязываются также различные варианты лесенок, известных на синташтинских сосудах. Лесенки являются диагностирующим элементом орнамента абашевской культуры. Но в синташтинских памятниках нет «классических» абашевских лесенок. Они в большинстве случаев имеют усеченно-коническую конфигурацию и напоминают треугольники с горизонтальной штриховкой. Примечательно, что стилизованными перпендикулярно пересекающимися лесенками образованы кресты, впервые появляющиеся в абашевских памятниках Приуралья (Кузьмина О. В., 1999, с. 201, рис. 39). Но в синташтинской орнаментации увеличивается на порядок не только количественная представительность крестообразных элементов, но также вариативность их трактовки. Но еще более важной новацией, имевшей особый семантический статус, следует считать свастику. Ее можно расценивать как сочетание крестообразных и меандровидных элементов. Некоторые виды свастики образованы пересечением отдельных фракций меандра. Интересно, что в данном случае речь может идти скорее лишь о применении орнаментального приема, поскольку уточки и меандр изначально имели иное семантическое значение, в основе же свастики все-таки лежит идея креста.

И, наконец, в синташтинской керамической коллекции можно выделить целый блок элементов и мотивов, основанных на использовании ямочек, насечек различной направленности и конфигурации, что находит прямые параллели в абашевской орнаментации. Особое место в этой группе орнаментов занимают зигзаги и горизонтальные линии, иногда располагавшиеся параллельно друг другу, заполненные поперечными насечками, в ряде случаев дискретно нанесенными в шахматном порядке. В основе этих элементов лежит абашевская лесенка. Но принципиальное значение имеет тот факт, что в абашевской культуре «классическая» вертикальная лесенка на позднем этапе дополняется или вовсе заменяется горизонтальной и зигзагообразной, что и наследуется синташтинской орнаментальной традицией.

Появление новых, в том числе с точки зрения семантической нагрузки, элементов в синташтинском декоре, безусловно, отражает изменения в идеологической сфере в начале позднего бронзового века. Наиболее ярко это проявилось в системе погребальной обрядности и гарнитуре украшений, но эта проблема остается за рамками нашего исследования. В данном случае нужно заметить, что на синташтинской керамике Южного Зауралья появляется нерегулярный орнамент, по сути дела, представлявший собой рисунок. Это нехарактерно для приуральской группы синташтинских памятников, где значительно отчетливее прослеживается преемственность с абашевскими орнаментальными

канонами, что особенно рельефно проявляется в подчеркнутом геометризме и стилистических соответствиях. Зауральская керамическая серия демонстрирует дальнейшее развитие синташтинской орнаментальной традиции, поэтому здесь мы сталкиваемся с существенным расширением типологической номенклатуры элементов орнамента, но в рамках общих синташтинских стандартов.

Таким образом, большинство элементов абашевского орнамента известно и на синташтинской керамике. Близки мотивы, их зональная приуроченность и композиционное построение. Совершенно определенные сходжения обнаруживаются в технике нанесения орнамента и стилистических особенностях. Геометрические элементы в мотивах изображаются в «зеркальном отражении», по принципу аппликации, создают «белый узор» за счет взаимопроникновения. В этой связи особо следует отметить безраздельное господство гребенчатого штампа, что, безусловно, свидетельствует о восприятии техники нанесения орнамента из абашевской среды, где на позднем этапе эта традиция становится преобладающей. В целом, в синташтинском орнаменте реализуются тенденции, которые зарождаются в недрах абашевской культуры Приуралья. Тем не менее, дифференцирующие детали просматриваются достаточно выпукло, что в значительной мере связано с воздействием позднекатакомбных традиций. Особенно наглядно это проявляется в широком распространении криволинейных и рельефных орнаментов.

Как отмечалось выше, уже в поздних абашевских памятниках чаши перестают играть роль ведущей формы посуды, а их место занимают горшки, на которых сосредоточена основная масса элементов орнамента (Кузьмина О. В., 1999, рис. 22). В синташтинской культуре чаши вообще выходят из употребления, а их функция культурного индикатора окончательно закрепляется за горшками с ребристым профилем. Миниатюрные острореберные сосудики так же, как и в поздней абашевской культуре, уже не являются основными носителями диагностирующих элементов орнамента. В обеих культурах орнаментируются банки, довольно нарядно украшены горшки с плавным профилем. Орнамент на синташтинских кубкообразных сосудах и мисках становится еще более простым и монотонным, чем в абашевских памятниках. В то же время сохраняется традиция нанесения орнамента на дно сосудов, срез венчика и его внутреннюю поверхность, особенно на сосудах с внутренним ребром на отгибе венчика, являвшегося обязательным атрибутом ранней синташтинской посуды.

Несмотря на то, что на позднем этапе абашевской культуры наметилась тенденция к упрощению и стандартизации орнамента, в ранних синташтинских памятниках мы наблюдаем своеобразный ренессанс, когда существенно расширяется ассортимент элементов орнамента, сложность мотивов и композиции. Хотя на позднем этапе развития синташтинской культуры указанная тенденция все-таки возобладала, что и определило облик раннеалакульского керамического комплекса, формирующегося на основе позднего синташтинского.

Синташтинское гончарство наследует традиции абашевской культуры Приуралья. Но переходят они в синташтинскую культуру в трансформированном виде. Отчасти это происходит за счет развития собственно абашевских черт, что особенно рельефно проявилось в модификации форм, изменении статуса отдельных типов посуды с точки зрения семантической нагрузки, эволюции орнаментальных мотивов (пирамидки, треугольники с различной штриховкой, кресты, свастики и др.). Но еще более отчетливо прослеживается стимулирующее воздействие позднекатакомбных традиций керамического производства. Часть из них появляется в синташтинской культуре опосредованно через абашевскую, но некоторые позднекатакомбные проявления фиксируются уже непосредственно в синташтинской культуре.

Таким образом, на рубеже эпох средней и поздней бронзы мы имеем дело с формированием новой гончарной традиции, в которой органично переплетены принципы формообразования и декорирования глиняной посуды, характерные для двух основных субстратных составляющих синташтинского культурного комплекса, представленных абашевской культурой Южного Приуралья и степным скотоводческим населением, составлявшим северо-восточную периферию катакомбной общности.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что синташтинские памятники нельзя относить к разряду синкретических, поскольку субстратные элементы всегда фиксируются в измененном, трансформированном виде. Многие из них представлены факультативно, являются результатом творческой переработки. Изменяется их соотношение и семантическая нагрузка. Они не являются результатом механического смешения разнокультурных признаков. Более того, отмечается появление абсолютных новаций, не имевших прототипов в предшествующих культурах. То есть существуют все основания говорить о полной смене стереотипов, что маркирует появление новой культуры. Результаты изучения одной из ведущих фракций синташтинской культуры, причем такой важной и информативной, какой является керамика, убедительно свидетельствуют о правомерности такой трактовки содержания и таксономического ранга синташтинских древностей.

Направленность эволюции керамики синташтинской культуры демонстрирует постепенное вызревание стандартов, окончательно оформившихся уже в раннеалакульской (петровской) гончарной традиции, являющейся прямой наследницей синташтинской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным итогом работы следует признать то обстоятельство, что традиционные для археологической науки методы исследования продемонстрировали исключительную эффективность при анализе одной из ведущих составляющих материальной культуры – керамики. Несмотря на скептическое отношение специалистов к самой возможности создания «работающей» типологии синташтинской керамики, удалось определить значимые для типологического членения керамических коллекций критерии. Систематизация весьма представительного корпуса источников создает условия для разнообразных корреляционных процедур, в том числе с привлечением статистико-комбинаторных методов исследования. Несомненно, керамика отображает наиболее существенные черты «этнографического портрета» культуры.

В этом плане изучение керамики начала позднего бронзового века позволяет серьезно продвинуться в решении вопроса определения места синташтинских и потаповских древностей в системе археологической таксономии. Разработка морфологической типологии и анализ орнаментальных традиций демонстрируют относительную монолитность керамического комплекса синташтинских памятников Южного Урала и самодостаточность памятников потаповского типа в Среднем Поволжье. По сути дела для выделения синташтинской культуры осталось лишь формально закрепить за ней статус самостоятельной археологической культуры, тем более что данная дефиниция естественным путем уже давно вошла в научный оборот. По крайней мере, анализ керамики, несомненно, подтверждает правомерность такой трактовки синташтинских памятников Южного Урала. Применительно к коллекции керамики, конечно, потребуются еще глубокий анализ технологии ее производства. Но даже такой факт, что основная масса синташтинской посуды изготавливалась на шаблоне (сосуде), свидетельством чему являются отпечатки текстиля и орнамента на внутренней поверхности сосудов, безусловно, отражает сформированность собственной устойчивой гончарной традиции. Специфическая технология обеспечивала стандартность морфологических параметров глиняных емкостей.

И наоборот, исходя из анализа керамического комплекса, нет оснований для отказа памятникам потаповского типа Среднего Поволжья в культурной самостоятельности. Хотя черты сходства, особенно в материалах эпонимного памятника, проявляются достаточно рельефно, что объясняется, вероятно, близкой хронологической позицией и генетической основой, уже коллекция керамики Утевского VI могильника демонстрирует зримые признаки культурной

дивергенции. Еще более отчетливо эта тенденция проявится в керамической серии из могильника Грачевка II (Кузнецов П.Ф. и др., 2000, с. 80-83, рис. 9). Однако коллекция керамики из этого некрополя нами в работе не рассматривалась как совершенно не сопоставимая с синташтинской, поскольку относится уже к раннеалакульскому (петровскому) времени, то есть отражает процесс формирования раннесрубных гончарных традиций в Среднем Поволжье.

И, наконец, именно создание морфологической типологии, тщательное изучение композиционного построения и стилистических особенностей орнамента открывают перспективы поиска исходных составляющих синташтинского гончарства, позволяют проследить направленность эволюции и определить роль синташтинских традиций керамического производства в становлении раннеалакульских (петровских). Анализ синташтинской керамики наполняет конкретным содержанием тезис о преобладающей роли приуральских абашевских гончарных традиций в генезисе синташтинских, подтверждает стимулирующее воздействие на этот процесс традиций керамического производства степного скотоводческого населения, составлявшего северо-восточную периферию катакомбной общности. Непосредственное распространение этих стереотипов, по всей видимости, маркируют памятники позднекатакомбной культурной группы в степном Приуралье. Однако синташтинская керамика отражает не механическое смешение разнокультурных компонентов, но их творческую переработку и канонизацию уже в рамках собственной гончарной традиции.

Выявленные закономерности в эволюции форм и системы орнамента синташтинской посуды в законченном виде реализуются в раннеалакульской (петровской) керамической традиции Урало-Казахстанского региона.

SUMMARY

To the number of the main archeological discovering of The Bronze Age at the Northern Eurasia we may offer the research of the southern Ural at the beginning of the 70s of the XXth century at the grave of Novokumakysyi and Sintashtah's complex of monuments at the time of middle and late bronze ages. The results of these excavations exchanged greatly our idea about cultural genesis of the later Bronze Age (LBA). Since that time there was a large base of investigation, which can be an effective fundament of further research under the problem of Sintashtah. But we must say that some theoretical speculations show their isolation from the thoughts of P. F. Kuznetsov and O. D. Mochalov that «...the less works are published where there is using of traditional methods of archeology and sequence of procedure of operations, where the main is an opportunity of examine statement and final conclusion». (Kuznetsov P. F., Mochalov O. D, 2001, p. 266). As a result we have no unity even in the opinion of taxonomy of the range of Sintashtah's antiquity. The problem of its origin is rather difficult and is being solved by the conception of the East Europe and front eastern Middle Asian models of migration. There is no understanding of evolution direction of Sintashtah's cultural complex. Solving of these main questions may help and overcome crisis in the problem of Sintashtah, that's necessary to work with the help of traditional archeological methods of research.

Authors of this work appeal to the main fraction of Sintashtah's cultural complex – ceramics. First of all, let's form the methodological basis, terminological apparatus, make an observing of typological methods and introduce ours, on the base of which the typology of Sintashtah's ceramics was built in this research. As far the main methodological premises we use some theoretical works of L. S. Klein (1991). As V. N. Gorbov set «...names of parts of vessels from V.F. Gorodtsov's research, are more acceptable, because they reflex ethnographically and archeologically fixed points work perception of traditional societies» (Gorbov V. N., 2000, p.135), it means they are of anthropomorphical character. So we use terminology from V. A. Gorodtsov.

V. F. Gening's (1973) typological method is one of the detailed worked of the science of our country's typological method of ceramics. Mathematical and statistical calculations are used there; it's clear and logic to use. But of course not perfect, especially with data of vessels' form and formulas of their calculations, scientists are not sure that it is possible to keep in mind so great number of forms' points, it's too difficult to use.

B. A. Bobrinskyi is the author of another typological method, which is based on calculations of height of each vessel's parts in percent and slope of walls in degrees not in 'tg', 'ctg' like V. F. Gening. But it has some disadvantages. First the author

didn't use the whole proportion of vessels and as a result stretched and squat, high and short vessels with the same sizes of parts may be settled in one type. Next, A. A. Bobrinskyi didn't pay attention on the surface forms of vessels, but worked with figures, formed by connecting direct lines of points the main local curvature.

As for our own typological method, it means that grouping ceramics by the form according the classes of the most, common category of forms, which have or not parts of capacity. Pots were formed if they had a bottom, a body, a shoulder, a neck, a rim, a mouth. Goblet-formed vessels were defined by the S-form profile of the body and/or the bottom which should be combined with wide mouth, and the diameter of it should come to the diameter of the bottom as 2:1. Pot – vessels are the middle position between pots and jars; it means they have a rim, which is not clear seen. Jars mean that vessels had a bottom, a body, a shoulder, a mouth, but no neck and rim. Bowls were differed from those jars if the diameter of the mouth and height were 0,5 and less. Dishes were defined if they had a wide plane bottom, edges had breast. Class of pots divides into group of the line's character from body to shoulder: it may be smooth profile pot, the body and shoulder may be boarded from each other by rib of the pot with rib edged profile and pots which rib was very wear off but not smooth, it is a group of pots with smooth rib. Groups of other classes are the same with this one.

The type of rib edged profile pots was defined by the form of shoulder (with the direct and concave shoulders), by the absolute sizes (miniature vessels with sharp rib), by the character of the slope of the body walls (sharp rib edged pots which shoulder is near the vertical).

As for the smooth profile pots the types were defend by the absolute sizes (the special type consists of small and average vessels; large are apart) it's connected with that smooth profile pots' shoulders are always bent outside. As for the goblet-form pots the special type consists of bell-formed pots, with rib edged profile and with smooth profile. The group of pots vessels is divided into types of smooth and rib edged profiles. Jars were divided into types with or without shoulders: the type of closed jars (with shoulder) and type of open jars (without shoulders). The group of smooth ribs, the group of bowls and the group of dishes are equal types.

Making subtype from the type through the forming ghystogramms for each figure meaning (height of the rim, shoulder, body in percent and the notice of height), i. e. there are 4 graphs. We took the method of building ghystogramms from I. S. Kamenetskyi and A. A. Uzyanov (1977).

The analysis of ornamentation system and morphological peculiarities of ceramics as a rule are made in the connection with the problem of a concrete research. The aim of this work is to formalize of the basic date for analysis using statistics and combinatory methods. The main attention is paid to classification procedure. The analysis was made by the traditional scheme. The system of ornamentation is made by hierarchy organized taxonomy level. On the base of ornament there are elements with significant taxonomical items, which may become the bases on the first level of anal-

ysis. The building of ornament composition is very important. The last level of research the Sintashtah's system of dishes ornament is a search of stylistic peculiarities. There was widely used relief ornamentation at the end of middle – the beginning of the later Bronze Age.

For the analysis we used 525 vessels of Sintashtah's culture from grave complex of 98 Front Urals and 427 Trans Urals and 77 vessels of Potapov's cultural type. We found 29 morphological subtypes, which came into 17 types, and 160 elements of ornament. We may define the cultural nuclear, subtypes which are similar for all Sintashtah's culture whatever place and localization of monuments. The subtypes are morphological nuclear of Sintashtah's ceramics because of height part of vessels from these subtypes in collection. It is 73 % from all vessels but they are only 40% from the number of subtype. We must say that monuments from both sides of the Urals are two regional groups of one Sintashtah's culture.

No regional subtypes were found among ceramics of Potapov's cultural type. The typological composition of ceramics compared with Sintashtah's culture is poor: from 29 Sintashtah's subtypes of monuments of PCT there were only 17 (59 %). There is a disproportion of subtypes. It means that PCT can't be studied as from the Sintashtah's culture. But it is relative to the last one. It's clear from the collection of the Trans Urals and the Middle Volga. Both Southern Urals groups are tightly connected with each other. It's because of the difference of chronology between different massive of monuments in regional groups.

Earlier one of the author defined comparative chronology of Front Urals' group of Sintashtah's cultural monuments on the base of typology of implements and funeral customs (Tkachev V. V., 2001). The ceramics collection is studied here according to its division. The main tendency in the number of vessels with inner rib from the earlier stage to the later is reduced. Especially it is clear from the vessels with rib edged profile. 89 % of such pots had this inner rib at the earlier stage and only 54 % at the later one. As a rule later subtypes with inner rib disappeared and vessels without inner rib appeared at the time of earlier Alakul's (Petrov's) earthenware tradition.

According to the Sintashtah's culture of Trans Urals it became clear that is difficult to divide stages all complexes have subtypes of ceramics from different chronological horizons. It seems to have a situation of this region there are graves complexes which were used for a long time, e. g. Bolshekaraganskyi – more than 30 years (Zdanovich D. G. and others, 2003, p.105). And we have here a cultural continuity and the material complex shows gradual evolution. It is true especially with earthen ware production. There are more vessels with inner rib on the rim in Potapov's grave complex than in Utevskiy's VI; it proves later chronological position of the last one and growing of cultural diversity of elements.

By the results of ceramics morphological analysis we may speak about chronological priority of Front Urals group its monuments of Sintashtah's culture of earthenware traditions.

There were 160 ornaments elements from the Sintashtah's and Potapov's grave monuments for ceramics serial. Calculating coefficient of correlation by Pearson showed that 3 collections of ceramics are equal. It means there were genetic connections between all regional groups.

There is a standard range of ornament elements of Sintashtah's ceramics in the bases of ornaments system. The main elements are formed by direct lines and broken lines, various geometrical elements. There are 15 various kinds of triangles with different shading. Rhombs were drawn horizontally or vertically, there were meandro-formed figures in both groups, different kinds of crosses St. Andrew's cross, swastikas, variants of notches and pressing. As for the wavy elements there is a group of relief elements in the form of chutes, shafts and bumps. There are only 32 from 62 elements of Sintashtah ornaments in Potapov's monuments; it means not more than 50 %. Moreover only 61 elements were fixed on Potapov's pottery, and 13 of them were exclusive.

The exclusive elements from Sintashtah's ceramics are very interesting in the steppe Front Urals. The list of them consists of 17 elements, but unusual form of building is in contrast with ornament scheme of the elements are in the form of spiral scrolls, by ones face with heads to the bottom of triangles and drown a let rhombs, bordering shadowed triangles.

The motives are different in regional levels Front Urals has the great number of motives, they are difficult such as spiral scrolls, angles, rhombs, border shading triangles rotating with crosses bordered by angles. Not many examples we may see in the Trans Urals, but they are exceptions not rule. We can't find such examples among Potapov's monuments in the Middle Volga. The Middle Volga's, some Trans Urals' groups from one side and Front Urals' group from the other one are demonstrated great difference. The Front Urals groups of Sintashtah's monuments have symmetrical ornaments. Their elements are right according to the rule of symmetry, compositions are complete. Elements are made «white» patterns, ones are into others.

The technology of producing capacities was not symmetrical, but they used another vessel as a frame (base in Trans Urals and in the Middle Volga, it means that vessels are rough so ornaments were made rough and bald. Figures were made without symmetry, not finished; sometimes they are crossing each other, broken.

Materials from grave complex of Front Urals are usual for chronology. There was no new element at the latest stage. From 80 elements of ornament on the dishes of Front Urals in ceramics group of the later there were only 40.

Motives from the later group were very monotonous and used only one element. There were not difficult motives with rotation of elements. So-called «classic» Sintashtah's composition was transformed. The semantic significance of the sharp rib edged body of the vessels was lost. The composition of the later Sintashtah's pot is in the upper part of the vessel narrow part between rib and shoulder. The main part of the body had vertical or horizontal crossings or nothing at all on the later Sintashtah's dishes.

The Trans Urals, grave complex CII-CIII, Bolshecaraganskyi, Krivoje Ozero (Curved Lake) are from the earlier chronological position. The Stone Barn (Kamenyi Ambar V), C I began to function later. The latest monument was large not metallic grave complex of Sintashtah's CM.

As for the evolution of Sintashtah's ceramics complex it was simplified and the form and ornament were unified. As for the distinctions of regional ceramics, we may unit monuments of the middle and later Bronze ages from both sides of the Urals into one culture with some local features. Ceramics complex of Potapov's monuments of the Middle Volga is relative but not the source to the Sintashtah's earthenware tradition. Both traditions were formed on the close base, developed into one direction and in connection with each other, but the Middle Volga's examples were more dynamic. The Sintashtah's traditions were realized into Earlier Alakul's (Petrov's) earthen ware tradition; as for «Potapov's Trace» it's seen in the earlier cut (Pokrov's) ceramics complex.

The genetic roots of Sintashtah's ceramics were from the form making of Abashevo culture (its Front Urals' variant) and catacombs culture of society (Volga-Don).

Abashevskyi's vessels made a development of pots with rib edged profile, direct shoulder, middle body, inner rib; pots with rib edged profile, direct shoulder, height body, inner rib; pots with rib edged profile, direct shoulder, concave body stocky proportions; bell formed pots; open glass formed jar.

Catacombs' ceramics was prototype for pots with rib edged profile and concave shoulder, inner rib; smooth profile pots of middle sizes and middle and stocky proportions; smooth profile pots large sizes; goblet formed vessels with smooth profile stocks proportions; coblet formed pots with rib edged profile and high body.

Our research proved genesis of Sintashtah's ornament traditions by two points: the great role of abashevo culture (Kuzmina O. V., 1999, p.202-203); absent of relations and chronological connections between eneolithic culture of the Ural-Kazakhstan region and Sintashtah antiquities. (Mosin V. S., 1990).

The appearance of broken lines and relief ornaments was very important in abashevo's ornamentation of Front Urals. There were a lot of wave lines, chutes, shifts and molding bumps, which meant semantic meaning of snake type. The abashevo's system of ornamentation of Front Urals was used traditions of catacombs culture. All changes in ornament were on the background of morphological changes of vessels, they were systematic type. Using the main ornament composition from bowl onto pot in the Front Urals, abashevo's monuments meant transformation of all forms of ceramics and appearance of new ones with sharp rib edged and coblet formed vessel (Kuzmina O. V., 1999, pp. 182-187) from later catacomb's sources.

On the border of Middle and Late Bronze Ages there was a forming of new earthenware traditions with form making and decorating earthenware pottery of two main sources of Sintashtah's complex – the Southern Front Urals and steppe stock-breeding inhabitation of North East catacombs society.

The Sintashtah's monuments are not from syncretic range; the elements were always fixed into the changed type.

The direction of Sintashtah's ceramics evolution showed the disappearance of earlier Alakul's (Petrov's) earthenware tradition standards.

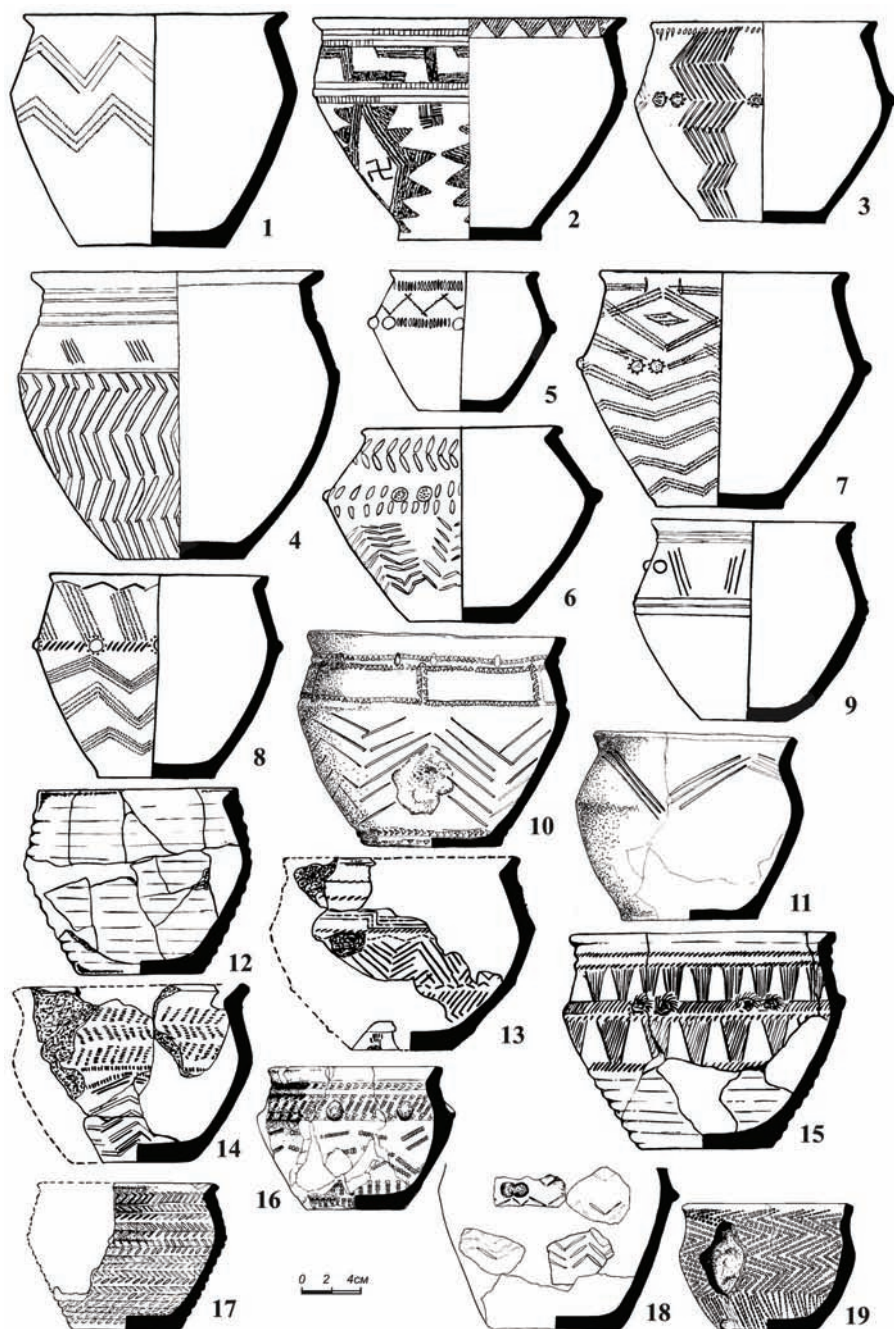

Рис. 25. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.1. Приуралье: 1-9 - Танаберген II, 10-11 - Новокумакский, 12-15 - Жаман-Каргала I, 16-17 - Ишкиновка I, 18-19 - Ишкиновка II

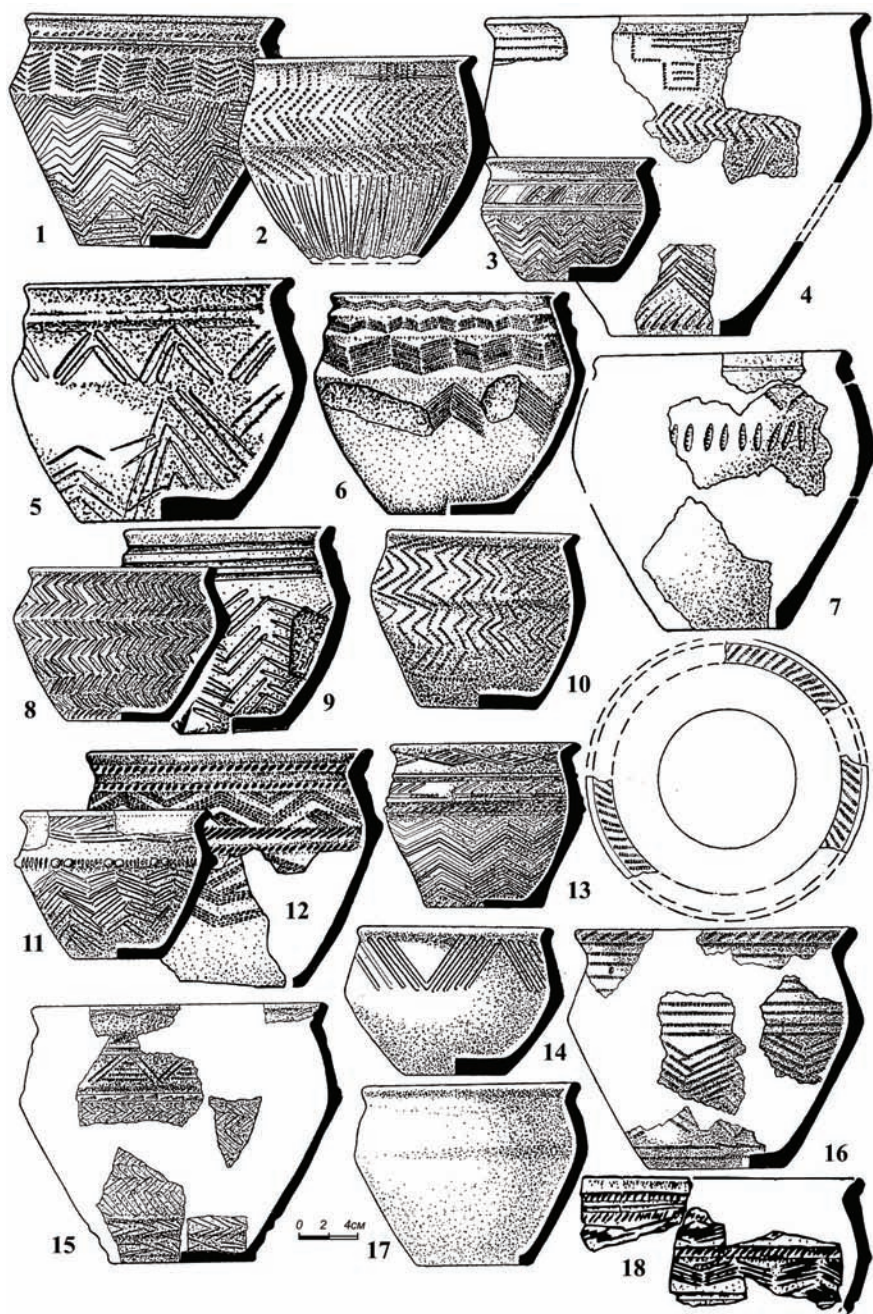

Рис. 26. Керамика синташтинской культуры

Остророберные сосуды подтипа I.1.1. Зауралье: 1-18 - Большекараганский

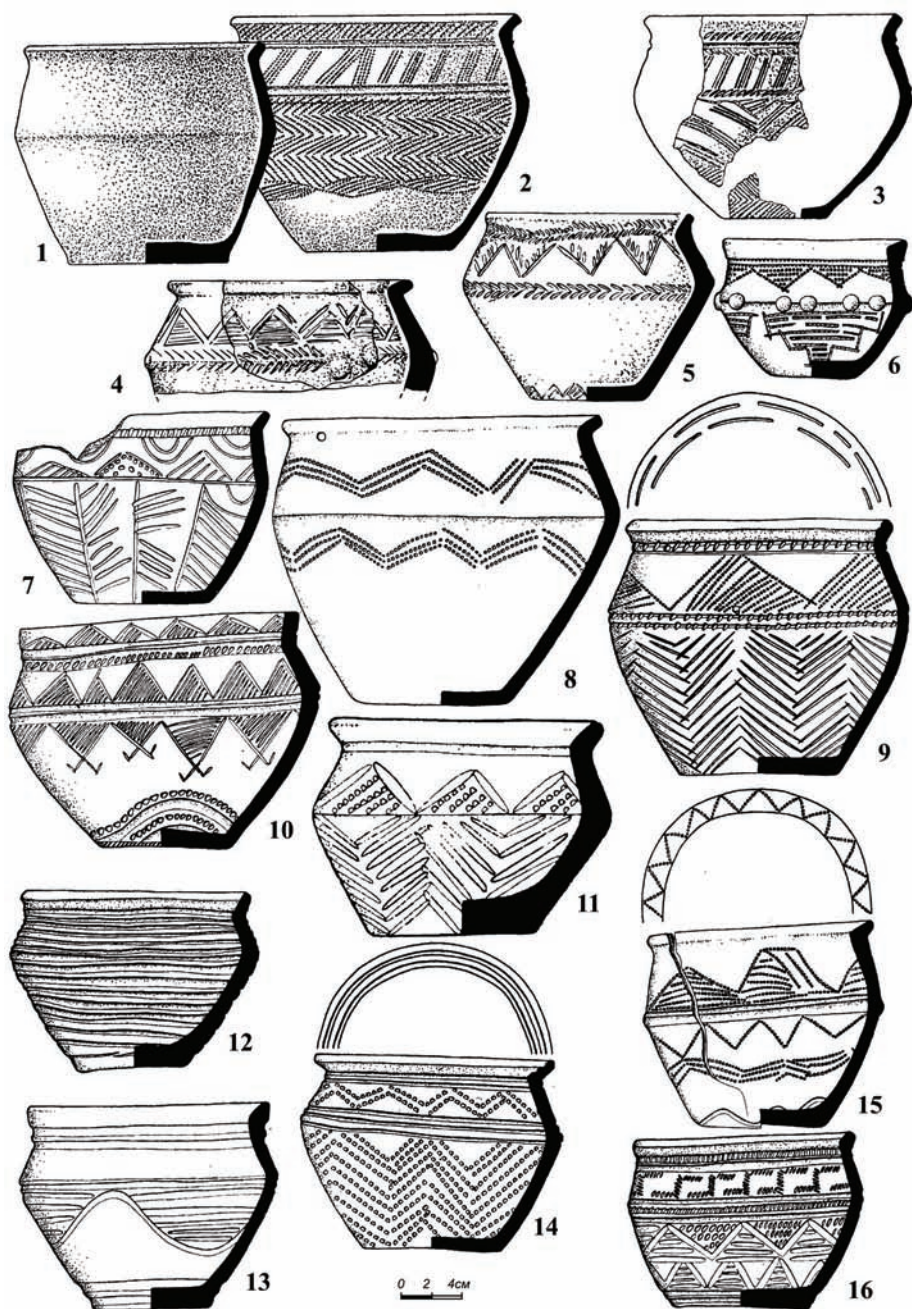

Рис. 27. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.1. Зауралье: 1-3 - Большекараганский, 4-5 - С II-С III, 6-16 - Кривое Озеро

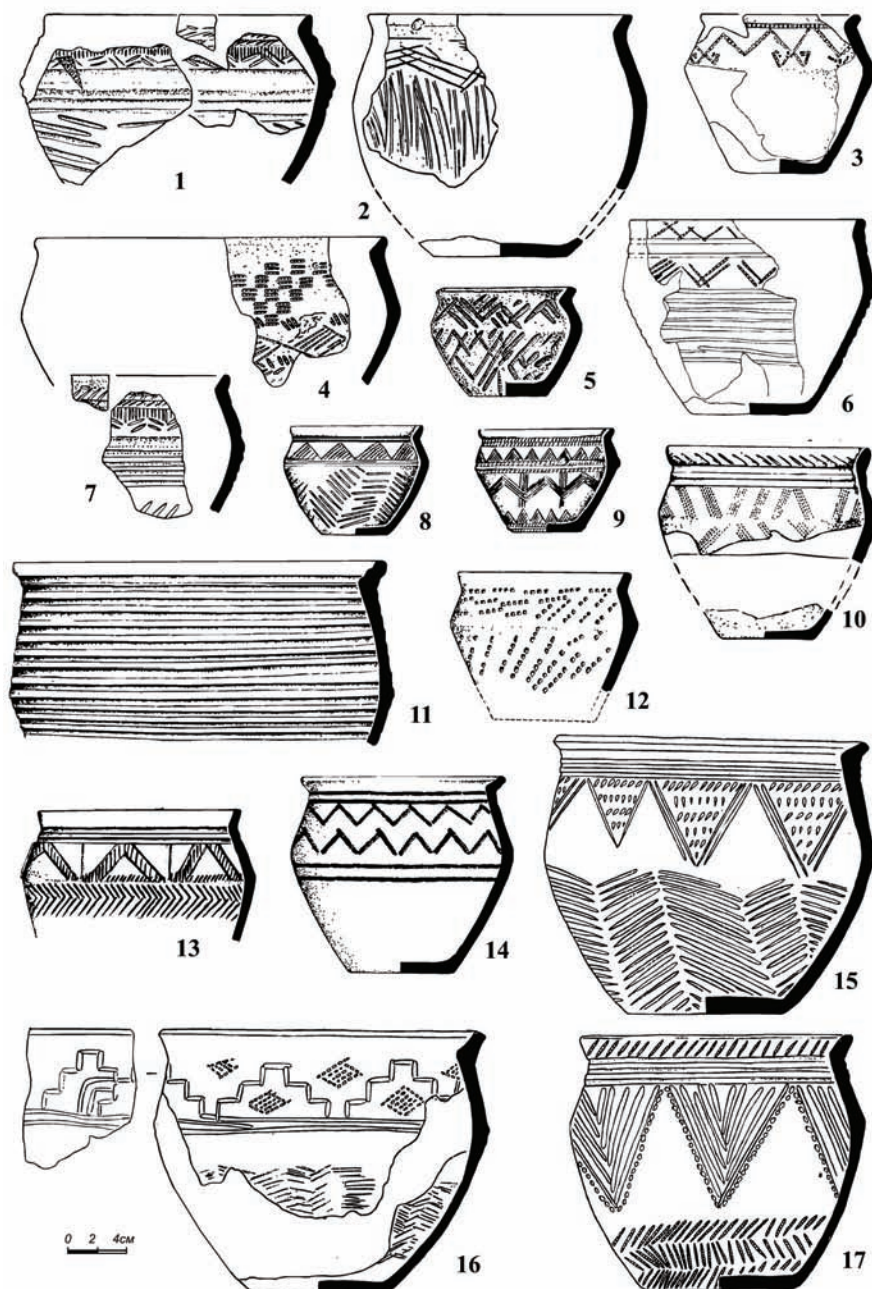

Рис. 28. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.1. Зауралье: 1-7 - Каменный Амбар V, 11-14 - СМ, 15-17 - Солнце II

Рис. 29. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.2. Приуралье: 1, 4, 6, 8, 12 - Танаберген II, 2 - Новокумакский, 3, 5 - Жаман-Каргала I, 10 - Ишкиновка I, 7 - Ишкиновка II; Зауралье: 11-15 - Большекараганский

Рис. 30. Керамика синташтинской культуры

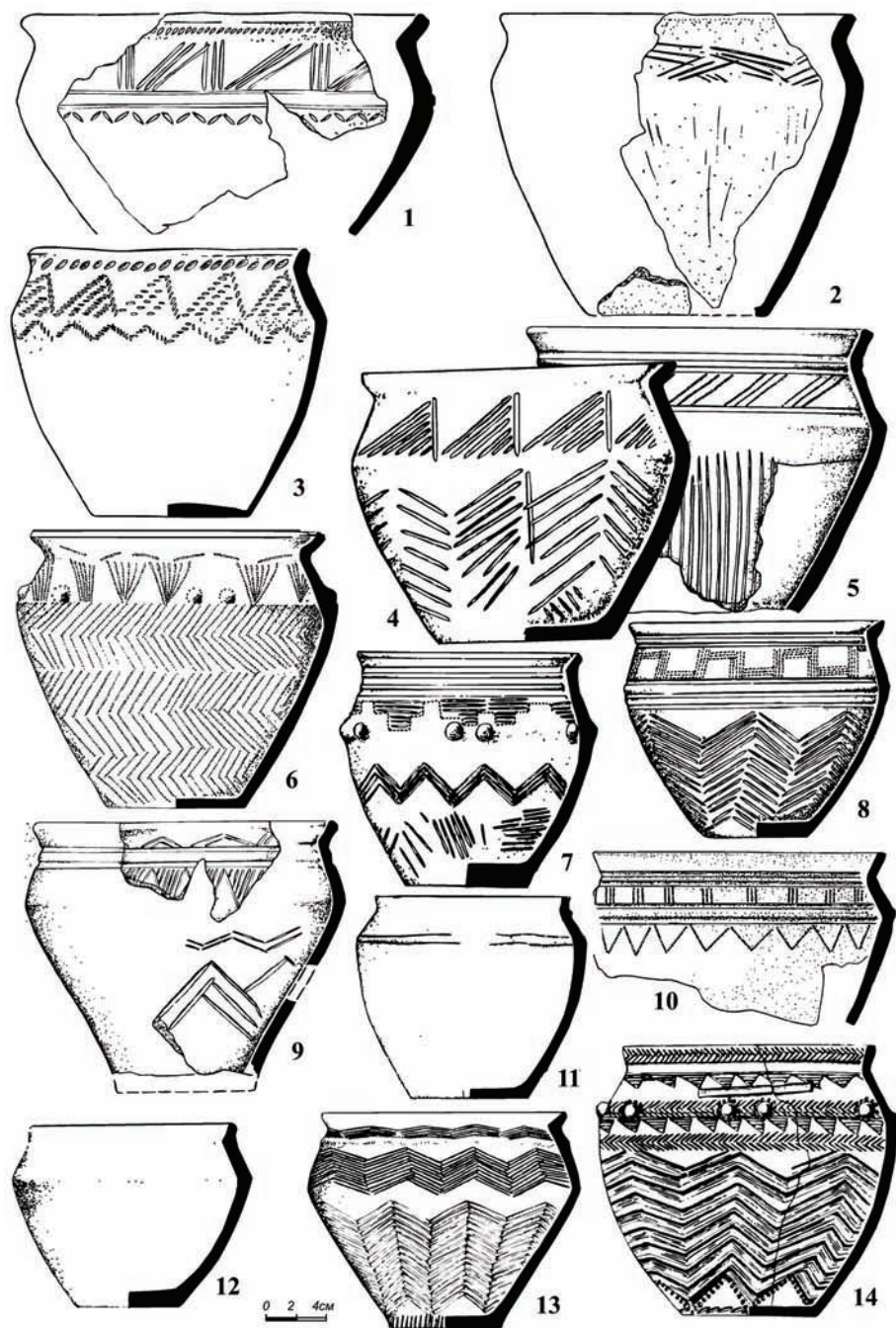
Острореберные сосуды подтипа I.1.2. Зауралье: 1- Большекараганский, 2-5 - С II, 6-14 - Кривое Озеро

Рис. 31. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.2. Зауралье: 1- Кривое Озеро, 4-16 - Каменный Амбар V

Рис. 32. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.2. Зауралье: 1-3 - Каменный Амбар V, 4-10 - CI, 11-14 - CM

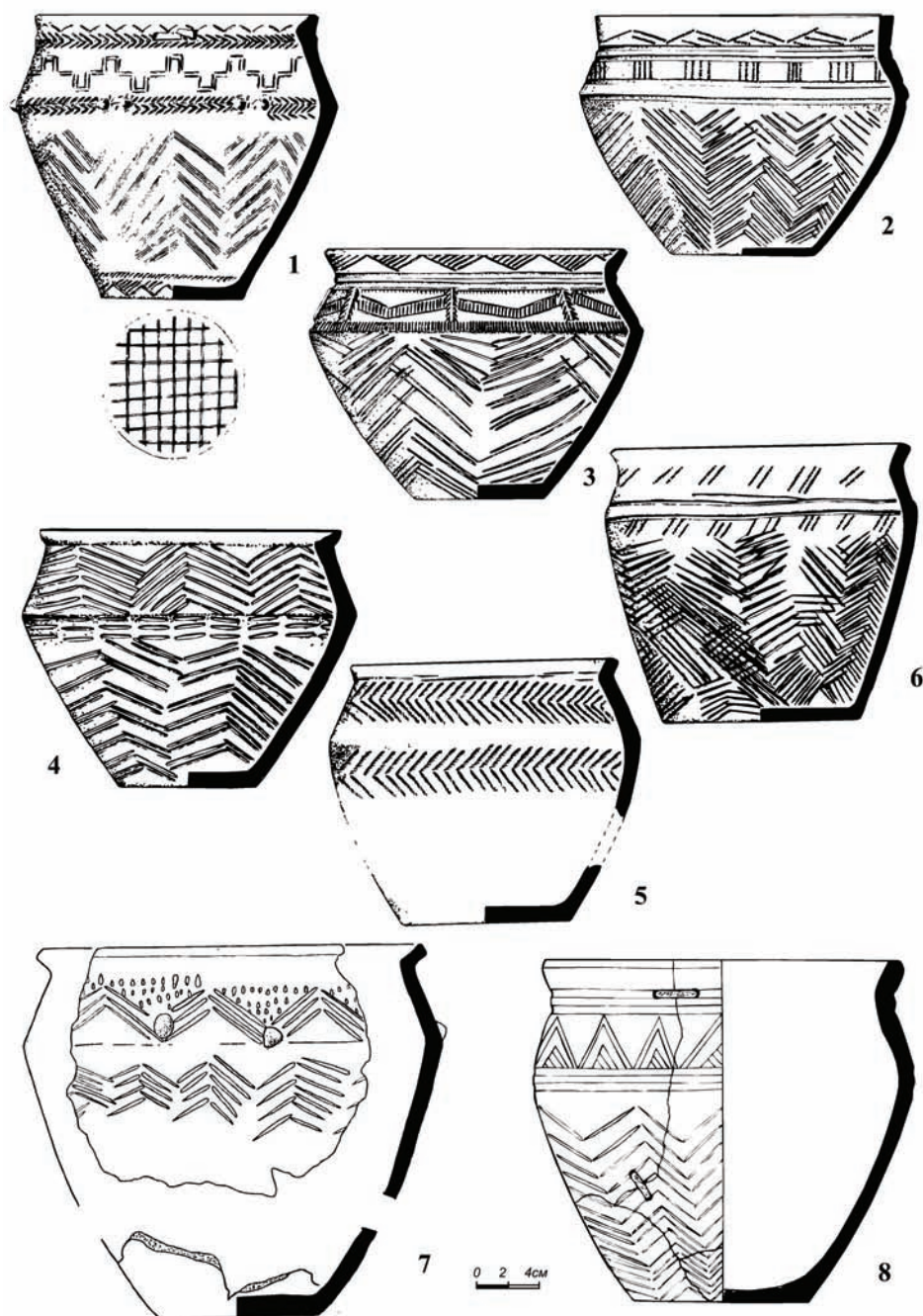
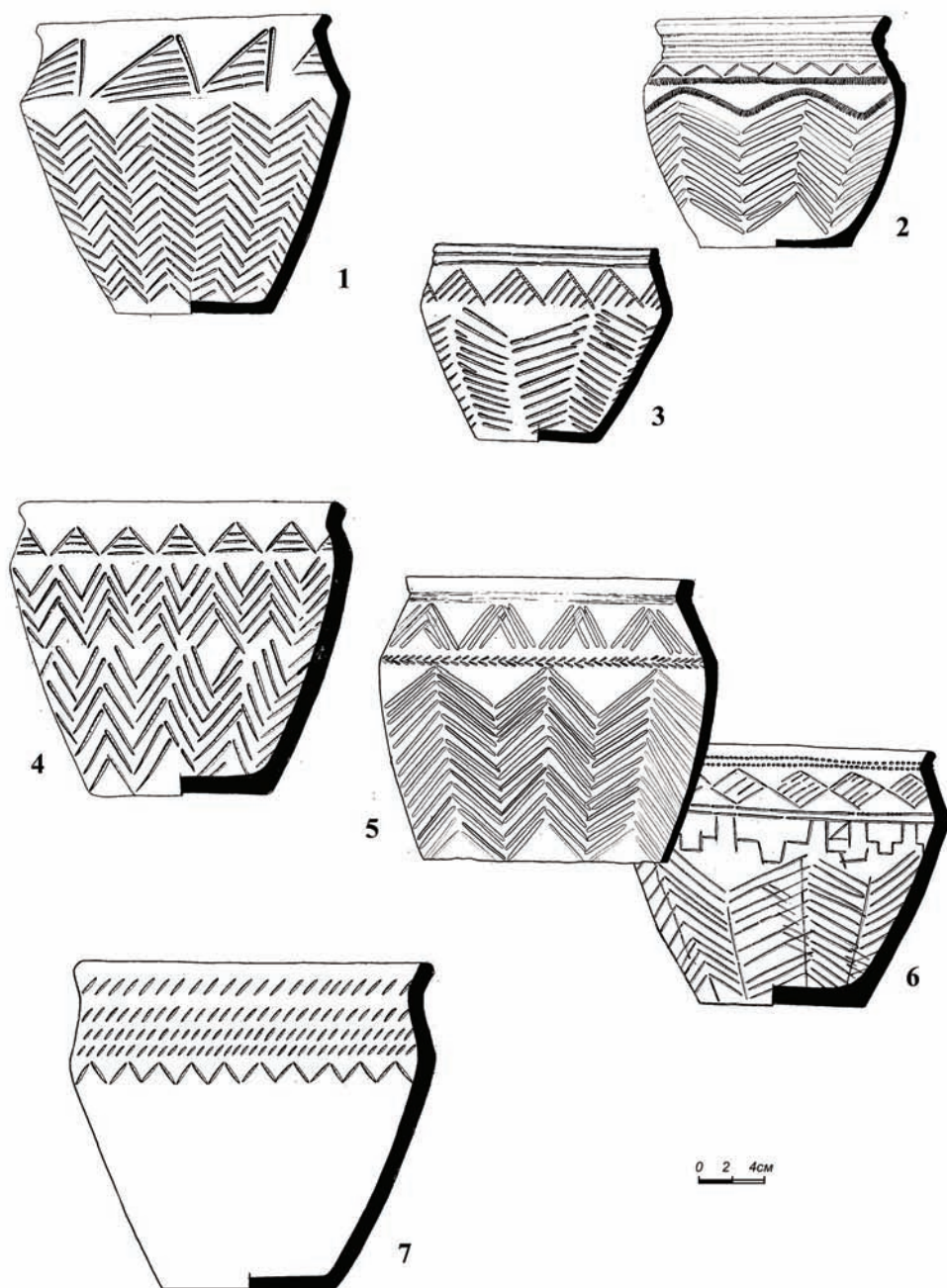

Рис. 33. Керамика синташтинской культуры

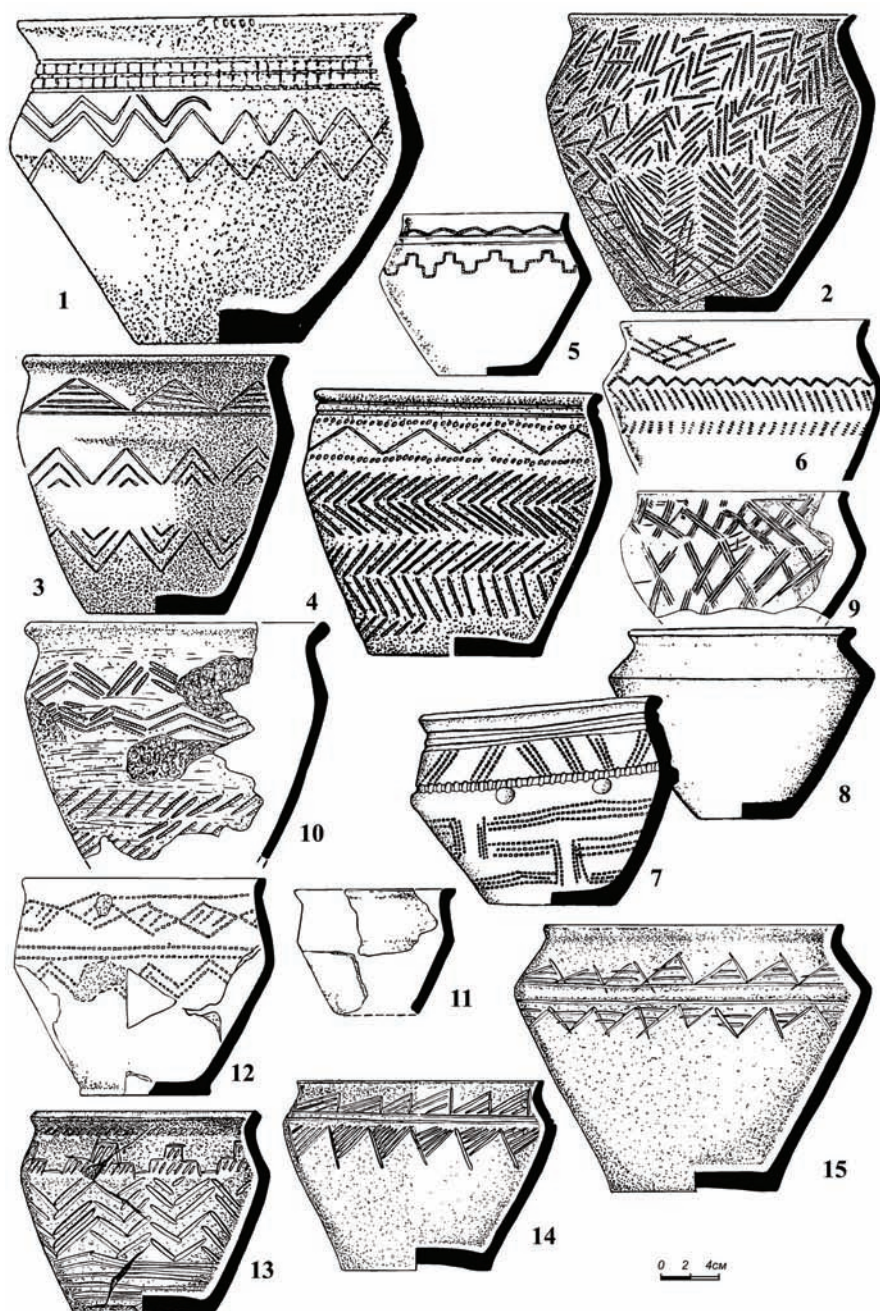
Острореберные сосуды подтипа I.1.2. Зауралье: 1-6 - СМ, 7 - Солнце II, 8 - Ново-Петровка

Рис. 34. Керамика потаповского культурного типа

Острореберные сосуды подтипа I.1.2. Среднее Поволжье: 1-7 -Потаповка

Рис. 35. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.3. Зауралье: 1-4 - Большекараганский, 5-6 - С III, 7-8 - Кривое Озеро, 9-15 - Каменный Амбар V

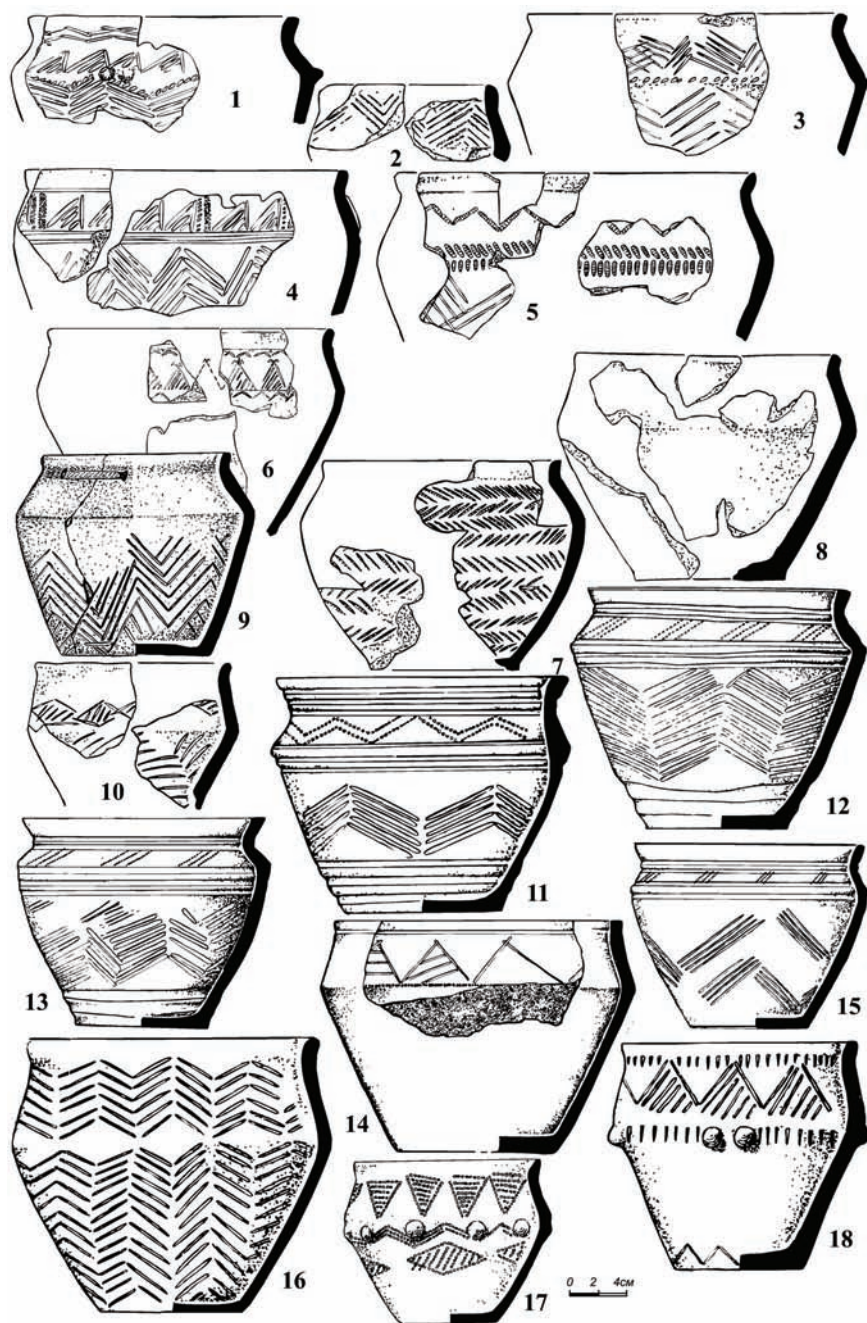
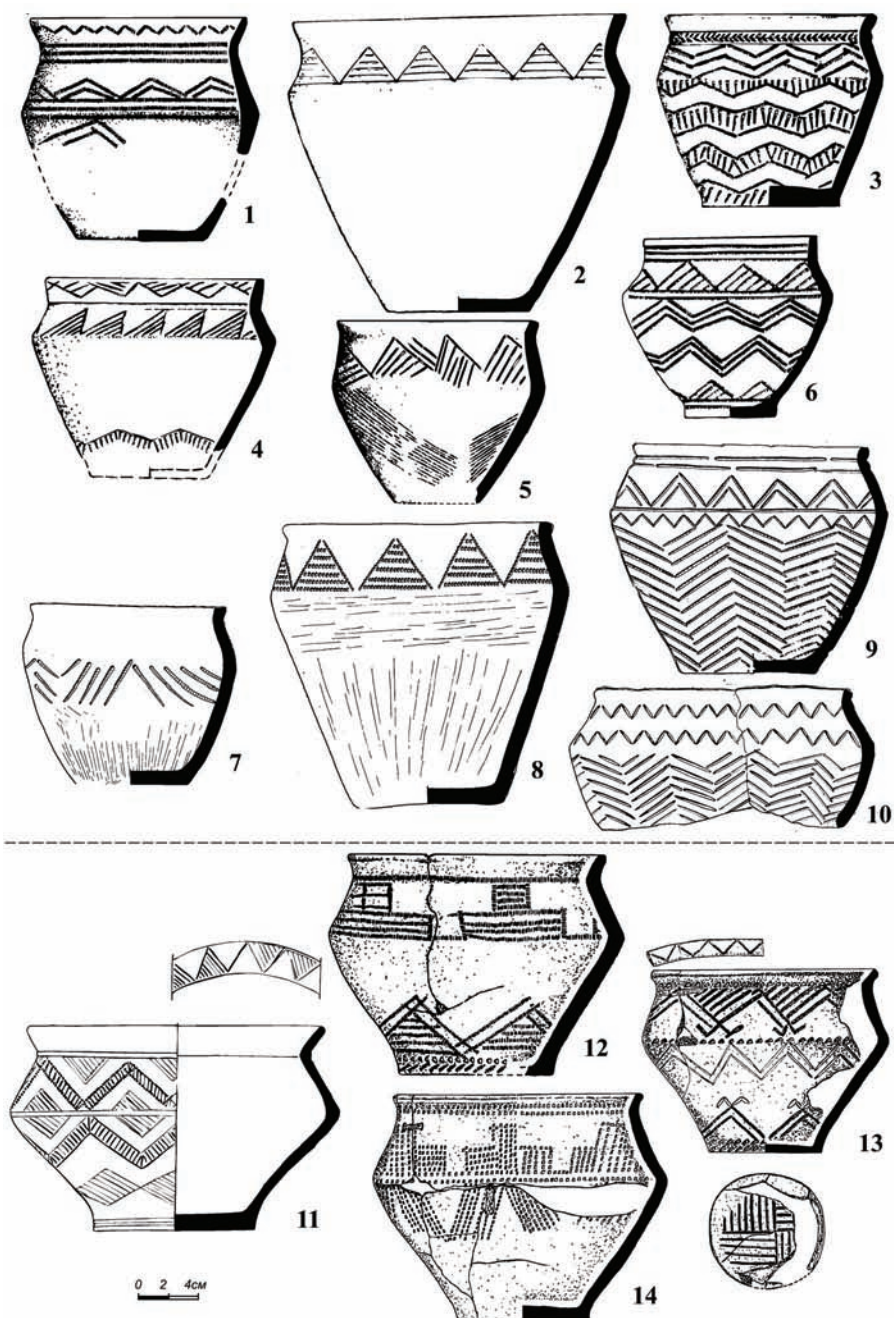

Рис. 36. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.1.3. Зауралье: 1-10 - Каменный Амбар V, 10-18 - С I

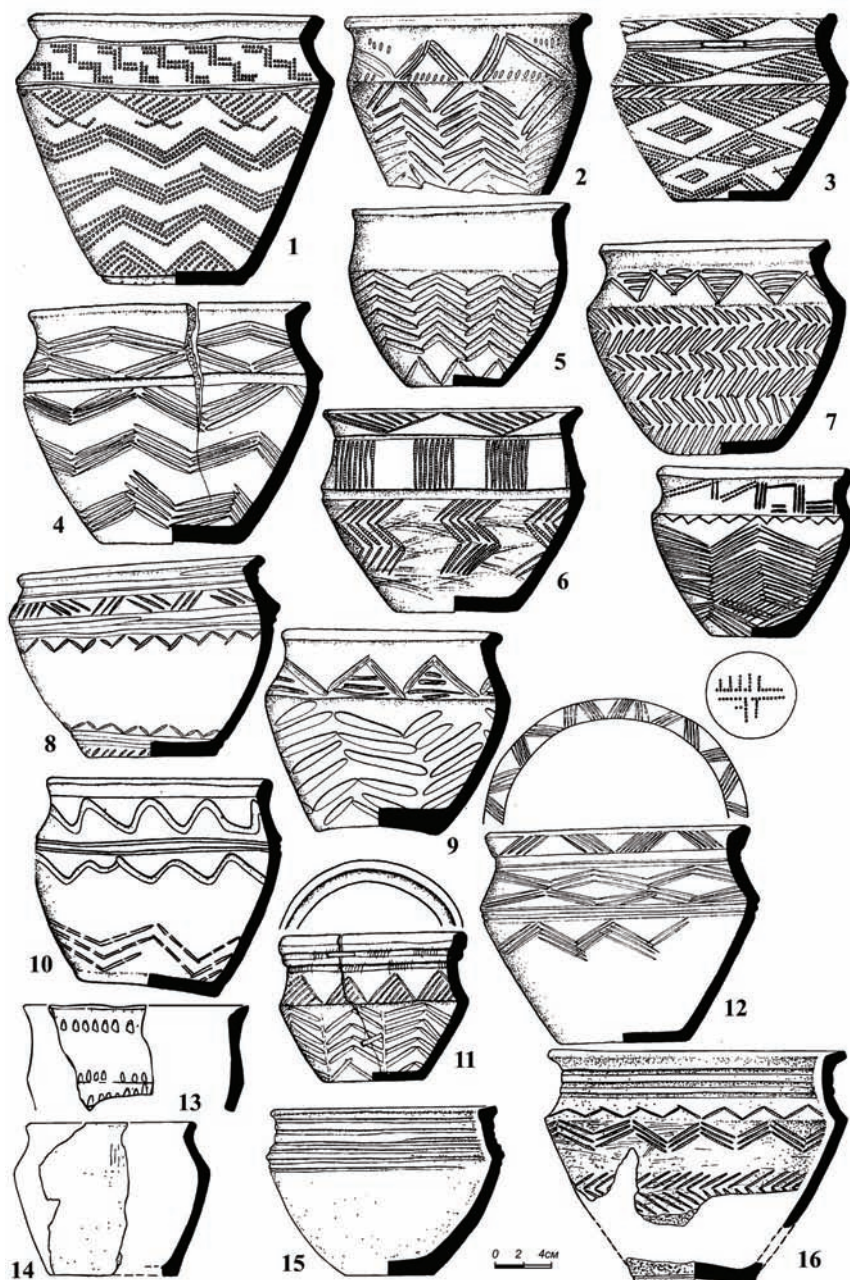
Рис. 37. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
 Острореберные сосуды подтипа I.1.3 (1-10) и подтипа I.1.4 (11-14). Приуралье: 11 - Танаберген II; Зауралье: 1-6 - СМ, 12-14 - Каменный Амбар V; Среднее Поволжье: 7-10 - Потаповка

Рис. 38. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.2.1. Приуралье: 1 - Новокумакский, 2, 5, 6 - Танаберген II, 3 - Жаман-Каргала I, 4 - Герасимовский II; Зауралье: 7-8 - Большекараганский, 9-10 - С II, 11-13 - Кривое Озеро

Рис. 39. Керамика сингаштинской культуры

Остроречные сосуды подтипа I.2.1. Зауралье: 1-12 - Кривое Озеро, 13-16 - Каменный Амбар V

Рис. 40. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.2.1. Зауралье: 1-5 - Каменный Амбар V, 6-8 - CI, 9-13 - CM

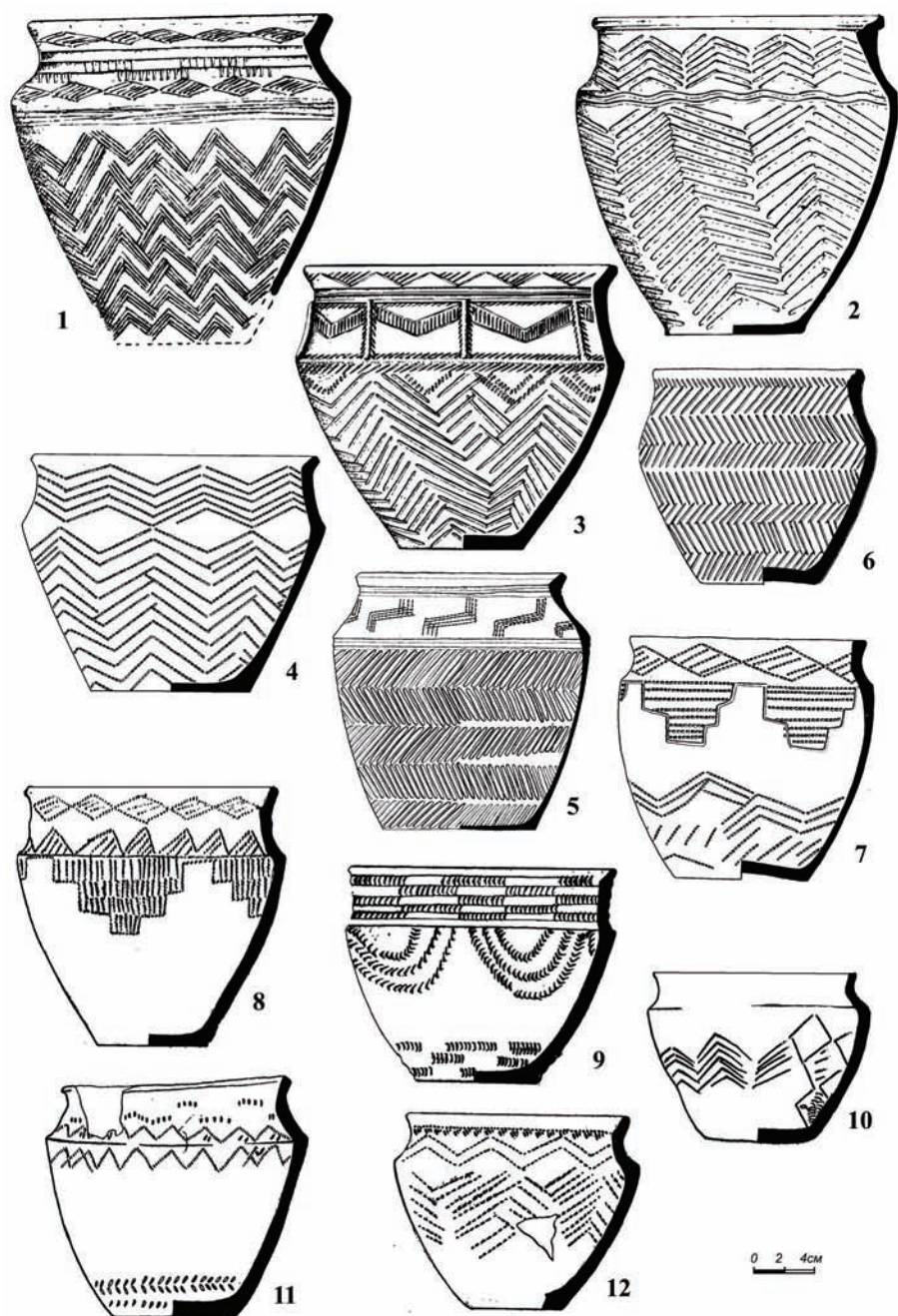

Рис. 41. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
Острореберные сосуды подтипа I.2.1. Зауралье: 1-3 - СМ; Среднее Поволжье: 4-7 - Пота-
повка, 8-12 - Утевка VI

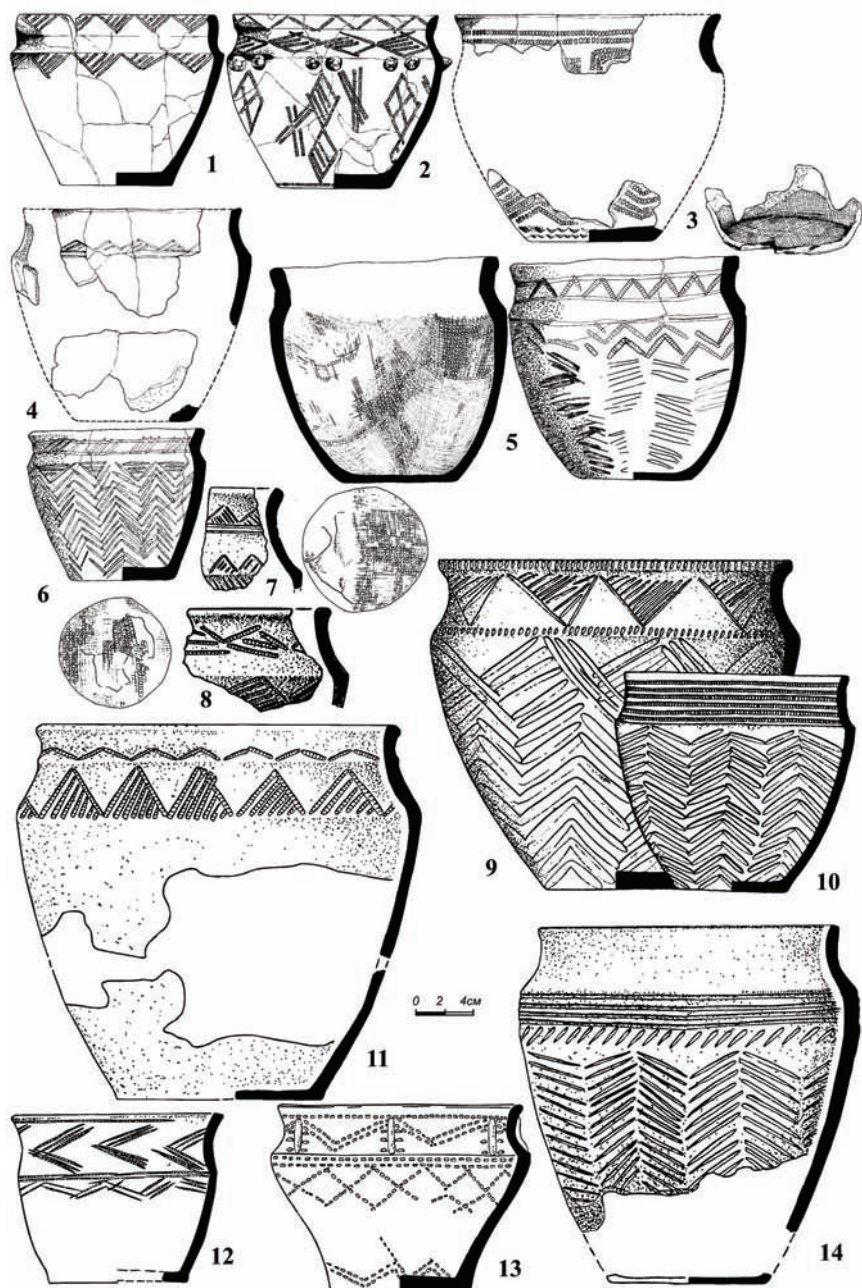

Рис. 42. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.2.2. Приуралье: 1, 2 - Ишкиновка I, 3, 4 - Ишкиновка II, 5, 6 - Новокумакский; Зауралье: 7, 8 - Большекараганский, 9, 10 - Кривое Озеро, 11-13 - Каменный Амбар V

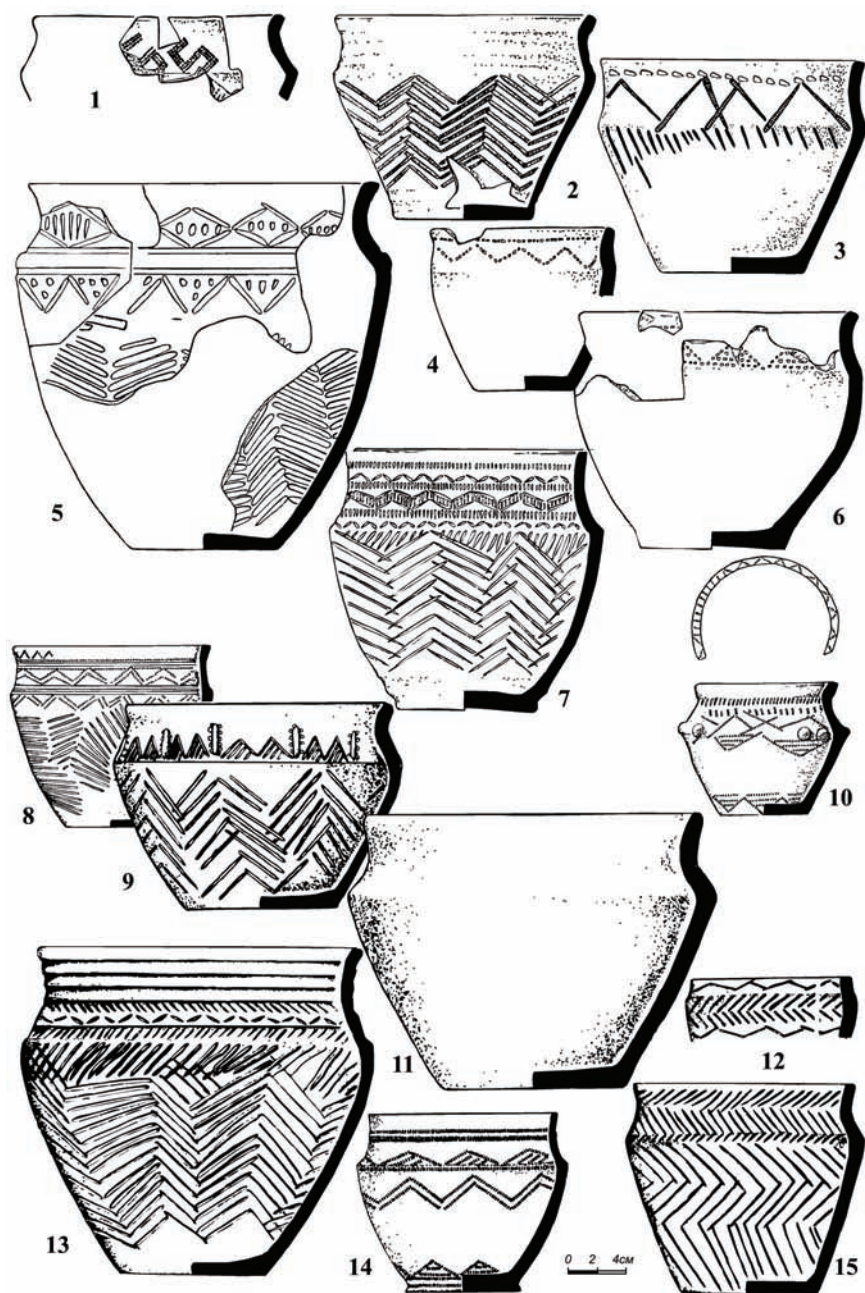

Рис. 43. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.2.2. Зауралье: 1-7 -Каменный Амбар V, 8-11 - CI, 12-15 - CM

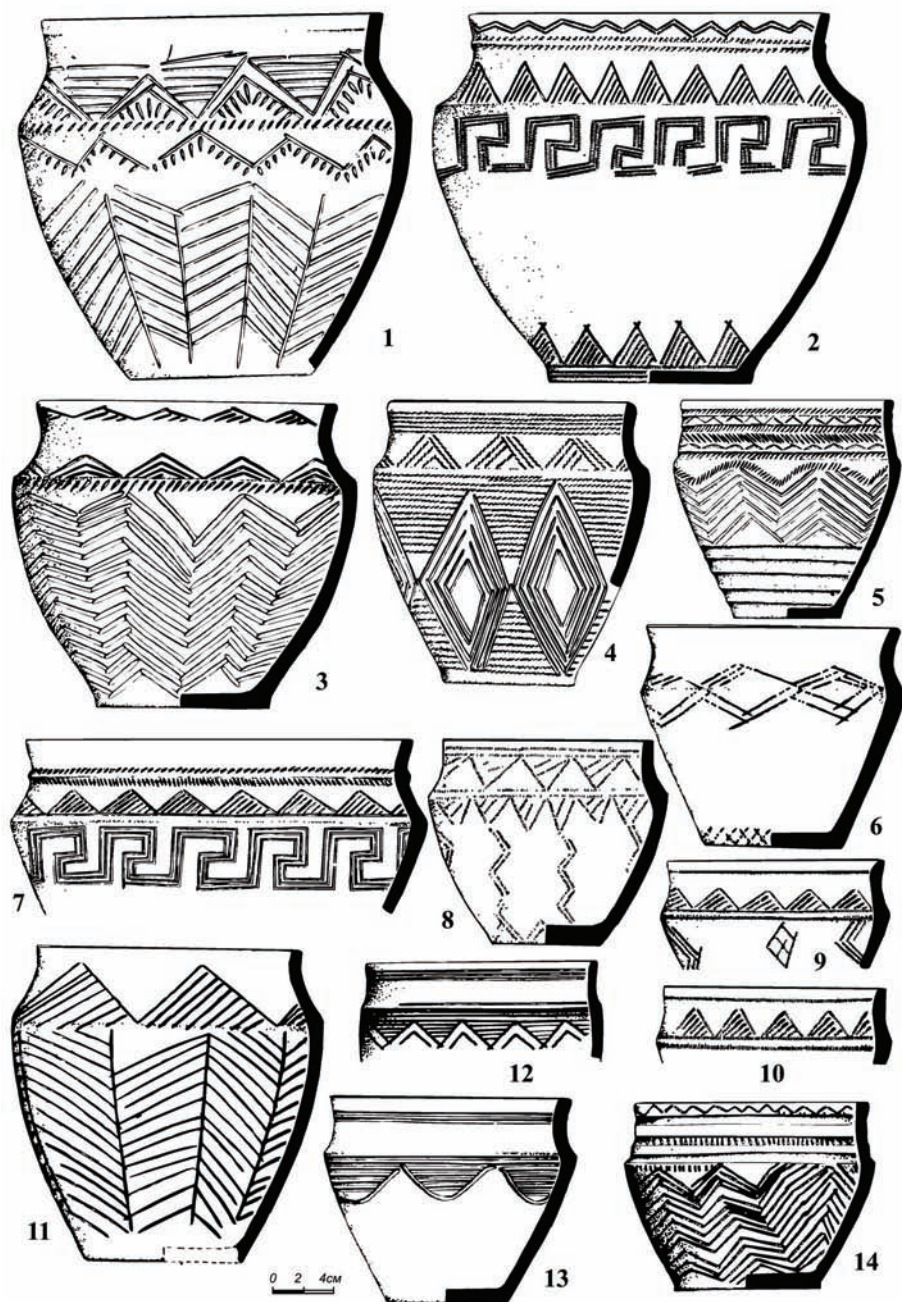
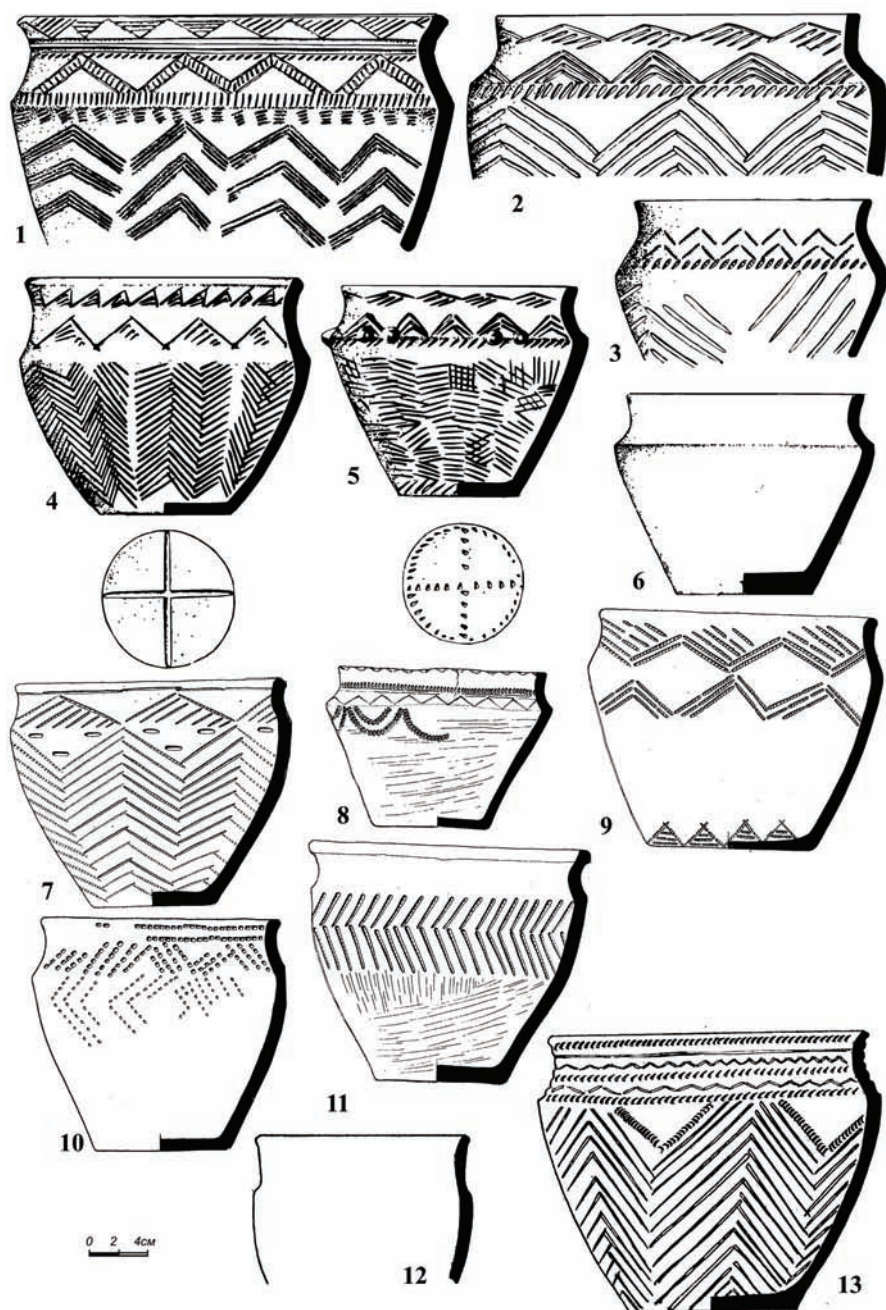

Рис. 44. Керамика синташтинской культуры
Острореберные сосуды подтипа I.2.2. Зауралье: 1-14 - CM

Рис. 45. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
Острореберные сосуды подтипа I.2.2. Зауралье: 1-6 - СМ; Среднее Поволжье: 7-11 - Потаповка, 12, 13 - Утевка VI

Рис. 46. Керамика синташтинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.2.3. Приуралье: 1 - Ишкиновка I; Зауралье: 2 - Больше-караганский, 5 - С II, 3, 4, 6-13 - Кривое Озеро

Рис. 47. Керамика сингаштинской культуры

Острореберные сосуды подтипа I.2.3. Зауралье: 1-7 -Каменный Амбар V, 8-13 - CI, 14-15 - CM

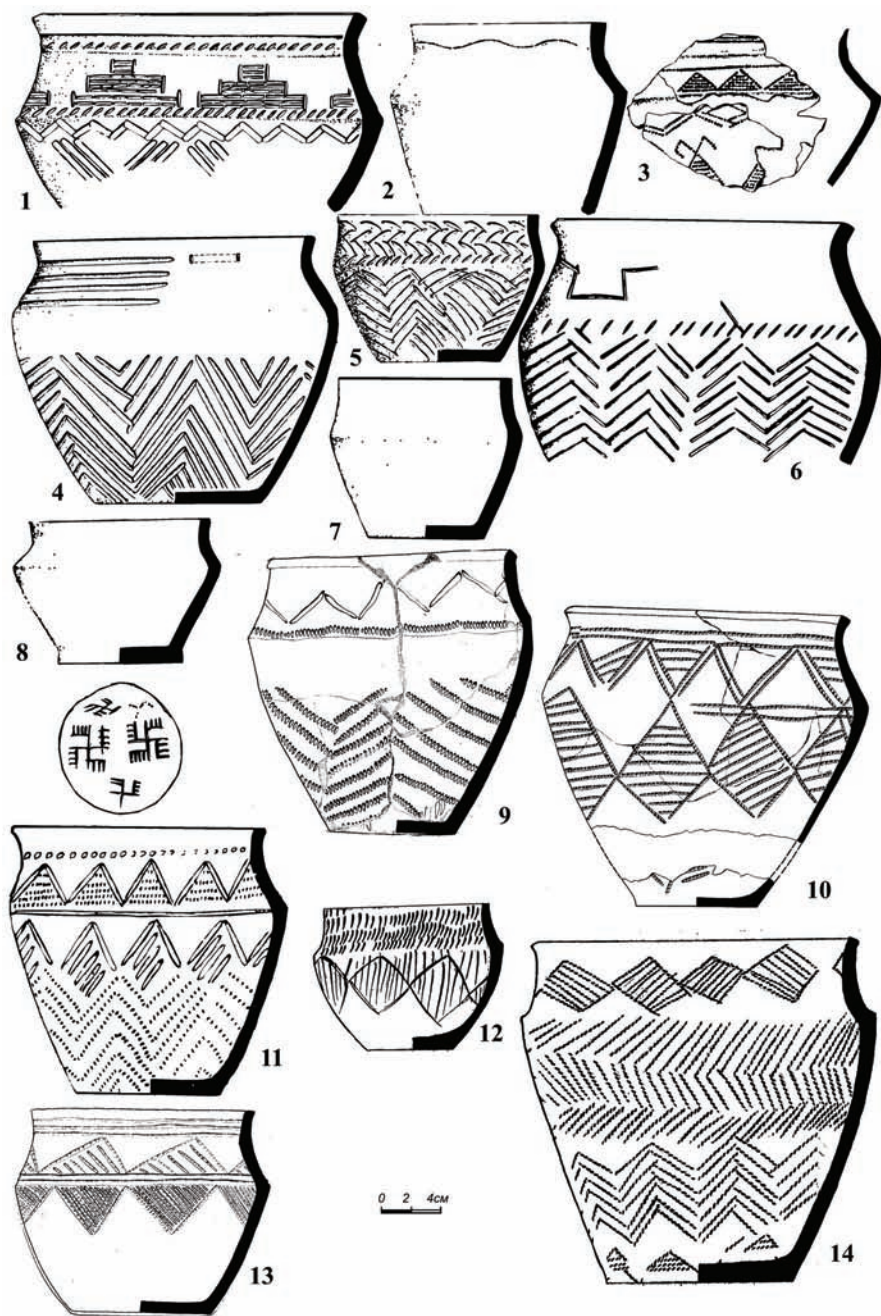
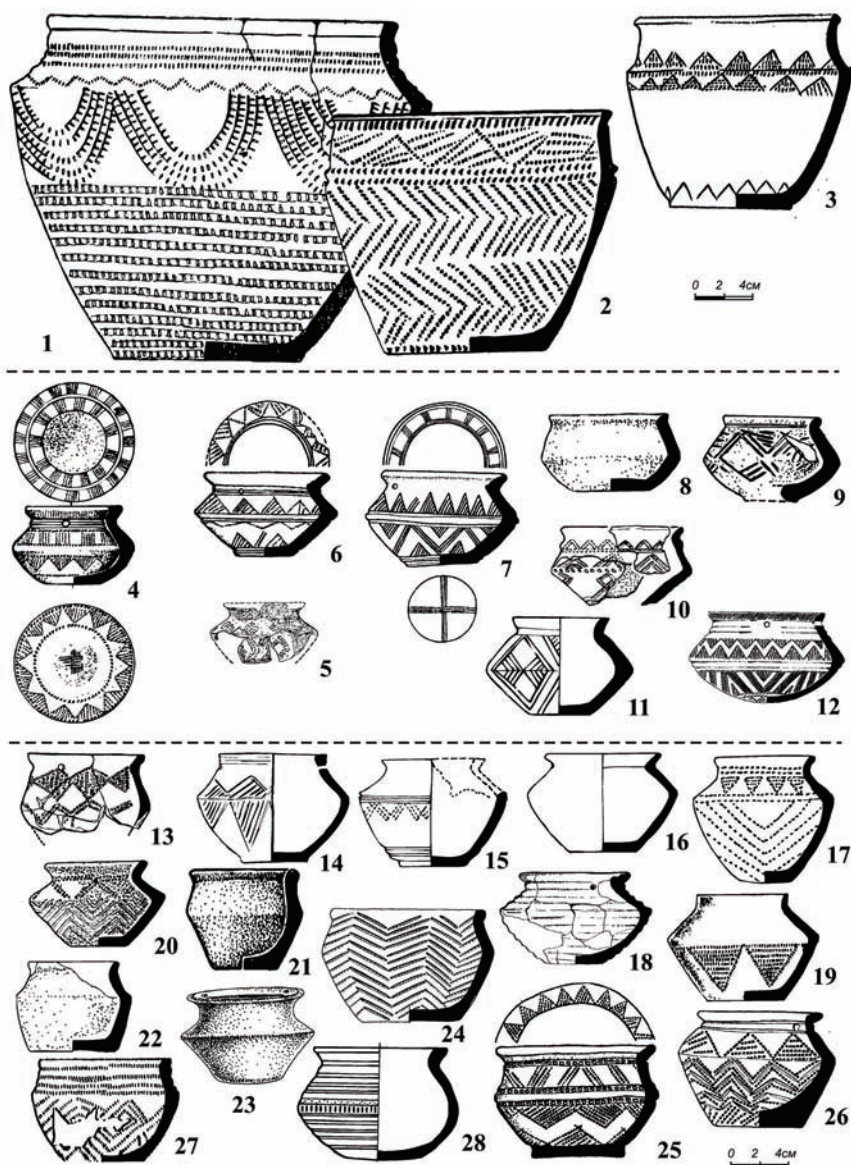

Рис. 48. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
Острореберные сосуды подтипа 1.2.3. Зауралье: 1-8 - СМ; Среднее Поволжье: 9-11 - Пота-
повка, 12-14 - Утевка VI

Рис. 49. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
 Острореберные сосуды подтипа I.2.3. Среднее Поволжье: 1- Потаповка, 2, 3 - Утевка VI. Острореберные миниатюрные сосудики подтипа 1.3.1. Приуралье: 5 - Жаман-Каргала I; Зауралье: 4 - С I, 6, 7 - Кривое Озеро, 8-10 - Каменный Амбар V, 11 - Ново-Петровка; Среднее Поволжье: 12 - Потаповка. Острореберные миниатюрные сосудики подтипа 1.3.2. Приуралье: 13-16 - Танаберген II, 17 - Герасимовский II, 18 - Жаман-Каргала I; Зауралье: 19 - С III, 20, 21 - Большекараганский, 22 - Каменный Амбар V, 23 - СМ, 25, 26 - Кривое Озеро, 28 - Ново-Петровка; Среднее Поволжье: 24 - Потаповка, 27 - Утевка VI

Рис. 50. Керамика синташтинской культуры

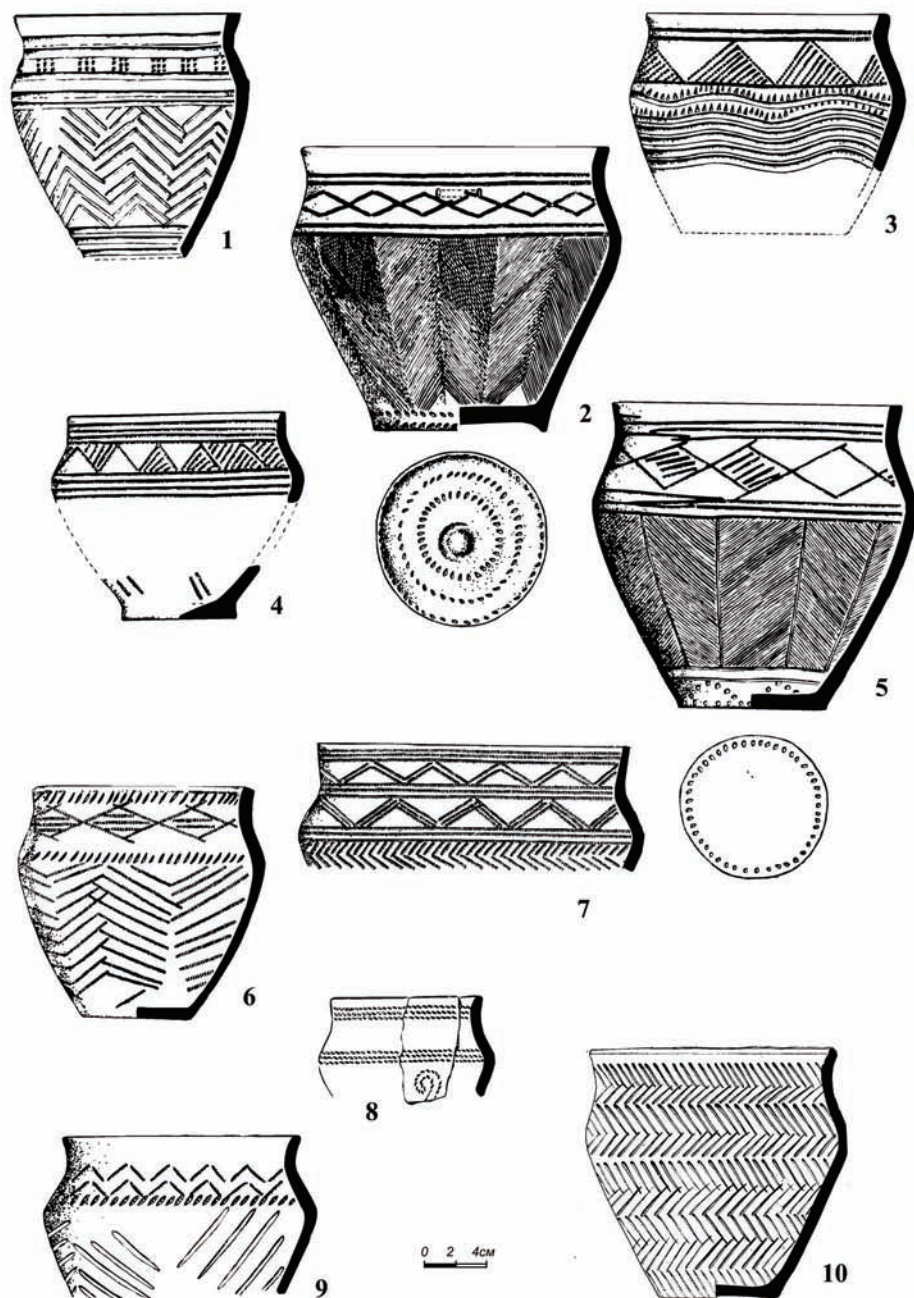
Сосуды с ребристым профилем подтипа I.4.1. Приуралье: 1-4 - Танаберген II, Зауралье: 5 - Каменный Амбар V, 6 - С I, 7 - СМ

Рис. 51. Керамика синташтинской культуры

Сосуды со сглаженным ребром подтипа П.1.1.1. Приуралье: 1 - Танаберген II, 2 - Жаман-Каргала I, 3, 4 - Ишкиновка II, 5, 6 - Новокумакский; Зауралье: 7, 8 - Большекараганский; 9, 10 - Кривое Озеро, 11-13 - Каменный Амбар V

Рис. 52. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
 Сосуды со сглаженным ребром подтипа П.1.1. Зауралье: 1-9 - СМ; Среднее Поволжье:
 10 - Потаповка

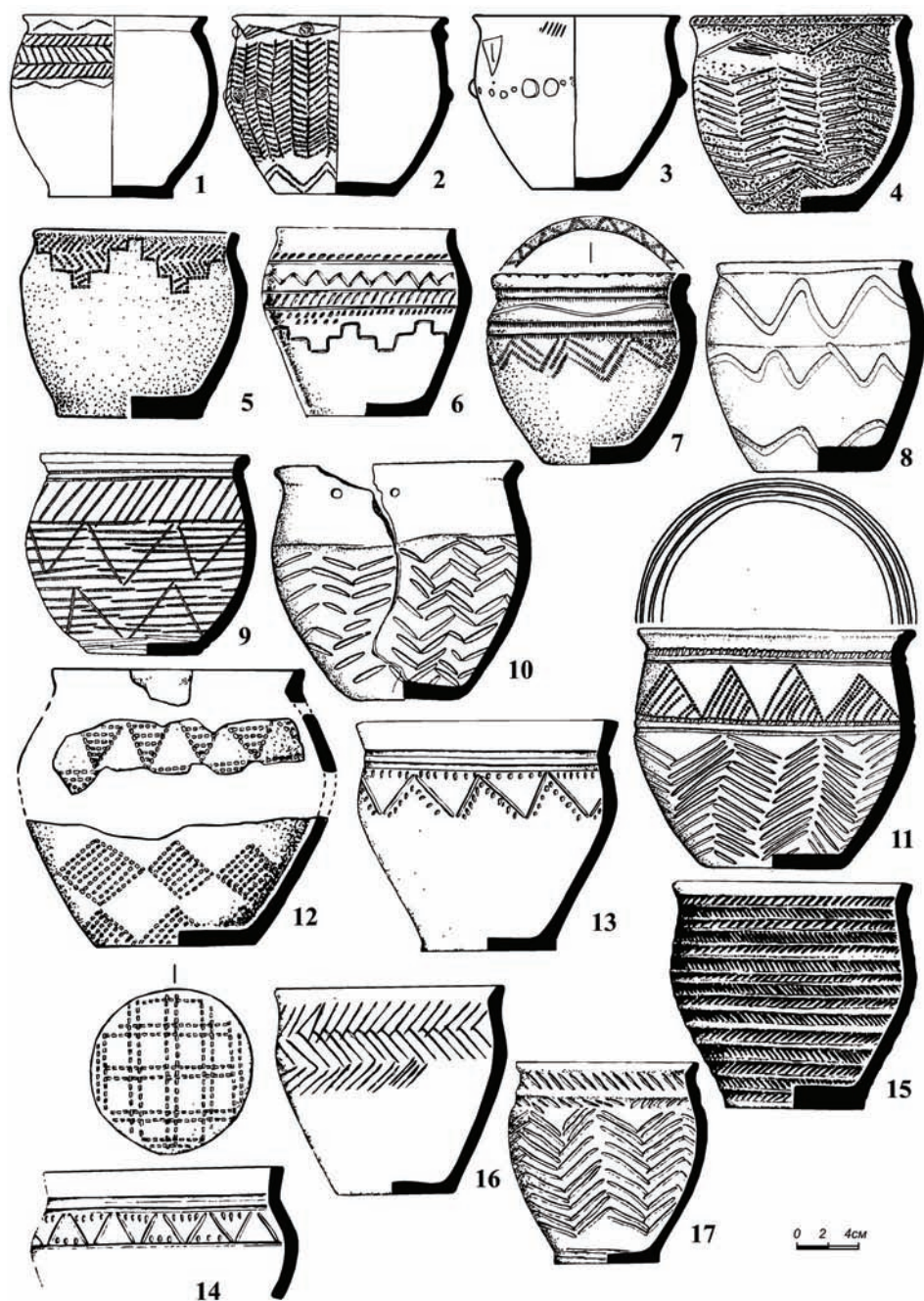

Рис. 53. Керамика сингаштинской культуры

Плавнопрофилированные сосуды подтипа Ш.1.1. Приуралье: 1-3 - Танаберген II; Зауралье: 4, 5 - Большекараганский; 6 - С III, 7 - С II, 8-11 - Кривое Озеро, 12 - С I, 13-17 - СМ

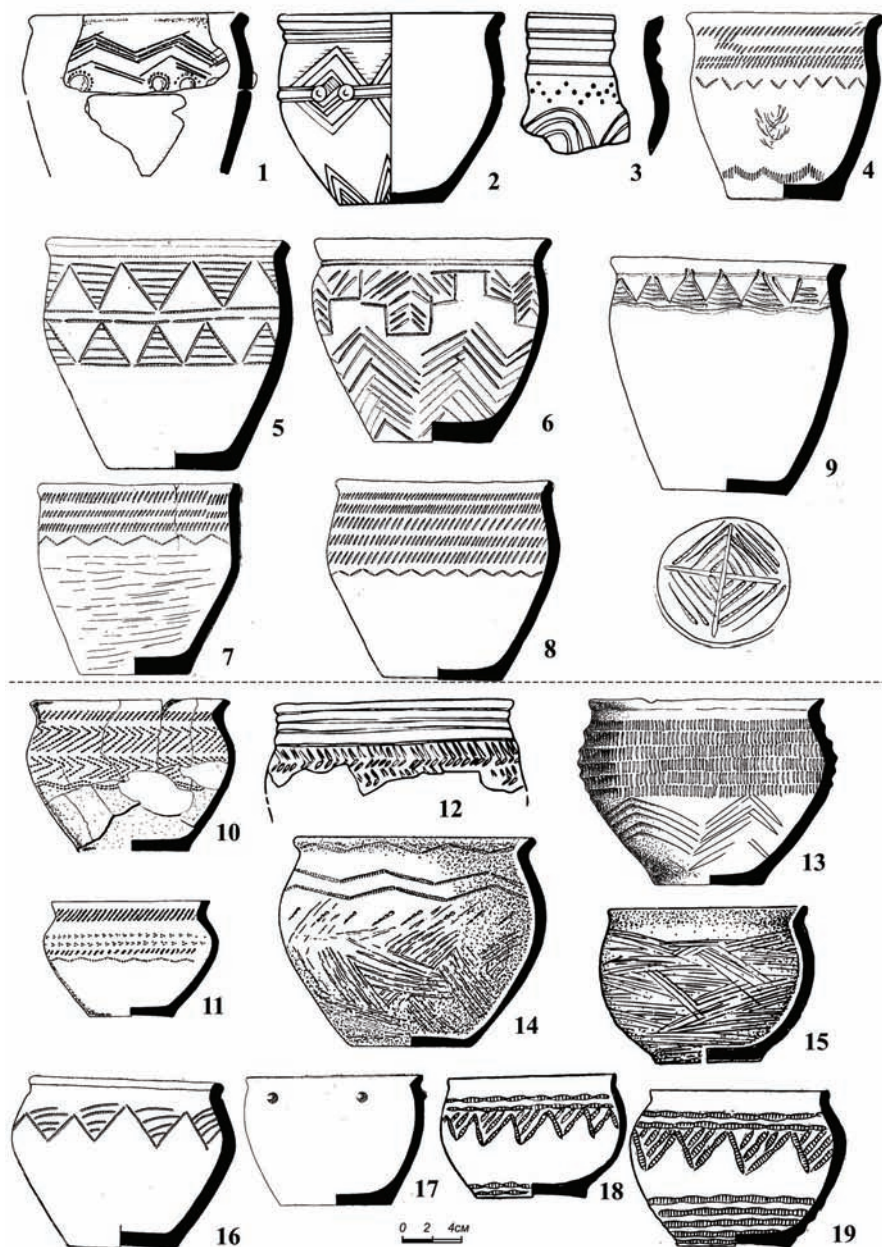
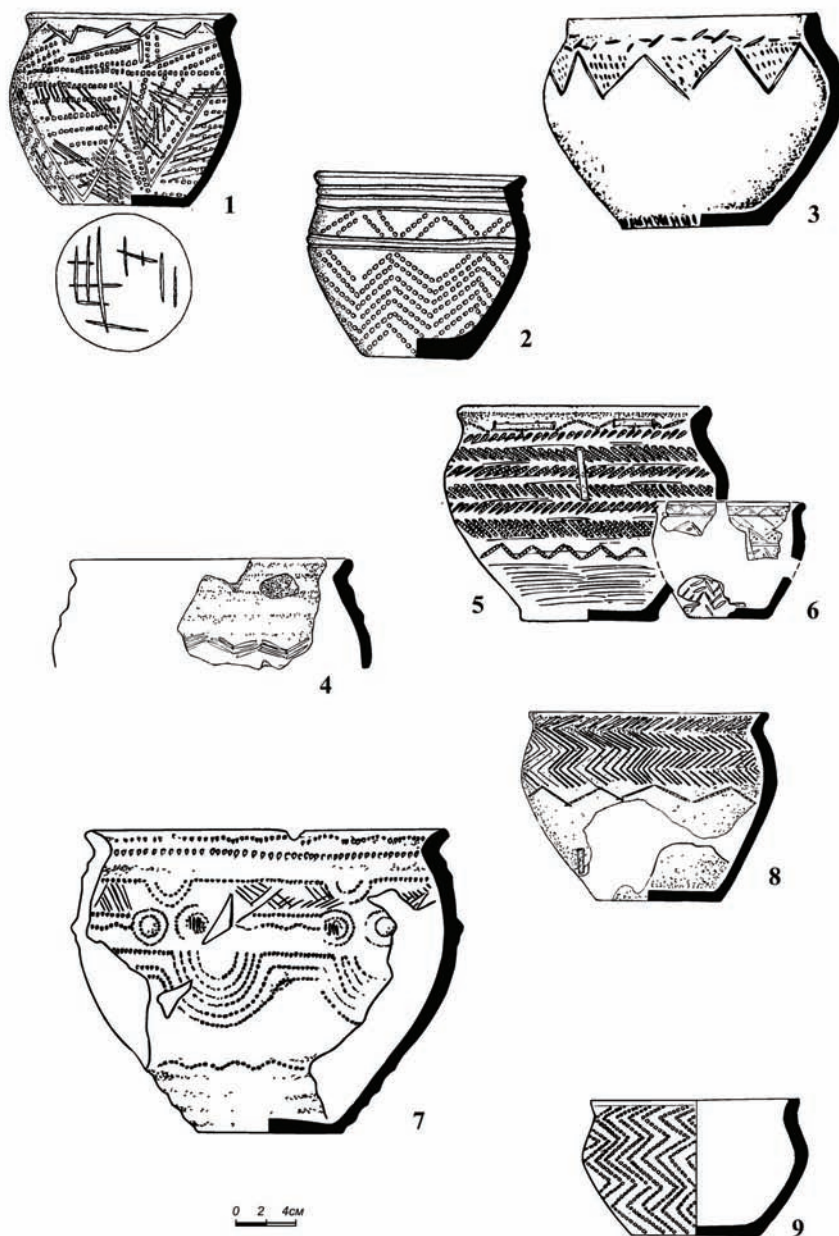

Рис. 54. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа

Плавнoproфилерованные сосуды подтипа III.1.1. Зауралье: 1 - Солнце II, 2, 3 - Ново-Петровка; Среднее Поволжье: 4-9 - Потаповка. Плавнoproфилерованные сосуды подтипа III.1.2. Приуралье: 10, 11 - Жаман-Каргала I, 12, 13 - Новокумакский; Зауралье: 14, 15 - Большекараганский; Среднее Поволжье: 16, 17 - Потаповка, 18, 19 - Утевка VI

Рис. 55. Керамика синташтинской культуры

Плавнoproфилированные сосуды подтипа III.1.2. 1, 2 - Кривое Озеро, 3 - С I, 4-8 - Каменный Амбар V, 9 - Ново-Петровка

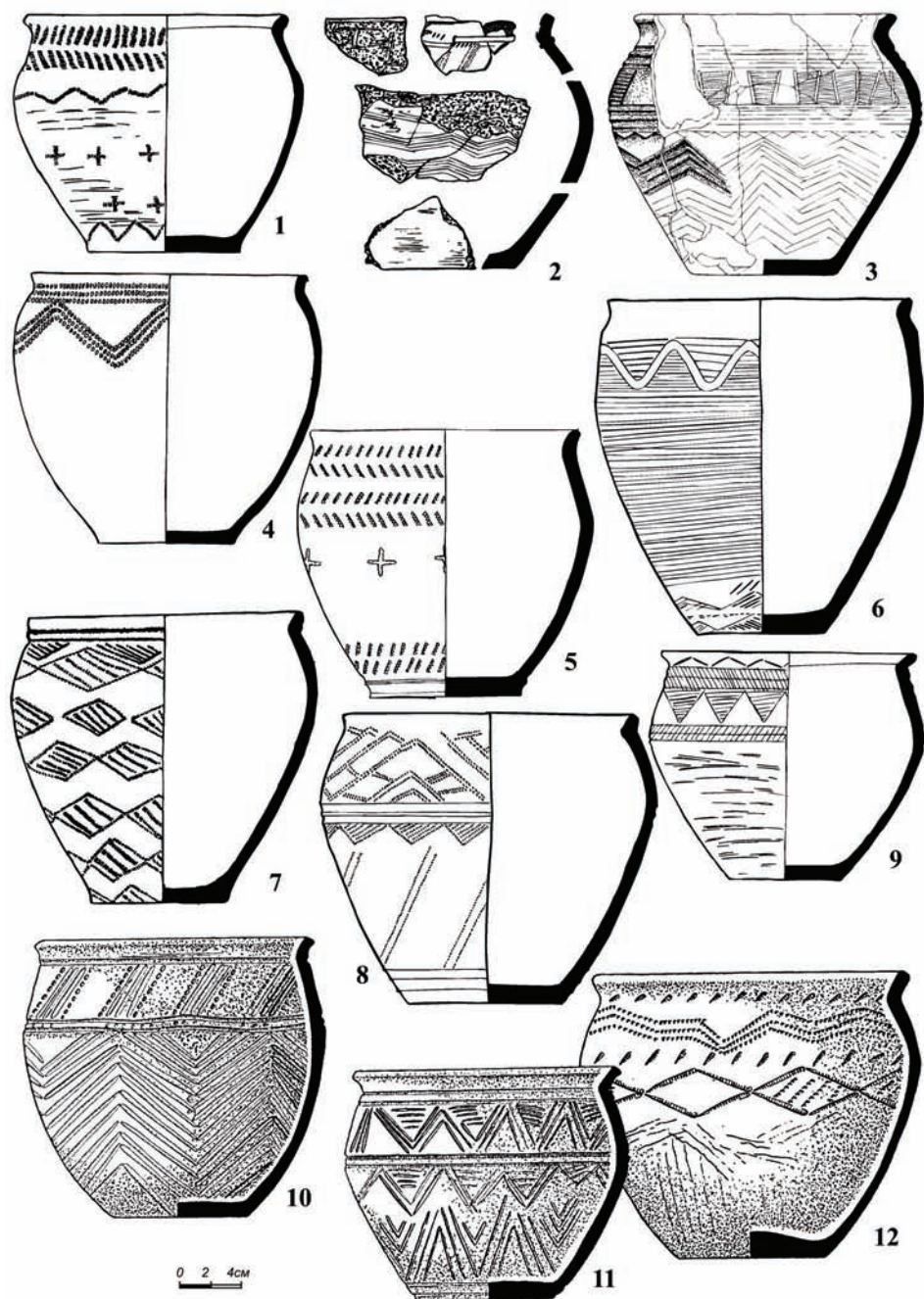

Рис. 56. Керамика синташтинской культуры

Плавнoproфилированные сосуды подтипа III.2.1. Приуралье: 1-9 - Танаберген II; Зауралье: 10-12 - Большекараганский

Рис. 57. Керамика синташтинской культуры

Плавнопрофилированные сосуды подтипа III.2.1. Зауралье: 1-2 - Большекараганский, 3-5 - С II, 6 - С III, 7, 8 - Каменный Амбар V, 9, 10 - С I, 11 - СМ

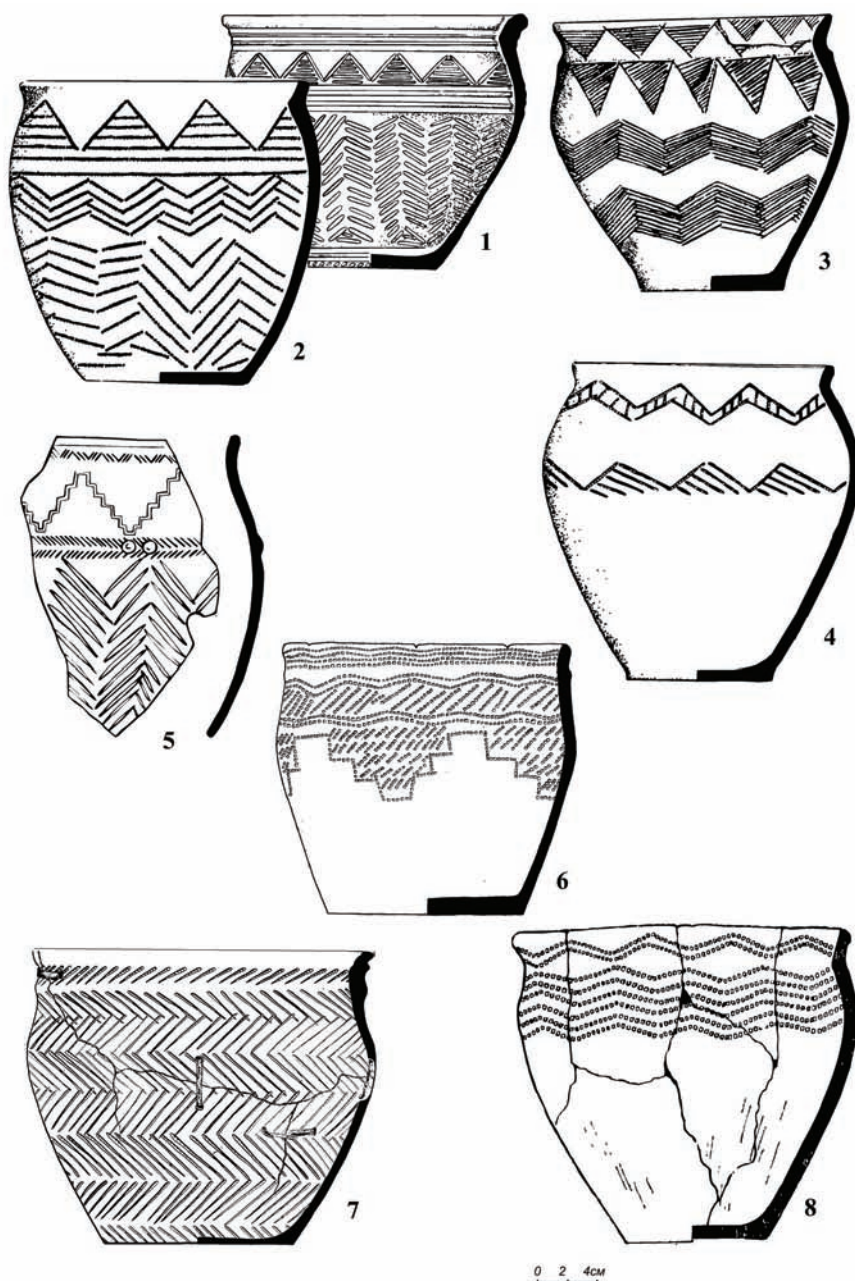
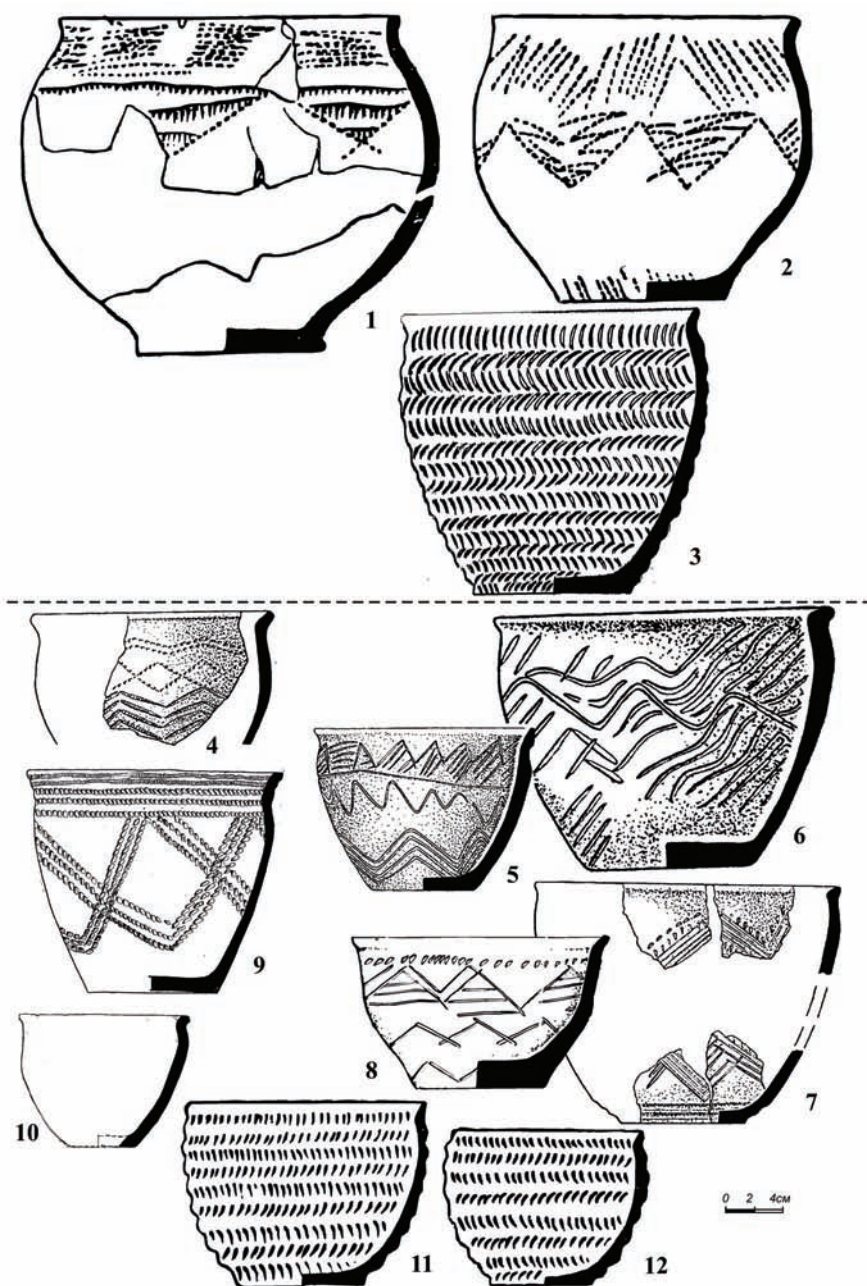
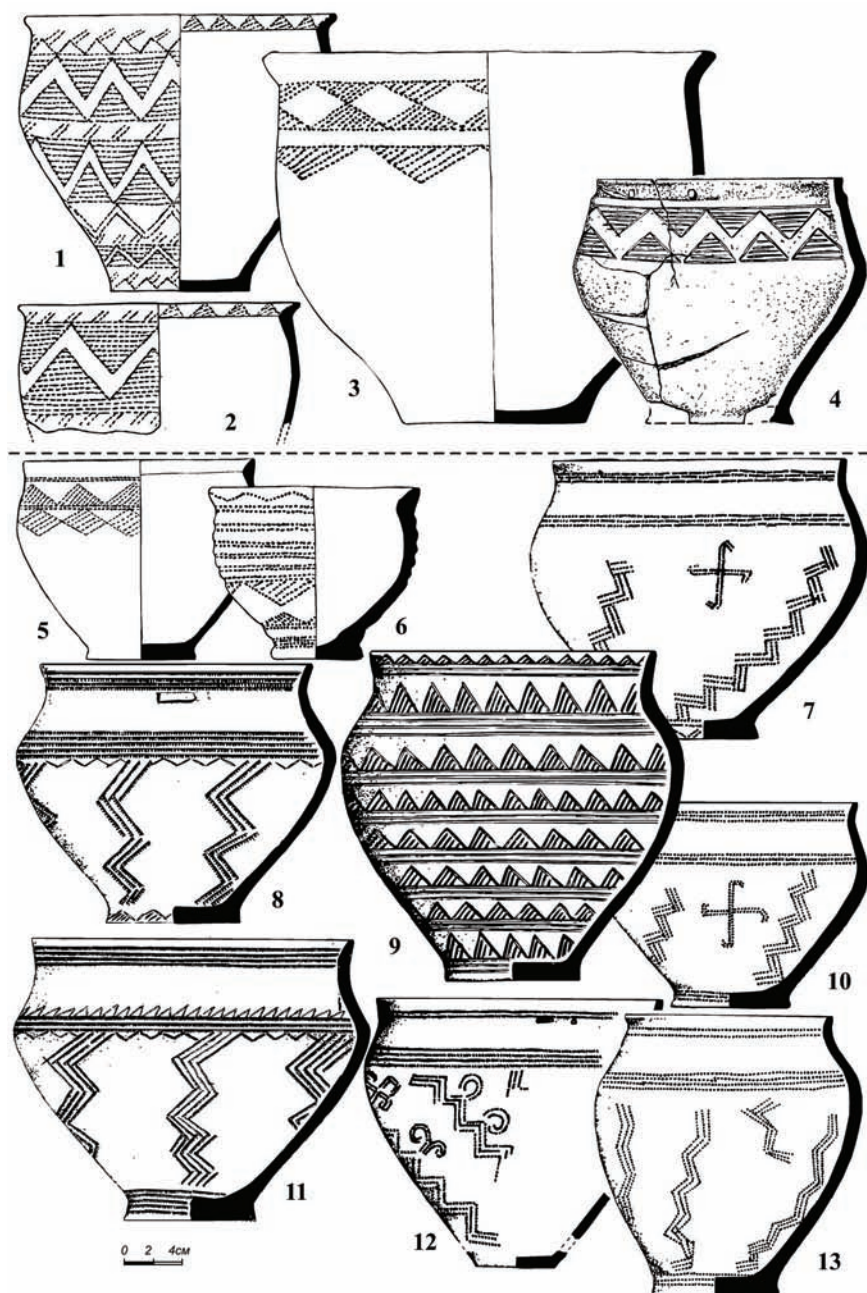

Рис. 58. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
Плавнопрофилированные сосуды подтипа III.2.1. Зауралье: 1 - С I, 2-4 - СМ, 5 - Ново-
Петровка; Среднее Поволжье: 6-8 - Потаповка

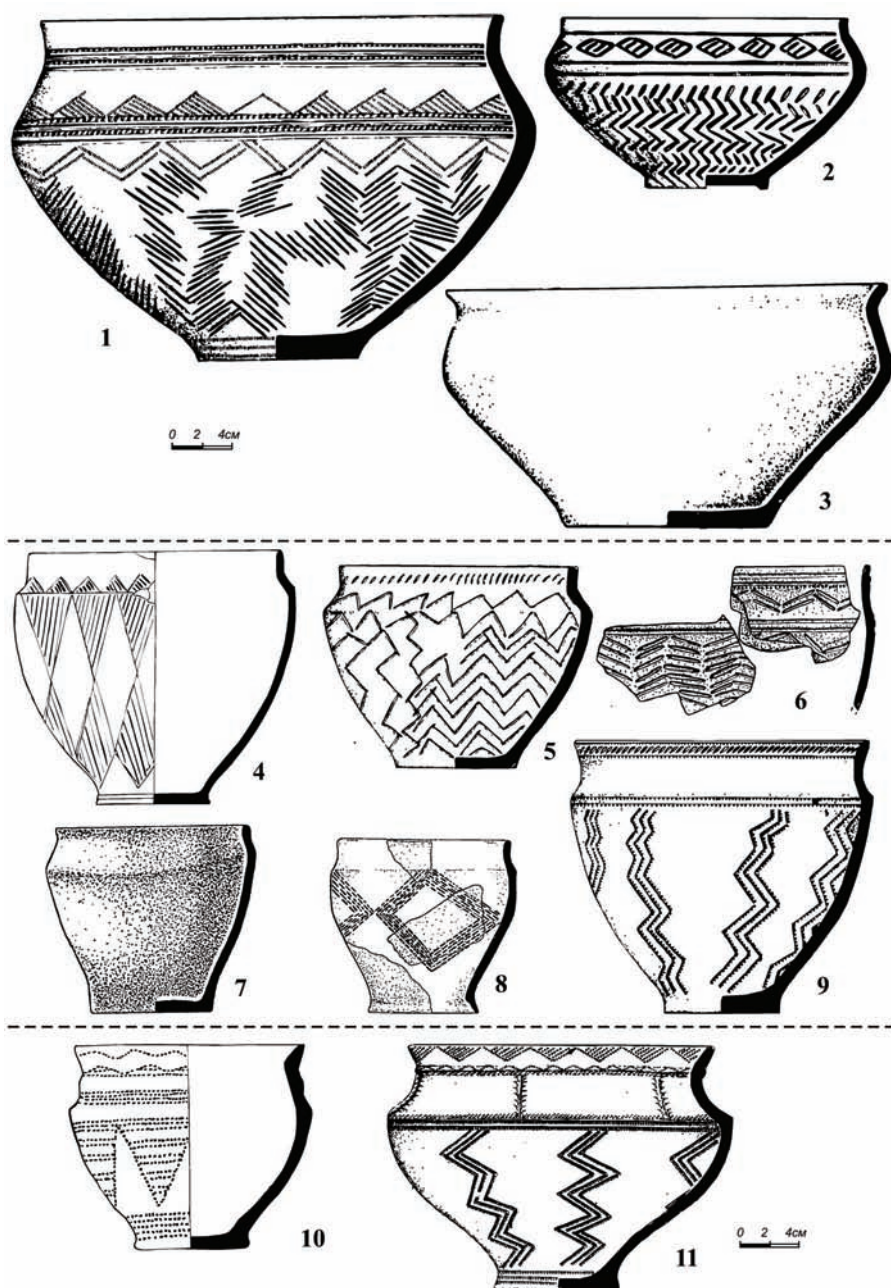
Рис. 59. Керамика синташтинской культуры и потаповского культурного типа
 Плавнoproфилированные сосуды подтипа III.2.1. Среднее Поволжье: 1-3 - Утевка VI.
 Плавнoproфилированные колоколовидные сосуды подтипа III.3.1. Зауралье: 4-7 - Больше-
 караганский, 8 - С I; Среднее Поволжье: 9, 10 - Потаповка, 11, 12 - Утевка VI

Рис. 60. Керамика синташтинской культуры

Кубкообразные сосуды подтипа IV.1.1. Приуралье: 1- Герасимовский II, 2, 3 - Танаберген II; Зауралье: 4 - Каменный Амбар V. Кубкообразные сосуды подтипа IV.2.1. Приуралье: 5- Танаберген II, 6 - Герасимоский II; Зауралье: 7-13 - СМ

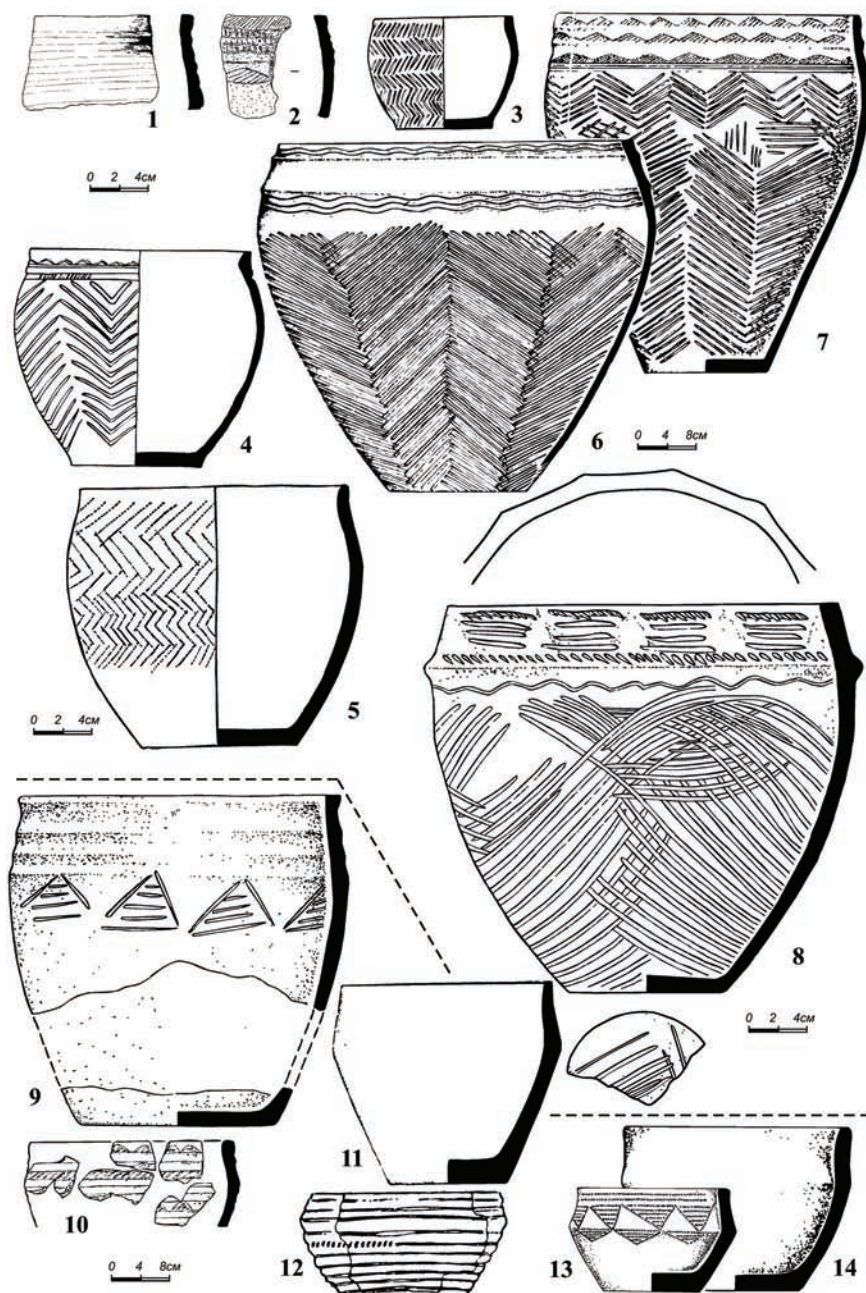

Рис. 61. Керамика синташтинской культуры

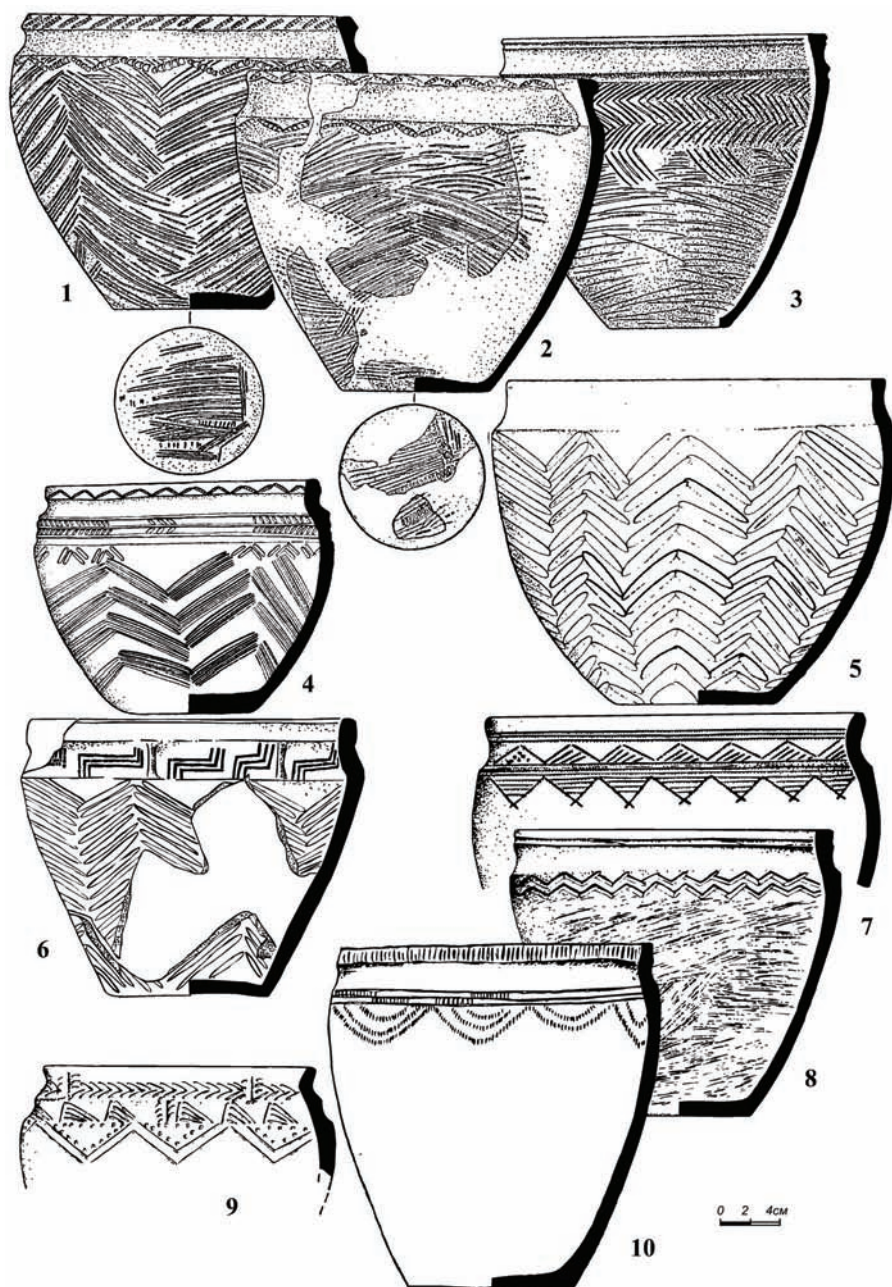
Кубкообразные сосуды подтипа IV.2.2. Зауралье: 1, 2 - СМ, 3 - С I. Кубкообразные сосуды подтипа IV.3.1. Приуралье: 4 - Танаберген II; Зауралье 6-8 - Большекараганский, 5, 9 - СМ. Кубкообразные сосуды подтипа IV.3.2. Приуралье: 10 - Герасимовский II; Зауралье: 11 - СМ

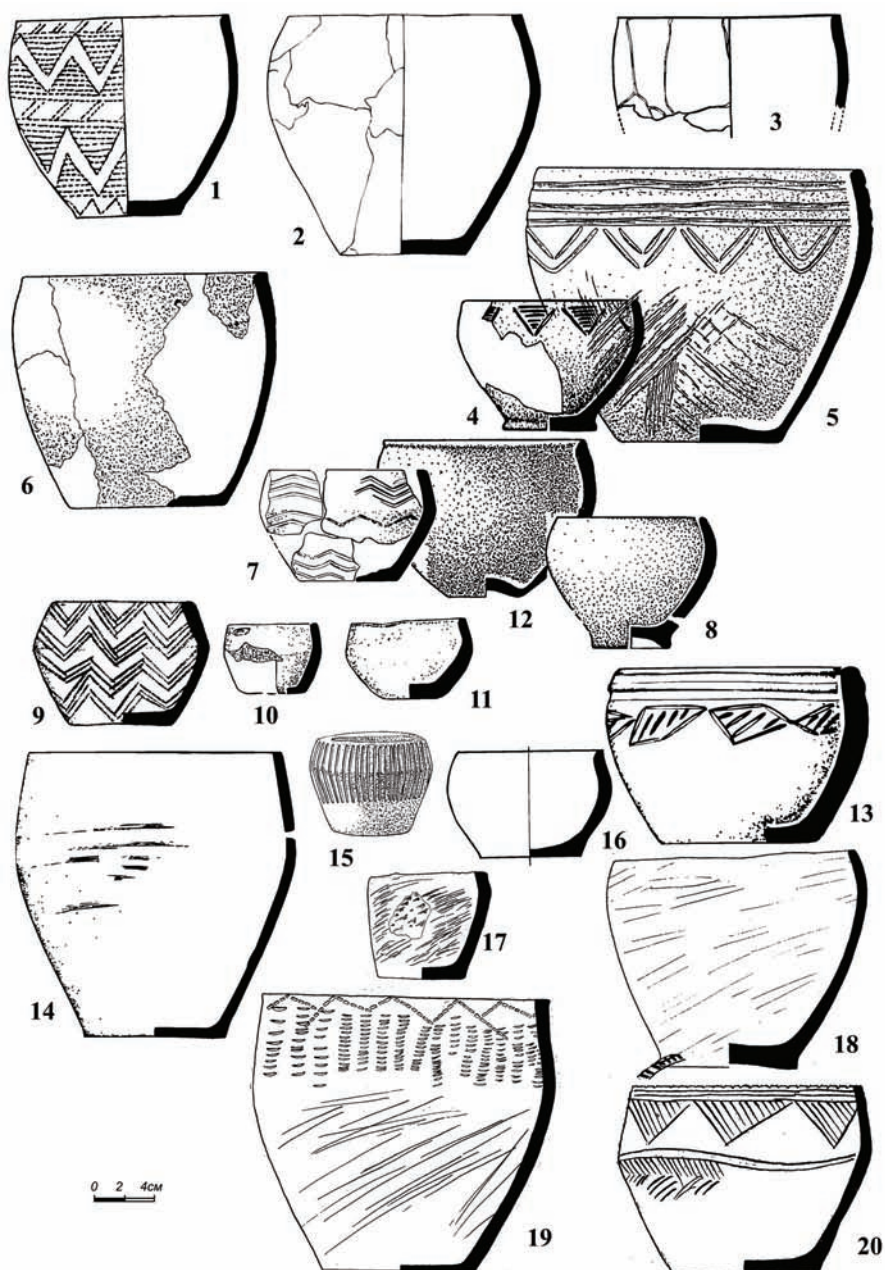
Рис. 62. Керамика синташтинской культуры потаповского культурного типа

Горшечно-баночные сосуды подтипа V.1.1. Приуралье: 1- Ишкиновка I, 2-5 - Танаберген II; Зауралье: 6-7 - СМ, 8 - Каменный Амбар V. Горшечно-баночные сосуды подтипа V.2.1. Зауралье: 9, 10 - Каменный Амбар V, 11 - СМ, 13-14 - С I; Среднее Поволжье: 12 - Утевка VI

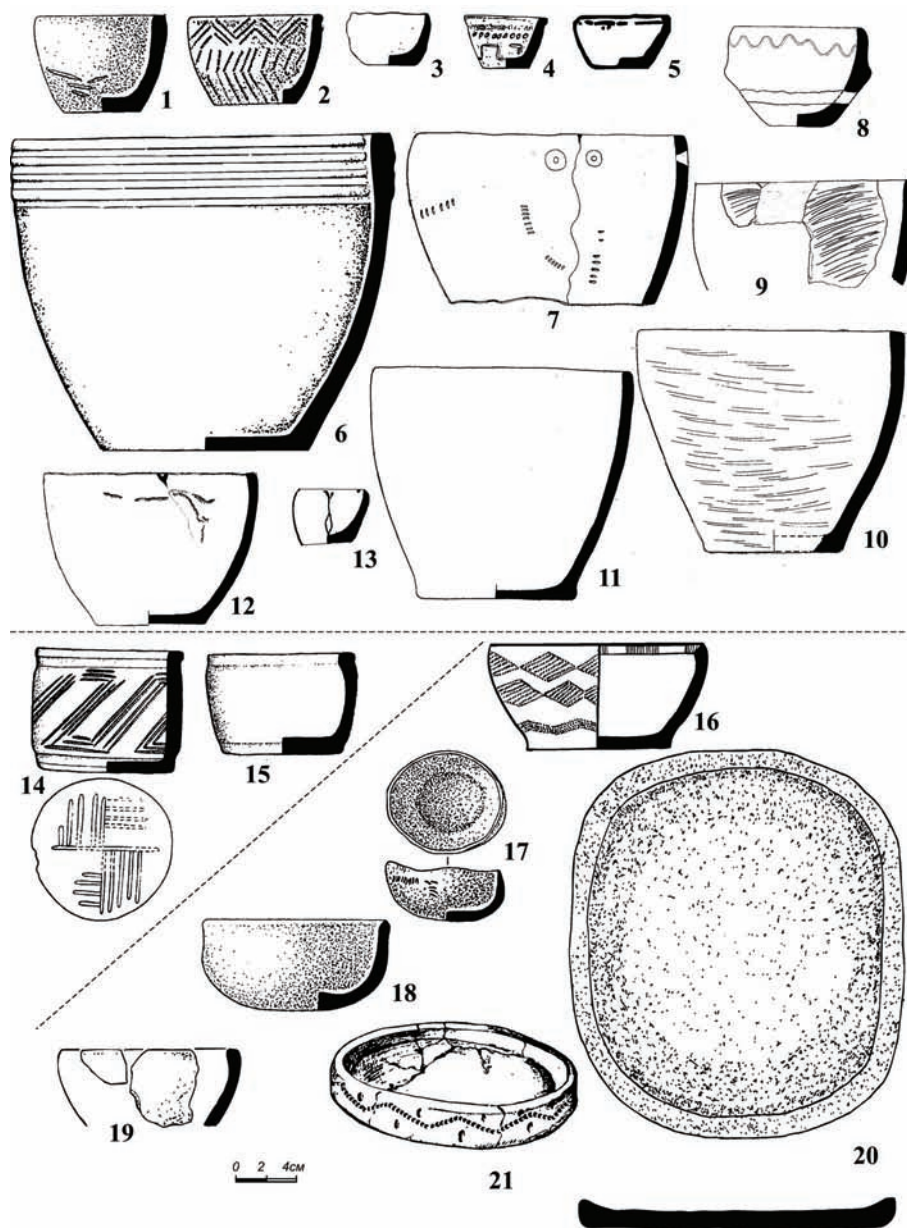
Рис. 63. Керамика синташтинской культуры потаповского культурного типа
 Горшечно-баночные сосуды подтипа V.2.2. Зауралье: 1-3 - Большекараганский, 4 - Кривое
 Озеро, 5, 6 - Каменный Амбар V, 7-9 - СМ; Среднее Поволжье: 10 - Утевка VI

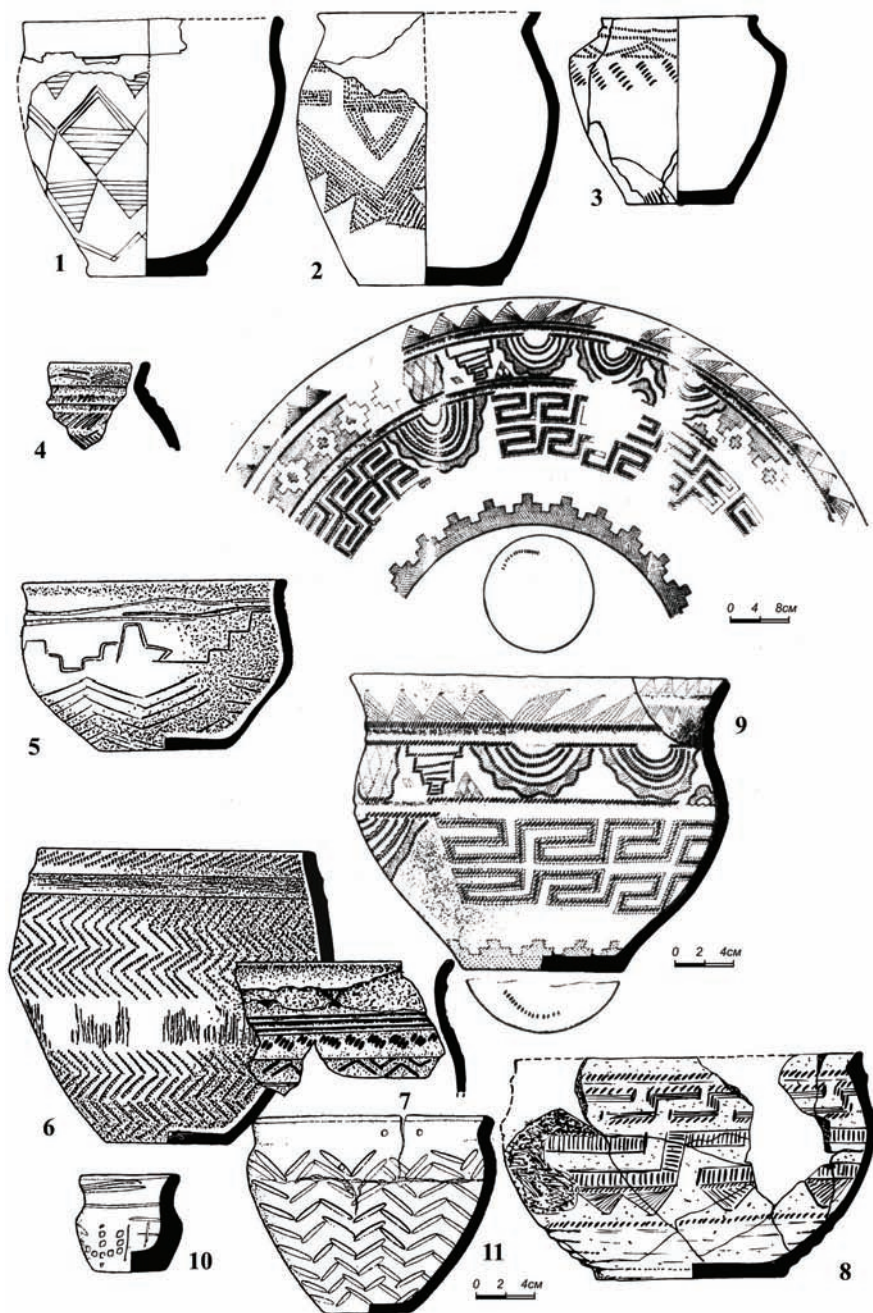
Рис. 64. Керамика синташтинской культуры потаповского культурного типа

Закрытые банки подтипа VI.1.1. Приуралье: 1-3 - Танаберген II, Зауралье: 4-8 - Большекараганский, 9 - Кривое Озеро, 10-12 - Каменный Амбар V, 13 - С I, 14, 15 - СМ, 16 - Ново-Петровка; Среднее Поволжье: 17-19 - Потаповка, 20 - Утевка VI

Рис. 65. Керамика синташтинской культуры потаповского культурного типа

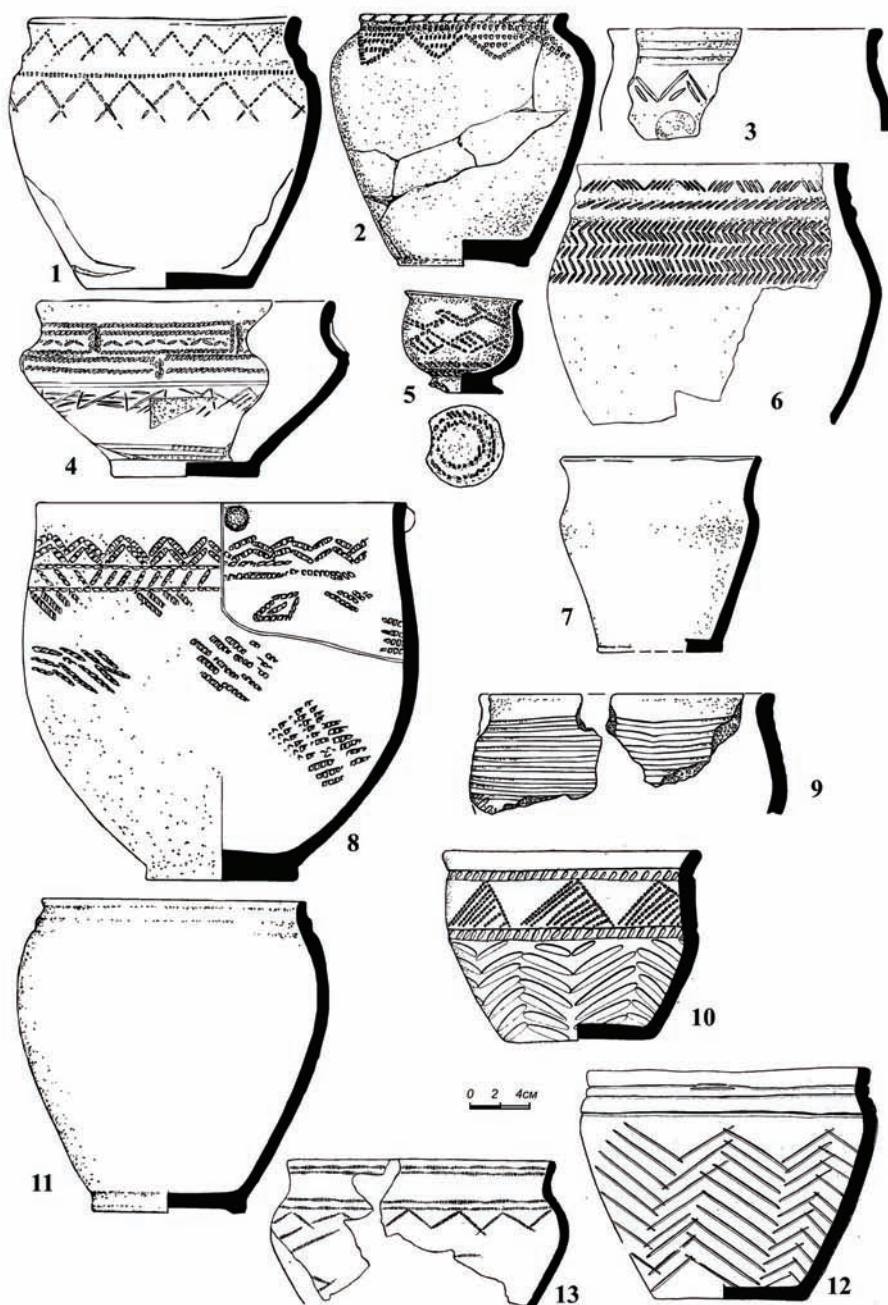
Открытые банки подтипа VI.2.1. Зауралье: 1-2 - Большекараганский, 3-5 - Каменный Амбар V, 6 - С I; Среднее Поволжье: 7-12 - Потаповка, 13 - Утевка VI. Стакановидные банки подтипа VI.2.2. Зауралье: 14, 15 - Кривое Озеро. Миски подтипа VII.1.1. Приуралье: 16 - Танаберген II. Миски подтипа VII.1.2. Зауралье: 17, 18 - Большекараганский, 19 - Каменный Амбар V. Блюда подтипа VIII.1.1. Приуралье: 20 - Жаман-Каргала I; Среднее Поволжье: 21 - Утевка VI

Рис. 66. Керамика синташтинской культуры

Сосуды вне подтипов. Приуралье: 1-3 - Танаберген II, 4, 8 - Жаман-Каргала I; Зауралье: 5-7 - Большекараганский, 9 - С II; 10-11 - Кривое Озеро

Рис. 67. Керамика синташтинской культуры потаповского культурного типа
 Сосуды вне подтипов. Зауралье: 1-9 - Каменный Амбар V, 10 - Кривое Озеро, 11 - СМ;
 Среднее Поволжье: 12 - Потаповка, 13 - Утевка VI

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева М. В., Петренко В. Г., 1998.** Комплексы эпохи бронзы из кургана у хутора «Красное знамя» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Ставрополь.
- Археология, 1994.** Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Березанская С. С., 1998.** КМК – культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.
- Бобринский А. А., 1978.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский А. А., 1986.** О методике изучения форм посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Бобринский А. А., 1988.** Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996.** Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Бочкарев В.С., 1991.** Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы семинара. СПб.
- Вангородская О. Г., Санжаров С. Н., 1991.** Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.
- Васильев И. Б., 1999.** Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1992.** Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // ПАВ. Вып. I. СПб.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1994.** Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1995.** Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (Краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.

- Виноградов Н. Б., 2003.** Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск.
- Генинг В. Ф., 1973.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1.
- Генинг В. Ф., 1975.** Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов. Ч. I. Киев.
- Генинг В. Ф., 1977.** Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992.** Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч.1. Челябинск.
- Генинг В.В., Корпусова В. Н., 1989.** Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Источное и с. Болотное. Киев.
- Горбов В. Н., 2000.** О наименовании частей сосудов позднего бронзового века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции. Саратов-Энгельс.
- Горбунов В. С., Иванов В. А., 1992.** Памятники эпохи бронзы из Оренбуржья и Южной Башкирии // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Григорьев С. А., 1999.** Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск.
- Григорьев С. А., 2000.** Бронзовый век // Древняя история Южного Урала. Том.1. Челябинск.
- Гутков А. И., 2003.** Техничко-технологический анализ керамики могильника Кривое Озеро // Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск.
- Денисов И. В., 2001.** Могильники эпохи бронзы Обилькина Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург.
- Деопик Д. В., Дервиз Т. Г., 1985.** Морфологический анализ керамики из погребений срубной культуры Нижнего Подонья // СА. № 1.
- Дергачев В. А., Бочкарев В. С., 2002.** Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев
- Древняя керамика:** проблемы и перспективы комплексного подхода. Материалы заседания «круглого стола». Челябинск, 2003.
- Дремов И. И., 1997.** Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье // Эпоха бронзы

и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей.
Часть 2. Саратов.

Епимахов А. В., 1996. Курганный могильник Солнце 2 – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

Зданович Г. Б., Зданович Д. Г., 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (материалы 3-й международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» часть V, книга I). Челябинск.

Зданович Д. Г. и др., 2002. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / составитель Д. Г. Зданович. Челябинск.

Каменецкий И. С., Узянов А. А., 1977. О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.

Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.

Клейн Л. С., 1991. Археологическая типология. Л.

Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В., 1995. Памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.

Красильников К. И., Тельнова Л. И., 1993. Исследование кургана у с. Преображенское на реке Красная // Древние культуры Подонцовья. Луганск.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., 2001. Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Семенова А.П., Хохлов А.А., 2000. Новые материалы к проблеме культурогенеза эпохи поздней бронзы в Волго-Уралье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына. Саратов.

Кузьмина О. В., 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. I. Самара.

Лопатин В. А., Якубовский Г. Л., 1993. Усть-Курдюмский курганный могильник // Археологические вести. Вып. 1. Саратов.

Малов Н. М., 1991. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тезисы вторых Рыковских чтений. Саратов.

- Малютина Т. С., Зданович Г. Б., 2004.** Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. № 4.
- Малютина Т. С., Зданович Г. Б., 2005.** Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. № 2.
- Матвеев Ю. П., 2005.** О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. № 3.
- Моргунова Н. Л., 2000.** Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003.** Шумаевские курганы. Оренбург.
- Мосин В. С., 1990.** К вопросу о преемственности энеолита-бронзы в южном Зауралье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.
- Мосин В. С., 1990.** К вопросу о преемственности энеолита-бронзы в южном Зауралье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.
- Мосин В. С., 2003.** Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Мочалов О. Д., 1996.** О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (К постановке проблемы) // Историко-археологические изыскания. Научные труды молодых ученых. Вып. 1. Самара.
- Мочалов О. Д., 1997.** Орнамент керамики абашевских погребений Приуралья // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Вып. 2. Самара.
- Мочалов О. Д., 1997а.** Керамика эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры // Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Воронеж.
- Мочалов О. Д., 1997б.** Орнамент керамики абашевских погребений Приуралья // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Вып. 2. Самара.
- Мочалов О. Д., 2003.** О керамике бронзового века бассейна р. Самары // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара.
- Мочалов О. Д., 2004.** Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА. № 2.
- Отрошенко В. В., 1998.** О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА. № 1.

- Парусимов И. Н., 1999.** Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып.4. Азов.
- Петрухин В. Я., 1995.** Начало этнокультурной истории Руси IX-XI. Смоленск.
- Порохова О.И., 1992.** II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И., 2001.** Острореберные абашевские сосудики Доно-Волжского региона // Доно-волжская абашевская культура. Воронеж.
- Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., Беседин В. И., 1991.** Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж.
- Пярых Г. Г., 2004.** К проблеме происхождения и культурной принадлежности памятников потаповского типа // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.
- Рогудеев В. В., 2000.** Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре // Археологические записки. Вып. I. Ростов-на-Дону.
- Санжаров С. Н., 1993.** Курганы у г. Краматорска на Казенном Торце // Древние культуры Подонцовья. Луганск.
- Синюк А. Т., 1996.** Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Смирнов А. М., 1996.** Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Сунгатов Ф. А., Сафин Ф. Ф., 1995.** Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа.
- Ткачев В. В., 2000.** О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Ткачев В. В., 2001.** О внутренней хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара.
- Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю., 2000.** Новые погребения энеолита – средней бронзы из Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург.

- Хаванский А. И., 2004а.** Опыт построения системы анализа форм керамики бронзового века // Материалы XXXVI УПАСК. Пенза.
- Хаванский А. И., 2004б.** Типология форм синташтинской керамики // Материалы XXXVI УПАСК. Пенза.
- Халяпин М. В., 2000.** Новые Абашевские материалы из Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Халяпин М. В., 2000.** Новые Абашевские материалы из Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Шарафутдинова Э. С., 1995.** Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (2 тыс. до н. э.). Самара.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук СССР
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
КИО	– культурно-историческая общность
ОГТИ	– Орский гуманитарно-технологический институт
ПАВ	– Петербургский археологический вестник
ПБВ	– поздний бронзовый век
РА	– Российская археология
РАН	– Российская Академия наук
СА	– Советская археология
СБВ	– средний бронзовый век
УрО РАН	– Уральское отделение Российской Академии наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И МЕТОДИКА	10
Глава II. ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	26
2.1. Морфологическая характеристика синташтинской керамики	26
2.2. Система орнаментации синташтинской керамики	43
Глава III. СООТНОШЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РУБЕЖА ЭПОХ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ	67
3.1. Морфология	67
3.2. Орнаментация	84
Глава IV. ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА СИНТАШТИНСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
SUMMARY	123
БИБЛИОГРАФИЯ	172
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	178

Научное издание

**Ткачев Виталий Васильевич
Хаванский Алексей Иванович**

КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Рекомендовано к изданию Поволжским филиалом
Института российской истории РАН*

Редактор *Т. И. Никитина*
Технический редактор *Г. А. Чумак*
Корректор *Т. И. Никитина*
Художник *Е. А. Камышев*
Компьютерная верстка и
макет обложки *В. В. Ткачев*

Издательство
Орского гуманитарно-технологического
института

Подписано в печать с готового оригинал-макета 07.03.2006.

Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,63.

Уч.-изд. л. 14. Тираж 500. Заказ 3051.

Отпечатано в типографии
ОАО «Челябинский дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.